

ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

2018 Том 1 № 8

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77 – 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Курылев К.П. — доктор исторических наук, профессор, РУДН, Россия, kuryljov@narod.ru

Заместитель главного

редактора *Пархитко Н.П.* — кандидат исторических наук, доцент, РУДН, Россия, scharmchorst@mail.ru

Ответственный секретарь

Смолик Н.Г. — старший преподаватель, РУДН, Россия, nadian@list.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Республика Азербайджан

Агрян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Республика Армения

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Республика Беларусь

Рцхладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии (Тбилиси), Грузия

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Республика Индия

Дешпанде Санджай, кандидат исторических наук, директор Центра евразийских исследований Университета Мумбаи, Республика Индия

Губайдулина Мара Шаукатовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Республика Казахстан

Жолдасбекова Акбота Ниязовна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Бейбутова Рысбюю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Кыргызская Республика

Бредихин Антон Викторович, кандидат исторических наук, президент АНО социально-экономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований», Россия

Гуцин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья РГГУ, Россия

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Россия

Мавлонова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, Россия

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, РГГУ, Россия

Сидоров Дмитрий Алексеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Россия

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, Россия

Мансуров Умед Абдуфаттохович, кандидат юридических наук, проректор по международным связям Российско-Гаджикского (Славянского) университета, Республика Таджикистан

Мавланов Ибрагим Рахматович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Республика Узбекистан

ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Периодичность – 8 номеров в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)

08.00.14 – Мировая Экономика (экономические науки)

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ», «Политические портреты». Журнал приветствует публикацию рецензий.

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

JOURNAL "POST-SOVIET STUDIES"

2018 Vol.1 №8

Electronic journal

Ed. since 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications. **Registration certificate:** ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

Chief Editor

K.P. Kurylev – Doctor of History, Professor of RUDN University, Russia
kuryljov@narod.ru

Deputy Chief Editor

N.P. Parkhitko – PhD in History, Assistant Professor of RUDN University, Russia
scharnchorst@mail.ru

Executive Secretary

N.G. Smolik – senior lecturer of RUDN University, Russia
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Republic of Azerbaijan

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Republic of Armenia

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Republic of Belarus

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia (Tbilisi), Georgia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in political sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, Republic of India

Deshpande Sandjay, PhD in History, Director of the Center for Eurasian Studies in the University of Mumbai, Republic of India

Gubaydulina Mara Shaukatovna, Doctor of History, Professor of the Faculty of International Relations and World Economy of the Kazakh Al-Farabi National University, Republic of Kazakhstan

Zholdasbekova Akbota Niyazovna, PhD in Politics, Dean of the Faculty of International Relations of the L. N. Gumileva Eurasian National University, Professor, Republic of Kazakhstan

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Kyrgyz Republic

Bredikhin Anton Viktorovich, PhD in History, President of the Independent Non-Profit Organization of the Socio-Economic and Political Consulting Center for Ethnic and International Studies, Russia

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Russia

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky

Mavlonova Anna Sergeevna, PhD in History, Senior Lecturer, School of Oriental Studies, HSE, Russia

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities, Russia

Sidorov Dmitry Alekseevich, PhD in Politics, Senior Researcher, Center for Eurasian Studies, Institute for Topical International Problems, Diplomatic Academy, Russian Ministry of Foreign Affairs, Russia

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Russia

Mansurov Umed Abdufattohovich, Doctor of Law, Vice-Rector for International Relations of the Russian-Tajik (Slavic) University, Republic of Tajikistan

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Republic of Uzbekistan

JOURNAL “POST-SOVIET STUDIES”

Periodicity – 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 – History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 – Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

07.00.02 – National History (Historical sciences)

08.00.14 – World Economy (Economics)

Objective and Thematic

The journal “Post-Soviet Studies” aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits” are welcomed in journal for further publication.

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	724
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	
Базавлук С.В. Критика евразийства и неоевразийства.....	726
Зеленева И.В., Агеева В.Д. Идеология евразийской интеграции	736
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	
Лапенко М.В. Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному евразийскому партнерству.....	746
Ибрагимов А.Г. ЕАЭС: проблемы и перспективы.....	756
Удальцова Ю.А. Гражданская поддержка интеграции в Евразийском Экономическом Союзе.....	765
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	
Зайцева Е.А. Национальные интересы Кыргызстана в рамках Евразийского Экономического Союза	770
Исманбаева Ж.А. Оценка состояния экспортного потенциала Кыргызской Республики и его вклад в социально-экономическое развитие страны в свете членства в ЕАЭС.....	776
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	
Ефремова Л.И. Механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая на службе развития образовательного сотрудничества двух стран	784
Яценко Е.Б., Федоров Р.Г. Подходы к определению эффективности проектов многостороннего и двустороннего международного взаимодействия в образовательной сфере на примере ШОС.....	791
РЕЦЕНЗИИ	
Адамова Д.Л. Роль Китая на евразийском пространстве: основные тенденции и проблемы анализа. Рецензия на книгу Ferguson, R. James. China's Eurasian Dilemmas: Roads and Risks for a Sustainable Global Power. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. 352 p.....	801
ПРОБА ПЕРА	
Рамич М.С. Выбор Центральноазиатских республик: Россия или Китай.....	806

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD	724
EURASIAN IDEOLOGY: THEORY AND PRACTICE	
Bazavluk S.V. The critics of eurasianism and neoeurasianism	726
Zeleneva I.V., Ageeva V.D. Ideology of Eurasian integration	736
PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF EURASIAN INTEGRATION	
Lapenko M.V. The development of Eurasian integration: movement from the “Eurasian three” to the continental Eurasian partnership	746
Ibragimov A.G. Eurasian economic union: problems and prospects	756
Udaltsova Ju.A. Civil support for integration in the Eurasian Economic Union: trends and prospects.....	765
EURASIAN INTEGRATION: A VIEW FROM THE KYRGYZ REPUBLIC	
Zaitseva E.A. National interests of Kyrgyzstan in the frameworks of Eurasian Economic Union...770	
Ismanbaeva J.A. Estimation of the Kyrgyz Republic export potential and its contribution to the socio-economic development of the country in the light of membership in the EEU.....776	
EDUCATIONAL COOPERATION	
Yefremova L.I. Mechanism of regular meetings Heads of Russian and China governments at the development service of educational cooperation of two countries	784
Yatsenko E.B., Felorov R.G. The approaches to determining the efficiency of projects of multilateral and bilateral international interaction in the educational area on the example of SCO	791
REVIEWS	
Adamova D.L. Role of China in Eurasian space: basic trends and problems of analysis. Book Review Ferguson, R. James. China’s Eurasian Dilemmas: Roads and Risks for a Sustainable Global Power. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. 352 p.....	801
FIRST STEPS	
Ramich M.S. Choice of Central Asian republics: Russia or China.....	806

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

*Haurit aquam cribro,
qui discere vult sine libro*
(Лат. «Тот, кто хочет учиться без книги,
черпает воду решето»)

Уважаемые соавторы, дорогие друзья! Коллектив редакционной коллегии журнала «Постсоветские исследования» спешит сообщить Вам о выходе очередного 8-го номера нашего Журнала. Для нас этот номер в некотором роде особенный – равно, как и первый номер, увидевший свет в январе 2018 г. и положивший начало успешному и систематическому выходу нашего издания.

В этой связи нам хотелось бы подвести некоторые итоги завершающегося 2018-го академического года. Оглядываясь назад, мы с удовлетворением отмечаем, что за прошедший год была не только проделана серьезнейшая работа по формированию издания, оформлению его редакционной и издательской этики, набору материалов и т.д., но и достигнута главная, на наш взгляд, цель, которую неоднократно подчеркивала редакционная коллегия. Это – формирование дружного, стабильного и мотивированного коллектива авторов, готовых поделиться своей точкой зрения на международную обстановку в контексте изучаемого региона на страницах нашего Журнала!

За прошедший год наш авторский коллектив достиг многого. Благодаря четкой и слаженной работе наших уважаемых авторов, на страницах Журнала удалось рассмотреть практически весь спектр академической проблематики региона: от международных отношений и вопросов безопасности до вопросов экономики, культуры и религии. При этом редакционная коллегия старалась выстроить публикационную работу таким образом, чтобы по возможности максимально охватить все проблемные области, представляющие академический интерес не только для наших авторов, но и для потенциальных читателей Журнала. Полагаем, эта задача также была выполнена всеми нами на отлично.

Учитывая тот факт, что значительная часть нашего авторского коллектива

(помимо граждан России) представляет постсоветский регион, научно-теоретическая база Журнала основывается на нестороннем, объективном анализе. Этот аспект критически важен, принимая во внимание сложность процессов, происходящих в регионе: любой поверхностный взгляд, или же политически мотивированная позиция автора рискует свести на нет академический подход к изучаемой проблематике.

Отношения между государствами постсоветского региона во многом определяются форматом их взаимодействия в интеграционных объединениях в экономической и военно-политической областях – СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, частично ШОС и др. Споры относительно характера этих интеграционных структур не утихают в среде политиков, экономистов, политологов. У двух парадигм, характеризующих сущность новых политических и экономических объединений, - новой формы интеграции или формы «цивилизованного развода», - есть свои сторонники и противники. Исходя из понимания этого факта, редакционной коллегии Журнала представляется необходимым активизировать исследования дихотомии интеграционных и дезинтеграционных процессов, оценки причин возникновения интеграционных структур, их генезиса, функционирования и той роли, которую они играют в современном мире.

На современном этапе изучения постсоветского пространства представляется целесообразным уйти от главенствующего подхода, согласно которому оно понималось только как объект или предмет внешней политики России. В настоящее время его изучение не может ограничиваться только двусторонними связями России со странами бывшего СССР. Ведь появляются модули, объединяющие страны, не только входящие в ближнее зарубежье, но и дальнее, к примеру, уже упомянутая нами ШОС, включающая как страны Центральной Азии и Казахстан, так и Китай. В еще большей степени данный постулат касается государств Балтийского региона – Литвы, Латвии и Эстонии, которые вошли в принципиально иное геополитическое

пространство, получив членство в ЕС и НАТО.

С понятием постсоветского пространства тесно связано понятие российского зарубежья. Последнее является уникальным объектом, в развитии которого можно наблюдать специфику взаимоотношений между феноменами языка, культуры и этноса. К примеру, концептуальное понятие «Русского мира» в последние годы становится частью внутренней и внешней политики Российской Федерации, поскольку позволяет соединить в единый комплекс те проблемы развития, которые связаны с миграционными потоками всех направлений.

Вот лишь самый скромный перечень проблем и процессов, характерных для изучаемого нами региона. Для простоты и оперативности их изучения каждый из номеров Журнала, готовившихся к публикации, был заранее посвящен той или иной проблемной области. Это служило своего рода «тематическим маяком» для коллектива авторов, которые любезно делились своими мыслями на страницах нашего издания. В порядке подведения академических итогов года, хотелось бы еще раз перечислить их. Итак, №1 был посвящен междисциплинарной тематике (в рамках региона) и носил характер «пробы пера». В №2 уже рассматривался конфликт в Нагорном Карабахе. Данный номер был особенно ценным для нас, как редакторского коллектива, поскольку явил собой наглядный пример конструктивной академической дискуссии острейшей международной проблемы, участники которой придерживаются противоположных точек зрения относительно ее решения. №3 был посвящен общим вопросам на пространстве СНГ, однако, в отличие от №1 к тому моменту у Журнала уже четко вырисовывался некий «авторский костяк». В №4 были рассмотрены вопросы двустороннего сотрудничества России и Беларуси, включая интеграционную повестку и развитие Союзного государства. Тематика №5 включала в себя вопросы Центральноазиатского региона. №6 снова носил общий междисциплинарный характер. №7 был посвящен страноведческой проблематике: в рамках номера были рассмотрены вопросы поли-

тической, экономической и научной повестки таких стран, как Украина, Грузия и Казахстан, а также вопросы безопасности в Центральной Азии. Наконец, в №8 были рассмотрены вопросы развития ЕАЭС через призму стран-участников этой интеграционной организации.

Дорогие соавторы! Коллектив редакционной коллегии журнала «Постсоветские исследования» благодарит Вас за сотрудничество на протяжении всего 2018 г., сердечно поздравляет Вас с Наступающим 2019 годом и желает Вам в Новом году крепкого здоровья, академического вдохновения и новых научных достижений! Редакционная политика Журнала по-прежнему носит открытый характер, а это значит, что мы не только искренне желаем видеть Вас в качестве авторов Журнала в наступающем году, но и приглашаем присоединиться к нашему академическому сообществу новых исследователей, готовых делиться своими мыслями на страницах «Постсоветских исследований»!

Спасибо за Вашу работу! С Новым 2019 годом!

**С уважением, редакционная коллегия
журнала «Постсоветские исследования»**

КРИТИКА ЕВРАЗИЙСТВА И НЕОЕВРАЗИЙСТВА

С.В. Базавлук

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. Евразийство, будучи одним из крупнейших и значимых философских, политических и идеологических проектов XX века, а также неоевразийство, ставшее его логическим продолжением, привлекли к себе внимание большого количества как сторонников, так и противников. Не удивительно, что идеи как первых евразийцев, ностальгирующих по своей великой родине и жаждущих её реванша в мировой истории, так и их последователей – также желающих своей стране скорейшего выхода из кризиса, подверглись серьёзной критике как со стороны разделявших в той или иной мере их взгляды, так и со стороны горячих противников евразийских взглядов. Принимая во внимание тот факт, что ни одна идея, ни одно научное направление не может эффективно развиваться и совершенствоваться без критики, стоит отметить, что критика как евразийства, так и неоевразийства способствовала их кристаллизации и выработке более стройной и непротиворечивой концепции.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, критика евразийства, геополитика, Савицкий, Гумилев, Дугин, Уmland.

THE CRITICS OF EURASIANISM AND NEOEURASIANISM

S.V. Bazavluk

RUDN University
Moscow, Russian Federation

Abstract. Eurasianism, being one of the largest and most important philosophical, political and ideological projects of the XX century, as well as neo-Eurasianism, which became its logical continuation, attracted the attention of a large number of both supporters and opponents. It is not surprising that ideas like the first Eurasians, nostalgic for your great country and hungry for her revenge in the history of the world and their followers –

also wishing the country a speedy recovery from the crisis, criticized both from the share in one way or another, their views, and hot opponents of the Eurasian views. Taking into account the fact that no idea, no scientific direction can effectively develop and improve without criticism, it is worth noting that criticism of both Eurasianism and neo-Eurasianism contributed to their crystallization and the development of a more coherent and consistent concept.

Key words: Eurasianism, neo-Eurasianism, criticism of Eurasianism, geopolitics, Savitsky, Gumilev, Dugin, Umland.

Критика евразийства внутри русской эмиграции появилась фактически сразу же после возникновения движения. Это было вызвано как имевшейся путаницей ряда теоретических оснований, так и неоднозначностью, а иногда и противоречивостью самой евразийской концепции. Вся критику можно условно разделить на две группы. Первая связана с негативным восприятием идей евразийства со стороны той части русской интеллигенции, которую можно отнести к западникам или сторонникам монархического строя династии Романовых. Вторая представляет собой часть авторов первых евразийских сборников, впоследствии отколовшихся от основной группы.

Следует отметить, что евразийство никогда не было внутренне монолитным течением. Дело в том, что оно было основано очень талантливыми учёными и публицистами, которые значительно различались по своим научным интересам, по темпераменту. Имея общие чувства и настроения, касавшиеся осмысления произошедшего в России после октябрьских событий 1917 г. и будущего пути развития их родины, в научном плане они представляли различные направления.

По этому поводу Савицкий в письме к П. Струве в 1921 г. отмечал, в первом евразийском сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», авторами которого выступили сам Савицкий, Сувчинский, Трубецкой и

Флоровский, были представлены как минимум три различных политических направления: от национал-большевизма до антибольшевизма. В этом же письме Савицкий, будучи главным идеологом евразийского мировоззрения, подчёркивал, что не разделяет некоторые взгляды своих коллег относительно их специфического видения славянофильства.

Они даже к базовой идее своего учения – критическому отношению к Западу – относились по-разному. Тот же Флоровский, в последующем ставший одним из критиков евразийства, с самого начала испытывал, скорее, бескрайнюю любовь к своему, к русскому, нежели ненависть к чужому – к европейскому.

В своей книге «Рожденное в революционной смуте» А.С. Изгоев замечает, евразийство Сувчинского и Святополк-Мирского, Красавина и Алексеева разительно отличаются как между собой, так и от евразийства зачинателя всего движения Савицкого, а также Трубецкого. Этим последним Изгоев, в свою очередь, называет откровенными демагогами. У тех же Трубецкого и Савицкого отношение к религии и православию значительно разнятся, а юридические построения Алексеева, берущие за основу прусскую государственную школу, расходятся с глубокой двусмысленностью Красавина [Изгоев 1933].

Разность взглядов ведущих идеологов евразийского движения, а также различие в подходах в том числе и по некоторым организационным вопросам подтверждается также и их перепиской, из которой следует, они не только критиковали друг друга, но и тяготились своими научными изысканиями. Так, Н.С. Трубецкой в письме П.П. Сувчинскому от 10 марта 1928 г. обвиняет его в некорректных поступках, связанных с организационными вопросами. При этом он в вежливом тоне отмечает, что личное отношение к Сувчинскому не изменилось. Также Трубецкой указывает, что «евразийство только мешает мне осуществлять мое призвание... Евразийство для меня тяжелый крест, и

притом совершенно без всяких компетенций... в глубине души я его ненавижу и не могу не ненавидеть... иногда моя ненависть (да: ненависть) к евразийству вырывается у меня как крик души... Поводом для этого является объективное проявление той онтологической дезорганизованности, которая характерна для всего евразийства» [Трубецкой 2008].

Тем не менее, выступления евразийцев практически сразу привлекли к себе внимание, вокруг них кипели нешуточные страсти, шли острые споры, выдвигаемые ими тезисы, обсуждались в печати. Так, П. Савицкий в своей публикации «В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х гг.» отмечал, что «с конца 1921 г. стал складываться антиевразийский фронт в эмигрантской печати» [Савицкий 1997].

В частности, он отмечал следующие издания: «Общее дело», «Смена вех», «Еврейская трибуна», «Руль», «Возрождение», «Россия», «Новое время» также чешские «Венков», «Трибуна», где евразийство было названо незаурядной попыткой создать новую русскую национальную философию, польские «Дрога», «Речь Посполита», «Курьер Польски» [Савицкий 1997].

Различные авторы, многие из которых также принадлежали к эмигрантской среде, называли евразийцев славянофильскими эпигонами, обвиняли во всяческих обольщениях либо, наоборот, примирении со всяческими неправдами, утверждали, что будущее России только с Европой. Одни писали, что «евразийство – это бездейственное самоутешение» [Ландау 1922], другие – что из него могут «вылупиться чисто практические выводы и действия» [Кизеветтер 1925], третьи – «евразийство есть вид злости» [Шульгин 1926]. С критикой евразийства выступили такие известные в эмигрантских кругах деятели как философ Н. Бердяев, философ и богослов С. Булгаков, философ и религиозный мыслитель С. Франк, историки А. Кизеветтер и П. Милоков, политический и общественный деятель П. Струве.

Стоит отметить, что среди критиков евразийства оказались и те, кто поначалу заявил о своей приверженности выдвинутой Савицким доктрине или сочувствовал движению, но затем перешёл в лагерь оппонентов и активно полемизировал со своими бывшими соратниками. К таким критикам можно отнести философа И. Ильина, который нашёл «мужественным и верным выступление против соединения церквей православной и католической [Ильин 1923] в евразийском сборнике «Россия и латинство» [Бурнашева 1923]. Однако уже через пару лет резко критиковал евразийство, призывая своих коллег «высказаться против евразийских писаний» [Ильин 1925].

Другим таким критиком, переметнувшимся в стан оппонентов евразийской теории, можно смело назвать Георгия Флоровского, которой примкнул на первом этапе к движению, но потом, вышел из него и подверг критике. Стоит признать, сам Флоровский никогда не был активным членом евразийской группы, предпочитая публиковать пространные размышления на тему культуры, религии и общества (часто в контексте свершившейся революции в России). В письме П.Б. Струве Флоровский писал, «культурно-философская рефлексия мне представляется сейчас гораздо более важным и насущным национальным делом, чем текущая политическая борьба» [Флоровский 1988]. Евразийскую группу называл не иначе как «лига русской культуры», которая объединена «только однородностью того тонуса, с которым воспринимаем и переживаем впечатления современности» [Флоровский 1988].

В статье «Окамененное бесчувствие» Флоровский выступил на стороне евразийства, но не защищал тезисы, а указывал на то, что «большинство оппонентов вообще никакой правды искать не желают, а в евразийцах казнят именно беспокойство их искания», из-за чего почти вся критика сводится к голословным осуждениям, а обсуждения как такового не происходит [Флоровский 1988].

Но уже в 1928 г. он критиковал евразийцев, выпустив статью «Евразийский соблазн» и назвав евразийство духовной неудачей. Флоровский отмечал что евразийцы «расслышали живые острые вопросы творимого дня», но «ответить на них не сумели и не смогли». Флоровский выдвигал обвинения, что евразийцы верят в непогрешимость истории, приняли революцию в качестве глубокого обновления застоявшейся жизни, неправильно толковали Петербургский период истории, сводя все «к некоему псевдоморфизму, к разрыву правительства с народом, к европеизации». Также отмечал, что евразийцы «слишком увлекаются природными, географическими и этническими признаками» [Флоровский 1988].

Касательно попыток отделения России и Европы, Флоровский писал, географически не так уж трудно провести западные границы России, сложнее их разделить в духовно-историческом и культурном смысле. Он считал, что единственной чёткой гранью, определяющей действительные культурно-естественные границы Евразии-России как исторического третьего мира заключается в Православии. И даже обвинял в защите «наивного» язычества и симпатиях к сектантству, в котором евразийцы увидели «метафизический пафос подлинной русской религиозности» [Флоровский 1928].

Часть критики легко объяснима богословскими противоречиями между основателями евразийства и Флоровским. Трубецкой, Савицкий и Алексеев всегда выступали против экуменизма, тогда как Флоровский являлся активным сторонником этого движения.

Анализ критики того времени показывает, что осуждение, в первую очередь, вызывало резкое отрицание всего западного в выступлениях евразийцев, негативное отношение к идее единства культурно-исторического процесса, а также нежелание видеть наличие общечеловеческих начал в культурной жизни. Так Бердяев указывал на явное

заблуждение евразийцев в том, что какая-либо культура может стать однозначным носителем зла или добра, поскольку христианство, которое евразийцы ставили во главу угла, не допускает такого разделения по географическому принципу. Ему вторил Ильин, указывая, что ни добро, ни зло не имеют ни востока, ни запада: зло и на востоке зло, а добро и на западе добро [Флоровский 1928].

Следующий период критики евразийства связан с трудами Л. Гумилева. Здесь также есть несколько направлений. Одно из них выдвигает императив, что Гумилев является фашистским автором, поскольку высказывается о комплиментарности определенных народов. Другое направление связано исключительно с сопоставлением фактов и научных теорий. При этом критика была как со стороны носителей марксистских идей, так и со стороны либералов.

В частности, ещё в 1985 г. о его трудах писали, что «в прямом противоречии с марксистско-ленинскими критериями разрабатывались так называемые евразийские теории с их антиисторическим, внеклассовым, биолого-энергетическим подходом к прошлому: периоды подъемов и спадов некоей пассионарности мировой истории, «симбиоз» Орды и Руси в XIII - XV вв. и т.п.» [Афанасьев 1992]

Либералы набросились на Гумилева уже после выхода его книг большими тиражами, когда автора уже не было в живых. «Имперско-изоляционистская установка, характерная для выродившегося славянофильства, неминуемо должна была вести и привела к фашизму... «учение Гумилева» может стать идеальным фундаментом российской «коричневой» идеологии, в которой так отчаянно нуждается Русская новая правая» [Янов 1992].

В.В. Кожин критиковал Л.Н. Гумилева более мягко, считая, что его теория о взаимоотношении Руси с Ордой в корне противоречит общепринятым представлениям, хотя признавал, что точка зрения о чрезмерной обременительности монгольского ига для русского народа тоже

не соответствует действительности. «Гумилев явно «заостряет» свою точку зрения, идет, если угодно, напролом. Несомненно, в его изложении тяжелейшие последствия татаро-монгольского нашествия преуменьшены... Так или иначе есть все основания с сочувствием отнестись к тому опыту осмысления татаро-монгольского ига, который предпринял Л.Н. Гумилев», – писал Кожин [Кожин 1991].

Часть критики была связана с несогласием по поводу теории, которую выдвигал Л. Гумилев. Представители либеральной школы в этнологии и антропологии считали, что его труды носят псевдонаучный характер, не приводя обоснованных аргументов. Например, в обзоре школы российской антропологии говорится, что в 1990-х гг. «книжный рынок оказался перенасыщенным второсортными и третьесортными учебниками с плохим изложением той же бромлеевской теории и публикаций Гумилева — именно псевдонаучные историософские построения последнего оказались очень удобными для националистов и новых расистов» [Соколовский 2012].

При этом либеральные авторы не упоминают, что на Западе в порядке вещей существование нескольких теорий, которые часто противоречат друг другу (например, теории примордиализма и конструктивизма в отношении национализма, или теории реализма и либерализма в международных отношениях — изначальные установки которых, задающие тон методологии, являются различными).

У евразийцев видится недостаточно проработанной тема с религиозными взаимоотношениями внутри России-Евразии, за что они также были неоднократно критикуемы. В евразийском движении присутствовали или сотрудничали признанные богословы, которые писали яркие тексты по истории Православия или различных теологических нюансах (включая критику Католичества). Однако остальным религиям и традиционным

вероисповедованиям уделялось незначительно внимания, за что их также активно критиковали.

Исключением можно назвать труд калмыка Э. Хара-Давана, исповедовавшим буддизм, «Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера» [Хара-Даван 2002]. Но в данном труде тема буддизма не раскрывается в полной мере, так как он посвящен в большей степени наследию Чингисхана и Орды. Яков Бромберг с его книгой «Евреи и Евразия» [Бромберг 2002]. Что касается Ислама, то в евразийских программных документах и статьях, практически нет места этой авраамической традиции.

Критика советской системы, которую вели евразийцы как с культурных, так и политических событий, имплицитно должна была включать в себя вопросы мусульманской этики, культуры и права. Но евразийцы, лишь в общих чертах говоря об общей исторической судьбе народов Евразии, не смогли даже в программных текстах каким-либо образом упомянуть исламский фактор. Только Н.С. Трубецкой упомянул ислам в статье «Религии Индии и христианство» [Трубецкой 1922], при этом высказав свое разочарование мусульманской религией, назвав догматику «бедной, плоской и банальной; мораль — грубой и элементарной». Но буквально в следующем предложении он пишет, что «громадную притягательную силу имеет для каждого европеизированного русского интеллигента так называемая «мистика Востока» - религиозная, философская и мистическая системы Индии и суфизма» [Трубецкой 1995].

Трубецкого ничуть не смутило, что суфизм – это одно из проявлений мусульманской религии. Но и в знании традиций Индии явно обнаруживает себя довольно поверхностное знание материала. Кроме того, данной публикации присущи морализаторские оценки. Даже если учитывать, что Трубецкой пытается описывать индийскую религиозную систему с позиции христианства, то некоторые оценочные высказывания сделаны довольно грубо, что не характерно

для стиля ученого. Так, боги индуизма, по его мнению, лишены нравственных идей, Вишну назван оборотнем, Шива – лешим, буддистские монахи ханжами и лицемерами, а сама Индия – прочной цитаделью сатаны, где никогда не поднималась проблема борьбы добра и зла.

В этом отношении прав первый заместитель председателя Духовного управления мусульман России, заместитель директора Центра арабистики и исламоведения Института стран Азии и Африки МГУ Д. Мухетдинов, который в статье «Российское мусульманство: социокультурная реальность и концепт» отмечает, на протяжении почти 14 веков происходило тесное взаимодействие тех народов, которые ковали евразийскую цивилизацию, с носителями исламской идентичности. «Не вызывает сомнения, что ислам стал частью российской и евразийской идентичности, и оказал значительное влияние на ее формирование». Мухетдинов также верно указывает, что «традиционный мультикультурализм неоевразийской прото-идеологии означает, что развитие России будет связано с углублением межрелигиозного и межкультурного взаимодействия, с обеспечением мирного сосуществования евразийских духовных традиций и сформированных ими культур, без акцента на какой-либо одной культуре... Умеренный консерватизм мыслится архитекторами неоевразийской прото-идеологии как сочетание формата светского общества с теми моральными и духовными преимуществами, которые дают нам традиционные религии» [Мухетдинов 2015].

Между тем, исповедующий ислам учёный татарского происхождения И. Гаспринский ещё в 1881 г. поставил вопрос о реальном взаимодействии между правящим строем и мусульманами России. «Присматриваясь к отношениям русской власти к покоренным и покоряемым татарским племенам, мы замечаем, что она мало знакома с почвой, на коей приходится действовать, мало знает татар, их внутренний быт и строй. Русское господство над татарами до сих пор,

насколько мне известно, выразилось только в следующем: я владею, вы платите и живите, как хотите. Это очень просто, но крайне бессодержательно» [Арапов 2001].

Основатели евразийства пытались установить примат Православия как внутри движения, так и в качестве духовной основы государственности России-Евразии. Это отражено в ряде программных статей ведущих авторов, которые на тот момент выступали критическими апологетами атеизма марксистско-советского типа и экуменизма русского зарубежья.

М. Мчедлова по этому поводу писала: «определение российской цивилизации как православной кажется не вполне достаточным, хотя, безусловно, с православием ни одна религия не может конкурировать по силе и степени влияния на историю и культуру России. Нельзя не признать вклад других религиозных традиций (ислама, иудаизма, буддизма, протестантизма, национальных религий), что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует чувство сопричастности к единой исторической судьбе, архетипические представления, общие для сознания различных этноконфессиональных общностей» [Мчедлова 2009].

Если рассматривать позицию основателей евразийства с точки зрения политики, которую проводила Российская Империя, то преемственность следованию Православию как государственной религии выглядит вполне логичной. Однако с точки зрения разработки государственной стратегии, на что претендовали евразийцы, такая моноконфессиональность являлась значительным упущением.

Современные исследования, посвященные классическому евразийству и неоевразийству в свою очередь заостряют внимание на различных вопросах, к которым относятся некоторые противоречия идеологической платформы,

недостаточная аргументированность ряда научных предположений, а также проблемы организационного характера.

В частности, П. Серио, хотя и дает, в целом, положительные оценки деятельности евразийцев, тем не менее, заявляет в своей работе несколько утверждений, которые в общем контексте можно назвать противоречивыми. Он пишет, что «их идеи были такими же максималистскими, как и идеи фашистов и большевиков; они проповедовали то же презрение к парламентской демократии. Однако они резко отличались от тех и других полным отсутствием техники захвата власти». Но далее он заявляет, что «у евразийцев, в отличие от фашистов, не было никакой склонности к действию, к борьбе как цели в себе; они не превозносили волю, не эстетизировали силу и насилие, они были неспособны к дисциплине, а подчинение и преданность вождю не имела для них никакой ценности. Они никогда не стремились повести за собой молодежное движение» [Серио 1999]. Соприкосновение с антидемократическими идеологиями начала прошлого века Серио видит в отвращении евразийцев к гедонизму, материализму, космополитизму, приспособленчеству, индивидуализму и буржуазному духу. Однако в действительности у евразийцев не было «презрения к парламентской демократии», о которой говорит Серио.

При этом, если сравнивать итоги деятельности евразийцев с двумя другими идеологиями того времени – фашизмом и коммунизмом, то можно сказать, что на тот момент, безусловно, евразийцы не смогли реализовать своих идеалов на практике. Однако и фашизм, и коммунизм также потерпели крах, поэтому если говорить с точки зрения долгосрочной перспективы, то многие из идей и концепций евразийцев уже сбылись, следовательно, их теоретическая база, хоть и спустя много лет, но оказалась востребованной.

Особенно четко это видно в работах Алексева, где он взвешенно критикует западную парламентскую систему. Что касается практических аспектов

деятельности, то Николай Алексеев в работе «Духовные предпосылки евразийской культуры» указывал, что «евразийству свойственно стремление сблизить науку с практикой, сочетать ее с производственным процессом, придать ей лабораторный характер... Техника должна стоять на службе у высших целей». Н. Алексеев отмечал, что евразийство стремилось синтезировать идею деятельного знания в её восточном и «западном» понимании [Алексеев 1998].

Создается впечатление, что сам Сериио не достаточно хорошо был знаком с трудами евразийцев и результатами распространения их идей. Заявление Сериио о том, что евразийцы не знали европейских геополитиков того времени также не соответствует действительности. Ведущие авторы были хорошо осведомлены о теоретических разработках континенталистской (германской) геополитической школы. Так, Н. Алексеев в работе «О гарантийном государстве» писал: «то, что в европейской науке подчеркнули геополитические исследования, в русской науке совершенно самостоятельно осветило евразийство». В этой книге Н. Алексеев цитирует К. Хаусхофера, К. Шмитта, Р. Челлена, Ф. Ратцеля, а также ряд других авторов, писавших по теме государства, национальных интересов, территориального деления и суверенитета [Алексеев 1998].

А. Грамши, в свою очередь, писал: «это движение разворачивается вокруг журнала «Накануне», который выходит с 1921 г. и стремится к пересмотру установок русских мигрантов... Евразийцы не большевики, но они враги западной парламентской демократии. Подчас они ведут себя как русские фашисты, так как благосклонно относятся к сильному государству, в котором дисциплина, авторитет, иерархия должны господствовать над массой» [Грамши 1980].

Ведь если сравнивать итоги деятельности евразийцев с двумя другими идеологиями того времени – фашизмом и коммунизмом, то можно сказать, что на тот момент, безусловно, евразийцы не смогли реализовать своих идеалов на практике.

Однако и фашизм, и коммунизм также потерпели крах, поэтому если говорить с точки зрения долгосрочной перспективы, то многие из идей и концепций евразийцев уже сбылись, следовательно, их теоретическая база, хоть и спустя много лет, но оказалась востребованной.

Как и в 20-30-е гг. прошлого столетия, неоевразийство критиковалось со стороны различных групп, которые относили себя к последователям славянофилов или русским националистам. Их аргументация состояла в том, что русский народ являлся государствообразующим в Российской Империи, поэтому не нужно акцентировать внимание на туранском (азиатском) элементе, а наоборот, укреплять этническую русскую составляющую в государственном строительстве и не давать каких-либо преференций представителям других народов и государств в международных проектах (таких как ЕАЭС).

Однако подобная критика видится не правомерной – Россия имеет федеративное устройство, где в административных единицах проживают различные этнические группы. В ряде регионов (например, Якутии) эти группы представляют большинство населения. Кроме того, ряд регионов присоединился к России на правах договора (в частности, некоторые Кавказские территории).

Одним из критиков идей (нео)евразийства в России являлся научный сотрудник Института Востоковедения (а с 1995 г. старший научный сотрудник Института философии РАН) В. Цымбурский, считавший, что Россия не должна следовать идеям евразийства и нужно «говорить не о России-Евразии, а о Казахстане-Евразии» [Цымбурский 2011]. Казахстан для России, по мнению В. Цымбурского, должен стать поясом сотрудничества, своего рода «санитарным кордоном», через который будет фильтроваться взаимодействие с другими государствами, такими как Китай, Индия и Иран. Как мы видим, эта концепция напоминает предложение Х. Макиндера, подготовленное для

переговоров в Версале и направленное на изменение карты Центральной Европы.

Одним из ярких критиков евразийства и неоевразийства является А. Умланд. Он написал достаточно большое количество публикаций, где смешивает идеи евразийства, высказывания А. Дугина, официальную политику Российской Федерации, а также ряд исторических нюансов. Россия слишком слаба, чтобы сформировать самостоятельный полюс в мультиполярном мире, а его Евразийский экономический союз — это временное образование. Россия — часть Европы, а не мифологической Евразии. Запад должен заранее готовиться к новому российскому падению режима и новому, третьему, прозападному повороту Москвы после февраля 1917 г. и августа 1991 г. [Умланд 2018].

Французские авторы Д. Шадо, Ф. Парментьер, Б. Палопидас в книге «Когда империя отвечает национализму: политика силы в США и России» проводят параллель между американскими неоконсерваторами и российскими неоевразийцами в лице А. Дугина. Вместе с этим к имперско-евразийскому политическому направлению внутри России они приписывают публициста А. Проханова, лидера КПРФ Г. Зюганова, лидера ЛДПР В. Жириновского, ученого А. Панарина, интеллектуала Г. Джемаля, различных политтехнологов и таких политиков, как Д. Рогозин, С. Глазьев и Е. Примаков. Непосредственно А. Дугину и С. Проханову вменяется институционализация в России политического направления «Третий путь» и сотрудничество с европейскими новыми правыми [Chaudet 2009].

Авторы обвиняют евразийцев и других лиц, которых к ним приписывают, в попытках восстановления российской идентичности, основанной на форме национализма, которая может быть названа гегемонистской. Они утверждают, что по мнению неоевразийцев Россия представляет первую политическую силу, которая может бросить вызов глобализму и атлантизму, а национальное политическое сообщество может восстановить утерянное

величие и славу только через понятие империи. А геополитика имперских призывов, по их мнению, построена на цинизме, идеологии и непоследовательности.

В ходе огромного количества дискуссий евразийских идеологов с представителями российской интеллектуальной эмиграции им пришлось выслушать множество критики, которая имела под собой немало поводов и оснований. Однако следует признать, что они положили начало новой оригинальной трактовке русского исторического процесса. Кроме того, их идея цикличности этого процесса, а также необходимости уделять внимание изучению вопроса о взаимоотношениях восточных и западных культур в развитии российской государственности и отечественной культуры заслуживают особого внимания и уважения.

Касательно продолжателей идей евразийства на современном этапе, то их критика, в своем большинстве, исходит от интеллектуалов либерального толка и связана со страхом перед возрождением в России национального самосознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. - М.: Аграф, 1998. С. 152.
2. Андреас Умланд. Станет ли Россия прозападной после Путина? 10.05.2018. <https://inosmi.ru/politic/20180510/242173831.html> (дата обращения: 02.12.2018)
3. Афанасьев Ю. Прошлое и мы // Коммунист, 1985, № 10, с. 110.
4. Базавлук С.В. Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 273—283. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283.
5. Бромберг Я.А. Евреи и Евразия. - М.: Аграф, 2002.
6. Вадим Цымбурский. Конъюнктуры земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. - М.: Издательство «Европа», 2011. С. 63.

7. Грамши А. Избранные произведения : [Пер. с ит. / Антонио Грамши; [Под общ. ред. И. В. Григорьевой и др. - М. : Политиздат, 1980.
8. Изгоев, А.С. Рожденное в революционной смуте (1917-1932). Париж, 1933.
9. Ильин И. А. Идеальный оползень // Новое время. 1925. 7 авг.
10. Ильин И. А. Рец. на кн.: Россия и латинство: Сб. статей. Берлин, 1923 // Русская мысль. 1923.
11. Ислам в Российской Империи. Законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д.Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 336.
12. Кизеветтер А. Евразийство // Русский экономический сборник. 1925. Вып. 3.
13. Кожин В.В. Поиски будущего. Наш современник, 1991, №3, С. 127-128.
14. Ландау Г.А. Евразийское самоутешение (Руль. 1922. № 353, 355) // Записки русской академической группы в США.
15. Мухетдинов Д. В. Российское мусульманство: социокультурная реальность и концепт // Минарет. — 2015. — № 3. — С. 45–58.
16. Мчедлова М.М. Вера и культурно-цивилизационная идентичность: новые грани религиозности в России и Европе // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция, 2009. С. 365.
17. Н.С. Трубецкой. Письма к П.П. Сувчинскому 1921-1928. М. Русский путь, Русское зарубежье, 2008. С. 269-270.
18. Россия и латинство. Сборник статей. Берлин, 1923. Под ред. М.Н.Бурнашева.
19. Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
20. Серио Патрик. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. – М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 63.
21. Соколовский Сергей. Прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: Сб. Статей / Ред. И сост. А.Л. Ефимов. - М. Новое литературное обозрение, 2012. С. 92.
22. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. - М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 268.
23. Трубецкой Н.С. На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин, 1922. С. 177-229
24. Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Современные записки. 1928. Кн. XXXIV. С. 333-335.
25. Флоровский Георгий. Из прошлого русской мысли: [Статьи]. - М.: Аграф, 1988. С. 125.
26. Хара-Даван Эренджен. Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера. - М.: Аграф, 2002
27. Шульгин В.В. Статья «Злость», «Возрождение», № от 16 декабря 1926 г.
28. Янов А., Учение Льва Гумилева // Свободная мысль, 1992, № 17, с. 105, 114.
29. Didier Chaudet, Florent Parmentier and Benoit Pelopidas. When Empire Meets Nationalism. Power politics in the US and Russia. Burlington, Farnham: Ashgate, 2009.

Сведения об авторе: Базавлук Сергей Викторович — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, советник проректора Российского университета дружбы народов (e-mail: bazavluk_sv@rudn.university).

REFERENCES

1. Alekseev N.N. Russkij narod i gosudarstvo. - М.: Agraf, 1998. S. 152.
2. Andreas Umland. Stanet li Rossiya prozapadnoj posle Putina? 10.05.2018. <https://inosmi.ru/politic/20180510/242173831.html> (data obrashheniya: 02.12.2018)
3. Afanas`ev Yu. Proshloe i my` // Kommunist, 1985, No. 10, s. 110.
4. Bazavluk S.V. Evrazijstvo: terminologicheskaya ambivalentnost` // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodny`e otnosheniya. 2018. T. 18. No. 2. S. 273–283. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283.
5. Bromberg Ya.A. Evrei i Evraziya. - М.: Agraf, 2002.
6. Vadim Cymburskij. Kon`yunktury` zemli i vremeni. Geopoliticheskie i xronopoliticheskie intellektual`ny`e

- rassledovaniya. - M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2011. S. 63.
7. Gramshi A. Izbranny'e proizvedeniya : [Per. s it. / Antonio Gramshi; [Pod obshh. red. I. V. Grigor'evoj i dr. - M. : Politizdat, 1980.
 8. Izgoev, A.S. Rozhdennoe v revolyucionnoj smute (1917-1932). Parizh, 1933.
 9. Il'in I. A. Idejny'j opolzen' // Novoe vremya. 1925. 7 avg.
 10. Il'in I. A. Recz. na kn.: Rossiya i latinstvo: Sb. statej. Berlin, 1923 // Russkaya my'sl'. 1923.
 11. Islam v Rossijskoj Imperii. Zakonodatel'ny'e akty', opisaniya, statistika / Sost. D.Yu. Arapov. M.: IKCz «Akadem-kniga», 2001. S. 336.
 12. Kizevetter A. Evrazijstvo // Russkij e'konomicheskij sbornik. 1925. Vy'p. 3.
 13. Kozhinov V.V. Poiski budushhego. Nash sovremennik, 1991, No.3, S. 127-128.
 14. Landau G.A. Evrazijskoe samouteshenie (Rul'. 1922. No. 353, 355) // Zapiski russkoj akademicheskoy gruppy' v SShA.
 15. Muxetdinov D. V. Rossijskoe musul'manstvo: sociokul'turnaya real'nost' i koncept // Minaret. – 2015. – No. 3. – S. 45-58.
 16. Mchedlova M.M. Vera i kul'turno-civilizacionnaya identichnost': novy'e grani religioznosti v Rossii i Evrope // Vera. E'tnos. Naciya. Religiozny'j komponent e'tnicheskogo soznaniya. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2009. S. 365.
 17. N.S. Trubeczkoj. Pis'ma k P.P. Suvchinskomu 1921-1928. M. Russkij put', Russkoe zarubezh'e, 2008. S. 269-270.
 18. Rossiya i latinstvo. Sbornik statej. Berlin, 1923. Pod red. M.N.Burnasheva.
 19. Saviczkiy P. Kontinent Evraziya. M.: Agraf, 1997.
 20. Serio Patrik. Struktura i celostnost': Ob intellektual'ny'x istokax strukturalizma v Central'noj i Vostochnoj Evrope. 1920-30-e gg. - M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 1999. S. 63.
 21. Sokolovskij Sergej. Proshloe v nastoyashhem rossijskoj antropologii // Antropologicheskie tradicii: stili, stereotipy', paradigmy': Sb. Statej / Red. I sost. A.L. Efimov. - M. Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 92.
 22. Trubeczkoj N.S. Istoriya. Kul'tura. Yazy'k. - M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995. S. 268.
 23. Trubeczkoj N.S. Na putyax. Utverzhdenie evrazijcev. Kniga vtoraya. Berlin, 1922. S. 177-229
 24. Florovskij G. V. Evrazijskij soblazn // Sovremenny'e zapiski. 1928. Kn. XXXIV. S. 333-335.
 25. Florovskij Georgij. Iz proshlogo russkoj my'sli: [Stat'i]. - M.: Agraf, 1988. S. 125.
 26. Xara-Davan E'rendzhen. Rus' mongol'skaya. Chingisxan i mongolosfera. - M.: Agraf, 2002
 27. Shul'gin V.V. Stat'ya «Zlost'», «Vozrozhdenie», No. ot 16 dekabrya 1926 g.
 28. Yanov A., Uchenie L'va Gumileva // Svoobodnaya my'sl', 1992, No. 17, s. 105, 114.
 29. Didier Chaudet, Florent Parmentier and Benoit Pelopidas. When Empire Meets Nationalism. Power politics in the US and Russia. Burlington, Farnham: Ashgate, 2009.

About the author: Bazavluk Sergey Viktorovich — Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, Advisor to the Vice-Rector of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: bazavluk_sv@rudn.university).

ИДЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

И.В. Зеленева, В.Д. Агеева

Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Моделирование российским руководством политического диалога между партнерами по евразийской интеграции является частью российской внешнеполитической стратегии по укреплению своего влияния в регионе. В официальных внешнеполитических документах данная стратегия была обозначена в качестве политики «мягкой силы». Авторы представляют читателю ряд документов, принятых российским правительством, в которых закрепляется значение инструментов «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии России в XXI веке и которые предусматривают ряд практических шагов по воплощению российской модели «мягкой силы» в жизнь. Авторы показывают, что в качестве нарратива российской внешней политики, который является ключевым для успеха стратегии «мягкой силы», Москвой была выбрана идеология консерватизма и защита ценностей традиционного общества. Как показывает живая политическая практика, именно консервативные ценности на сегодняшний день выступают в качестве объединяющей аксиологической парадигмы для евразийской интеграции.

Ключевые слова: «мягкая сила», дипломатия влияния, политическая интеграция, Евразийский экономический союз, евразийство.

IDEOLOGY OF EURASIAN INTEGRATION

I.V. Zeleneva, V.D. Ageeva

Abstract. Russia has developed its own influence strategies in Eurasia and construction of political dialogue with Eurasian partners appears as an important part of it. This strategy is explained in Russian official documents in the framework of the soft power conception. Authors cite recent

official documents, adopted by Russian government, confirming the importance of soft power instruments in current Russian foreign policy and setting out practical steps. Authors suggest that Moscow has filled its soft power strategy with a conservative narrative defending traditional values. Current political trends demonstrate that conservatism can become a consolidating value's platform for Eurasian partners.

Key words: soft power, diplomacy of influence, political integration, Eurasian Economic Union, Eurasianism.

Сегодня в евразийских интеграционных процессах наблюдается положительная динамика. С 1 января 2015 г. начал свою работу Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в рамках которого между Россией, Белоруссией, Казахстаном, Арменией и Киргизией предполагается создание общего рынка товаров, услуг, капитала и труда, а также проведение согласованной макроэкономической, торговой и миграционной политики. В дальнейшем ЕАЭС предполагает последовательное углубление экономических связей между странами-участницами: общее регулирование фармацевтики (к 2016 г.), создание общего электроэнергетического рынка (к 2019 г.), установление общих финансовых мегарегуляторов (в 2022 г.), и, наконец, формирование в 2024-2025 гг. общего рынка нефти, газа и нефтепродуктов.

С 2002 г. на постсоветском пространстве действует и военный союз – Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В него входят все страны-участницы ЕАЭС, а также Таджикистан. Сотрудничество в сфере безопасности одинаково важно для всех стран-участниц договора: напряжение вокруг Нагорно-Карабахского конфликта, соседство с нестабильным Афганистаном, распространение террористической идеологии ИГИЛ остаются серьезными вызовами для евразийского региона. Кроме того, нельзя не учитывать того, что гражданская война в Сирии и ситуация на Большом Ближнем Востоке по-прежнему

продолжит сотрясать Евразию и весь мир [Фархутдинов 2015: 12].

Как показывает опыт Европейского союза, стабильность интеграционного объединения надежнее всего обеспечивается общими политическими ценностями, которые разделяют участники объединения. Европейские страны прошли долгий путь от чисто экономических проектов - Европейского общества угля и стали (основано в 1951 г.) и Европейского экономического сообщества - до политического проекта Европейского союза, который предусматривал ведение согласованной политики не только в сфере экономики, но в сферах безопасности, правосудия, внутренней политики и международных отношений. Члены Европейского союза также декларировали приверженность общим политическим ценностям, которые были закреплены в преамбуле Маастрихтского договора 1992 г.: это ценности свободы, демократии, уважения основных прав и свобод человека, верховенства закона¹.

Таким образом, уже сегодня на повестку дня евразийской интеграции выносятся вопросы о формировании собственной системы этико-цивилизационных ориентиров, которые объединяли бы евразийские страны и способствовали дальнейшему углублению интеграции. Несомненно, Российская Федерация заинтересована в том, чтобы играть ведущую роль в данном процессе.

Последние годы российское руководство целенаправленно занимается разработкой стратегии усиления влияния России на мировой арене. С 2009 года на самом высоком политическом уровне в Кремле обсуждается необходимость формирования российской модели «мягкой силы». Концепция «мягкой силы» предусматривает не только организацию культурных и образовательных обменов, формирование позитивного имиджа страны за рубежом и активное присутствие

в глобальном информационном пространстве. Автор концепции «мягкой силы», гарвардский ученый Дж. Най, подчеркивал, что ключевым для успеха «мягкой силы» государства является наличие привлекательной политической идеологии. Данный аспект концепции был учтен российскими политиками. О необходимости выработки глобальной идеи и политического месседа, который Россия могла бы представить миру, говорил К. Косачев еще в 2013 г., будучи руководителем Россотрудничества. [Косачев 2013: 7]. Необходимо признать, что по данному направлению российским руководством была проделана работа, и сегодня уже можно подводить первые итоги.

В 2013-2015 гг. был принят ряд важных внешнеполитических документов, которые инкорпорировали концепцию «мягкой силы» в российскую дипломатическую практику. Речь идет в первую очередь о Концепции внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 г., в которой отдельная статья (ст.20) была посвящена «мягкой силе» как неотъемлемой составляющей современной международной политики². Через полгода после выхода в свет Концепции внешней политики Российской Федерации, был утвержден План деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации на период до 2018 г. (от 12.07.2013 г.), в котором также постулировалась необходимость развития российского потенциала «мягкой силы», а также наращивания культурного и образовательного присутствия России в мире (пункт 6)³. Основным документом, принятым на сегодняшний день по

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. . [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/64542 (дата обращения 14.04.2016).

³ План деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации на период до 2018 года от 12.07.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/a2fd6cef39f6706944257ba600461abb!OpenDocument> (дата обращения 14.04.2016).

¹ Treaty on European Union. [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/pdf/treaty_on_european_union/treaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения 08.05.2016).

вопросу российской концепции «мягкой силы», считается Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденная указом Президента РФ от 20 апреля 2014 года N 259¹. Данную концепцию К.Косачев называл «доктриной российской мягкой силы», которую Россотрудничество разрабатывало в течение 2013 года. [Косачев :14] В новой концепции излагается российское видение современного мира с его проблемами и целями развития, в реализации которых Россия будет стремиться принимать участие. В целях более успешной реализации Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию в октябре 2014 г. Правительством РФ был принят План мероприятий по активизации деятельности в сфере содействия международному развитию и гуманитарного сотрудничества на базе российских центров науки и культуры за рубежом на 2014-2016 гг.: [План: 2014]

Исполнителями Плана стали МИД России, Россотрудничество, Минэкономразвития РФ, Минобрнауки, Минкультуры, а также региональные власти (в частности, правительства Санкт-Петербурга, республик Кавказа, Дальневосточного региона и Крыма) и даже Минобороны, Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству, МЧС России. План предусматривает реализацию на постоянной основе 35 мероприятий в течение 3 лет.

За прошедшие годы российским руководством была проделана большая работа по институционализации российской «мягкой силы»: было создано государственное агентство, отвечающее за усиление гуманитарного влияния России в мире (Россотрудничество), учреждены

НКО, призванные стать неофициальными проводниками российской «мягкой силы» (фонд «Русский мир», движение «Мир без нацизма», Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, и Фонд сотрудничества с русскоязычной прессой, целый ряд локальных организаций).

Интересно, что при анализе деятельности российских институтов «мягкой силы» можно заметить распределение зон ответственности между ними. Так, в работе Россотрудничества особое место занимает евразийское направление: проводятся специальные конференции (например, Конференция «Общественная дипломатия за евразийскую интеграцию» (Москва, 2014 г.), объединяющие молодежные и спортивные мероприятия (Фестиваль школьного спорта среди государств-участников СНГ (г. Казань); Фестиваль молодежи и студентов стран пояса добрососедства (евразийской молодежи) «Евразия – это мы!» (г. Рязань, 2014 г.); Второй Казанский форум «Евразийская интеграция: достижения и проблемы» (г. Казань, 2014 г.))². В то время, как деятельность фонда «Русский мир» больше направлена на соотечественников, проживающих за рубежом, в основном в европейских странах. При изучении отчета о деятельности фонда за 2014 г., можно обнаружить, что термин «евразийская интеграция» в нем не встречается ни разу.

Сегодня начинают проступать очертания политической идеологии, которая закладывается российским руководством в основу отечественной концепции «мягкой силы». Эксперты сходятся во мнении, что внешнеполитический нарратив современной России строится на консервативных ценностях. Курс на консервативную модель общества был объявлен В. Путиным еще в 2013 г. Выступая перед Федеральным собранием

¹ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию от 20.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272bafa34209743256c630042d1aa/00cc9154529e1c7fc32575bc002c6bb5> (дата обращения 14.04.2016).

² Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий в 2014 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru/about/document/6694> (дата обращения 14.04.2016).

РФ президент заявил, что Россия всегда являлась носителем традиционных ценностей - «ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»¹.

Консервативная идеология становится частью не только внутренней, но и внешней политики Российской Федерации. Современная Россия начинает позиционировать себя в качестве глобального защитника традиционных ценностей, последнего оплота истинных представлений о семье и обществе. Глава российского государства В. Путин неоднократно в своих официальных выступлениях заявлял, что Россия намерена противостоять негативным тенденциям, идущим из европейских стран, которые «пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации»². В публицистических кругах уже встречаются ёмкие определения, согласно которым консерватизм является «мягкой силой» России³.

Под знаменем защиты традиционных ценностей российское руководство планирует собирать вокруг себя консервативно настроенные круги со всего мира. Продвигая консервативный нарратив в своей внешней политике, Россия намеревается оказывать значительное влияние на международную повестку дня.

¹ Владимир Путин огласил ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 08.05.2016).

² Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 08.05.2016).

³ Стариков Н. Консерватизм – «мягкая сила» России. [Электронный ресурс]. URL: <https://nstarikov.ru/blog/39902> (дата обращения: 08.05.2016).

На практике можно наблюдать - проецирование российской «мягкой силы» происходит на двух уровнях: глобальном и региональном. Диалог с глобальной аудиторией происходит через концепцию «Русского мира». Сегодня «Русский мир» это уже не просто сеть русскоговорящих сообществ, каким его видели П. Щедровицкий и Е. Островский в конце 1990-х гг. Отныне «Русский мир» представляет собой глобальный культурно-цивилизационный феномен, способный объединить людей вне зависимости от национальности, которые ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и равнодушны к ее судьбе [Батанова 2009: 14]

«Русский мир» является производной от христианской, православной, цивилизации, поэтому его ценностной основой выступает именно консерватизм. Концепцию «Русского мира» активно используют Русская православная церковь, Изборский клуб, Международный консервативный форум.

На региональном уровне усилия российского руководства сосредоточены на евразийской интеграции, для углубления которой разрабатывается общая ценностная парадигма. В своих официальных заявлениях В. Путин неустанно подчеркивает, что «Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов»⁴. Евразийские страны остались верными устоям традиционного общества, поэтому именно консервативная идеология могут стать объединяющей для будущего политического союза.

Консервативную идеологию евразийства ярче всего иллюстрирует интерпретация вопросов, больше всего волнующих современное мировое сообщество – отношение к однополым связям и легализация гомосексуальных

⁴ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 08.05.2016).

браков, место государства и религии в современном обществе. На данные вопросы евразийская идеология дает противоположные западным нормам ответы. Начнем с вопроса отношения к однополым бракам. Вслед за Россией, евразийские страны не готовы мириться с западной политикой, «ставящей на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в бога или веру в сатану». Отрицание нравственных начал и традиционной идентичности, в том числе половой, неприемлемо для обществ евразийского пространства. Общественное неприятие гомосексуализма, как формы отношений между людьми, нашло свое отражение в законах, принятых в странах Евразийского пространства. В 2013 г. в России Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) был дополнен нормой, устанавливающей ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних; также были утверждены поправки в Федеральный закон 135-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», согласно которым было установлено, что к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится также информация, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения. В 2015 г. инициативы по схожим юридическим действиям для официального запрета пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних предпринимались и в Казахстане, и в Киргизии. В Казахстане были разработаны соответствующие законопроекты, они прошли чтения в меджлисе, однако затем Конституционный совет Республики признал их «юридически некорректными» и вернул обратно на доработку. Эксперты связывают отзыв закона с международными амбициями Казахстана, который планирует подавать заявку на проведение Зимних олимпийских игр в 2022 г.¹ В Киргизии в

2014-2015 гг. необходимость запрета пропаганды нетрадиционных отношений среди детей также активно обсуждалась: соответствующий законопроект был разработан, он прошел чтение в Парламенте. Однако, в июне 2015 г. он был отозван по инициативе самих авторов². В большинстве постсоветских республик в конце 1990-х гг. была исключена статья о «мужеложстве» из Уголовного кодекса. Исключением стали Узбекистан и Туркменистан. В этих странах до сих пор действует уголовная ответственность за гомосексуальные связи.

Защита традиционных семейных ценностей является важной для всех стран евразийского пространства. Здесь вопрос терпимого отношения к однополым отношениям не ставится. В диалоге с евроатлантическими партнерами этот вопрос всегда будет оставаться болезненным. В то же самое время, в условиях активного лоббирования западными странами прав сексуальных меньшинств, тема защиты модели традиционной семьи будет объединяющей для стран евразийского пространства.

Тема толерантного отношения к гомосексуализму является своеобразным водоразделом между странами, выбравшими западный путь развития, и евразийскими странами. Так, Грузия и Украина – активные участники программы ЕС «Восточное партнерство» - сделали шаги в отношении признания прав гомосексуальных пар. В 2014 г. в Грузии был принят закон «Об искоренении всех форм дискриминации», согласно которому в стране запрещается дискриминация по любому признаку, в том числе сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Этот закон был необходимым шагом по дальнейшему углублению отношений с ЕС и подписанию соглашения об

<http://rus.azattyq.org/content/gei-propaganda-zakonoproekt-blokirovka-kazakhstan/27039630.html> (дата обращения: 08.05.2016).

² Кыргызстан: Парламент отозвал законопроекты об иностранных агентах и запрете пропаганды гомосексуализма. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/news/23566> (дата обращения 08.05.2016).

¹ Блокировку законопроекта о «гей-пропаганде» объяснили «неточностями». [Электронный ресурс]. URL:

Ассоциации¹. Схожие юридические шаги были сделаны руководством Украины в ноябре 2015 г., когда были принята антидискриминационная поправка к Трудовому кодексу, которая, в том числе, запрещает ущемление прав представителей сексуальных меньшинств при приеме на работу².

Важной составляющей евразийской идеологии является этатизм и роль национального лидера. В евразийских странах слабо развито гражданское общество, зато сильна роль государства: здесь принято полностью полагаться на государственную машину в вопросах социально-экономического развития страны. Концепция «суверенной демократии», появившаяся в 2000-х гг. в стенах Кремля, нашла свой отклик в странах, которые активно включены в евразийские интеграционные процессы сегодня (речь идет не только о ЕАЭС, но и об ОДКБ и ШОС). Так, нельзя сказать, что политические системы, функционирующие сегодня в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Белоруссии, в полной мере отвечают западным стандартам демократии. Некоторые евразийские идеологи видят в этом не недостатки, а скорее преимущества, которые гарантируют обществу стабильность, утверждая, что «страны созерцательного Востока мыслят эпохами, страны рационального Запада – от выборов до выборов»³. В большинстве евразийских государств сильна роль национального лидера. А. Лукашенко в Белоруссии (на посту президента с 1994 г.), Н. Назарбаев в Казахстане (руководит республикой с 1986 года), А. Акаев в Киргизии (был главой в

течение 15 лет – с 1990 по 2005 г.), Э. Рахмон в Таджикистане (президент с 1994 года, то есть 22 года), И. Каримов в Узбекистане (во главе страны с 1990 г. – 26 лет). Самым ярким примером национального лидера на евразийском пространстве можно признать С. Ниязова, первого президента Туркменистана, который руководил страной с 1990 вплоть до своей смерти в 2006 году. В 1999 г. он получил звание «пожизненного» президента Республики, постановлением меджлиса он был назван «Туркменбаши» – главой всех туркмен, позже он получил имя «Туркменбаши Великий». Вокруг С. Ниязова был создан настоящий культ личности – его именем называли города, новые вершины; ему возводили памятники, его день рождения стал национальным праздником флага и пр. С недавних пор, начали говорить также и о культе личности Н. Назарбаева, которому в 2010 г. присвоили после соответствующего законопроекта в меджлисе статус «лидера нации». Исключением среди евразийских стран в этом вопросе является Армения, которой свойственна регулярная смена политических лидеров.

Как отмечает П. Салин, евразийская идеология с ее акцентом на роль национального лидера и этатизм является основой стабильности для правящих элит в Евразии⁴. Данные идеологемы не артикулированы в публичном политическом пространстве, но и они латентно присутствуют в политике, проводимой в евразийских странах.

Вопрос роли религии в жизни государства и общества также является краеугольным для евразийской идеологии. В современной секуляризированной Европе религия помещена в границы духовной жизни индивидуума и не оказывает влияния на работу правительства и жизнь всего общества. На евразийском пространстве дела обстоят

¹ В Грузии вступил в силу закон, запрещающий дискриминацию секс-меньшинств. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pastinfo.am/ru/node/40430#sthash.pL5u7qgL.dpuf> (дата обращения 08.05.2016).

² Вступил в силу закон о запрете дискриминации секс-меньшинств на работе. [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.com.ua/politics/20151126/1001004015.html> (дата обращения 06.01.2016).

³ Гулевич В. Евразийские ценности. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10292> (дата обращения 06.01.2016).

⁴ Салин П.Б. «Духовные скрепы» для Евразийского союза. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-dlya-Evraziiskogo-soyuza-16110> (дата обращения 06.01.2016).

несколько иначе. Общества в большинстве евразийских стран являются более религиозными. В странах Центральной Азии подавляющее большинство населения – мусульмане; в России, Армении и в Белоруссии православное христианство является самой распространенной религией. Практика тесного взаимодействия светских и религиозных властей в этих странах является устоявшейся, а религиозные лидеры оказывают значительное влияние на общество.

Формирующаяся евразийская идеология, компоненты которой перечислены выше, отвечает стратегическим интересам правящих элит на евразийском пространстве. Она придает легитимность существующему правящему классу, гарантирует его стабильность и в случае необходимости обеспечит защиту со стороны евразийских союзников от вмешательства во внутренние дела государства. С другой стороны, наличие своей идеологии, представляющей альтернативный западному дискурсу, представляет возможность евразийским странам, объединившись, вырваться из международной периферии и стать самостоятельным центром глобального развития. Как пишет П.Б.Салин, элиты евразийских стран «ориентированы на то, чтобы стать, если использовать рыночную терминологию, акционерами (пусть и миноритарными) мирового порядка».

Интересно, что современный евразийский проект является в большей мере азиатским, чем европейским: как по составу стран, принимающих участие в нем, так и по идеям, которые закладываются в основу евразийской идеологии. Неслучайно, эти идеи столь созвучны обновленным китайским ценностям, которые совсем недавно были сформулированы руководством КНР и представлены мировому сообществу. Речь идет о наборе из 12 ценностей, которые были официально озвучены в ноябре 2012 г. в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде КПК. 12 ценностей распределены по 3 группам: ценности государства (богатство, сила, демократия, цивилизация) гармония),

ценности общества (свобода, равенство, справедливость, правовое правление), ценности индивида (патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбность). В сравнении с западными ценностями, в Китае «ответственность предшествует свободе, долг предшествует правам, коллектив стоит выше индивида, гармония - выше конфликта»¹.

Вместе с тем, дальнейшее политическое сближение евразийских партнеров может встретить и ряд препятствий. В авангарде российской внешней политики сегодня выступают 2 нарратива: нарратив «Русского мира» и Евразийский нарратив. Их, безусловно, объединяет консервативная идеология, которая лежит в их основе. Однако, вместе с тем, они имеют разные религиозные основания: Русский мир неразрывно связан с православной культурой, а евразийская идеология переплетена с исламскими традициями. Различные религиозные истоки приводят к противоречивым толкованиям модели семьи (например, тема многоженства в странах Средней Азии не является табуированной); вопросы веры могут вызывать напряженность в диалоге между христианами и мусульманами.

К тому же в концепции «Русский мир» существует внешнеполитический пласт, который потенциально может вызывать опасения у российских партнеров по евразийской интеграции. Речь идет об императиве защиты русскоговорящих соотечественников во всем мире, в ситуациях, когда их жизни или же национально-культурной идентичности угрожает опасность. События в Крыму весной 2014 г. продемонстрировали решительность российского руководства в этом вопросе. Руководство евразийских стран, в которых проживают диаспоры русскоязычных соотечественников,

¹ Ломанов А.В. Общий знаменатель нации. Китайские ценности будут соперничать с западными. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschii-znamenatel-nacii-17750> (дата обращения 06.01.2016).

внимательно следило за ходом событий на Украине во время Крымского кризиса.

Кроме того, концепция «Русского мира» предполагает ведущую роль России как в культурном, так и в политическом плане. Однако, евразийские государства по-своему смотрят на собственные национальные интересы и стремятся реализовать их в своей внешней политике. Так, Казахстан работает над созданием своего внешнеполитического проекта, центром которого будет являться он сам. Начиная с 1990-х гг. страна проводит открытую внешнеэкономическую политику, позиционируя себя в качестве геополитического перекрестка множественных идентичностей и влияния, а также Евразийского моста между Востоком и Западом. Сегодня Казахстан вынашивает поистине амбициозные планы: создать Международный финансовый центр и оказаться через 10 лет в десятке лучших азиатских финансовых центров, превратившись в новый Сингапур по соседству с Россией¹.

И, наконец, в евразийском регионе остается высокой конкуренция со стороны крупнейших геополитических игроков – США, Китая и Европейского союза. Все они ведут активную работу с евразийскими партнерами не только в экономической, но и в военной, и в политической сферах. Интересы европейских стран реализуются через программу «Восточное партнерство», запущенную в 2009 году, и программу «ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства», принятую в 2007 г. Успех программы «Восточного партнерства» является лишь частичным: из шести стран, принимавших в нем участие (Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина), только 3 дошли до финальной стадии – подписания Соглашения об ассоциации, из которых одна страна – с существенными экономическими и территориальными

потерями. Отдельное внимание Европейским союзом уделяется странам Центральной Азии: в 2005 году в ЕС даже была учреждена должность Специального представителя по Центральной Азии. Специальная программа «ЕС и Центральная Азия» затрагивает все сферы сотрудничества, в том числе политический диалог между ЕС и Центральной Азией, а также предусматривает содействие со стороны Евросоюза реформам в сфере образования, верховенства права, энергетики, транспорта, охраны окружающей среды и водных ресурсов, ответ на общие вызовы и угрозы (включая управление границами, борьбу с незаконным оборотом наркотиков), а также развитие торгово-экономических отношений. Кроме того, ЕС активно сотрудничает со странами Евразии на двусторонней основе. На протяжении последних лет ЕС успешно реализует двусторонние индикативные программы, по которым выделяются финансовые средства на развитие правовой сферы, образовательных программ и проектов в сельском хозяйстве, в сфере энергетики, космоса, развития транспортных сетей.

США предпочитают работать с евразийскими странами на билатеральной основе: сегодня прочные социально-экономические связи налажены с Казахстаном и Киргизией. В Киргизии большую финансовую, организационную и техническую помощь США оказывают медицинской системе. В Казахстане действует Казахско-Американский университет (КАУ), а также казахстанско-американская комиссия по энергетическому сотрудничеству и рабочие группы по взаимодействию в военной сфере.

Активность китайской дипломатии и бизнеса также весьма высока на евразийском пространстве, особенно в странах Центральной Азии. С недавнего времени в КНР даже учреждена должность министра по евразийской интеграции. Региональная экспансия Китая направлена на формирование вокруг себя буферной зоны из дружественно настроенных государств, в которых она возьмет на себя

¹ Иноземцев В. Новый Сингапур по соседству [Электронный ресурс] URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6626#top-content (дата обращения 06.01.2016).

роль гегемона¹. Региональное лидерство Китая не окрашено ни в какие политические тона: оно в первую очередь строится на взаимовыгодных экономических проектах. Поднебесная декларирует политику экономической открытости и свободной торговли. Самым амбициозным китайским проектом в Евразии на данный момент является проект Экономического пояса «Шелковый путь», представляющий собой разветвленную транспортную и инфраструктурную сеть, которая обеспечит доставку китайской продукции на рынки Европы и Ближнего Востока. Вместе с тем, Китай ведет активную работу с евразийскими государствами и на двусторонней основе. Так, в 2005 г. КНР создала китайско-казахстанский подкомитет по культурному и гуманитарному сотрудничеству, который ежегодно проводит регулярные встречи. Тесные торговые контакты Китай поддерживает с Киргизией, которая получает свой основной доход в бюджет за счет реэкспорта китайских товаров.

России уже сегодня необходимо направлять свои усилия на конструирование политического будущего Евразийского союза. В эпоху глобализации в Евразии начинается новая большая игра, в которую включены и сама Россия, и США, и Китай, и ЕС, и сами страны евразийского пространства. Успех России будет зависеть от искусной работы дипломатии по смягчению возможных религиозных противоречий и нейтрализации политических фобий евразийских партнеров, а также по формированию общей позитивной повестки дня работы Союза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования. автореф. дис. ... канд./д-ра полит. наук. Российская Академия государственной службы, Москва

2. Косачев К. Мягкая сила и жесткая сила: не сумма, но произведение // Индекс безопасности, 2013. №4 (107). Том 19. С.11-18.
3. План мероприятий по активизации деятельности в сфере содействия международному развитию и гуманитарного сотрудничества на базе российских центров науки и культуры за рубежом на 2014-2016 годы, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 09.10.2014 №2006-Р.
4. Фархутдинов И. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии) // Евразийский юридический журнал. №10(89). 2015. С.8-15.

Сведения об авторах: Зеленева Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: irina.zeleneva@mail.ru); Агеева Вера Дмитриевна – к. полит. н., доцент НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) (e-mail: verageeva@gmail.com).

REFERENCES

1. Batanova O.N. Russkij mir i problemy ego formirovaniya. avtoref. dis. ... kand./d-ra polit. nauk. Rossijskaya Akademiya gosudarstvennoj sluzhby, Moskva
2. Kosachev K. Myagkaya sila i zhestkaya sila: ne summa, no proizvedenie // Indeks bezopasnosti. №4 (107). Tom 19. S.11-18.
3. Plan meropriyatij po aktivizacii deyatel'nosti v sfere sodejstviya mezhdunarodnomu razvitiyu i gumanitarnogo sotrudnichestva na baze rossijskih centrov nauki i kul'tury za rubezhom na 2014 - 2016 gody, utverzhdenyj Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 09.10.2014 №2006-R.
4. Farhutdinov I. Obespechenie mira i bezopasnosti v Evrazii (mezhdunarodno-pravovaya ocenka sobytij v Sirii) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. №10(89). 2015. S.8-15.

¹ Егиазарян А. Создание и развал Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150602/228360924.html> (дата обращения 29.12.2015).

About the author: Zeleneva Irina V. – doctor of historical Sciences, Professor of the Department of world politics, Faculty of international relations, St. Petersburg state University (e-mail: irina_zeleneva@mail.ru); Ageeva, Vera D. Candidat of political sciences, associate Professor, Higher school of Economics (St. Petersburg) (e-mail: verageeva@gmail.com).

**РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ: ДВИЖЕНИЕ ОТ
«ЕВРАЗИЙСКОЙ ТРОЙКИ» К
КОНТИНЕНТАЛЬНОМУ
ЕВРАЗИЙСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ**

М. В. Лапенко

Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского

Саратов, Россия

Аннотация 29 мая 2019 г. исполнится пять лет со дня подписания основополагающего документа для развития евразийской интеграции – Договора о Евразийском экономическом союзе. За прошедший период проделана серьезная работа по реализации основных задач ЕАЭС. Однако тенденции мировой экономики развиваются настолько стремительно, что обуславливают принятие новых дополнительных инициатив, таких, например, как цифровая повестка. Более того, развитие евразийской интеграции происходит в достаточно агрессивной внешней среде, которая характеризуется усилением конкуренции на мировом рынке, кризисом созданной в рамках ВТО либеральной модели мировой торговли, попытками создания новых преференциальных региональных и трансконтинентальных Зон свободной торговли.

Евразийский экономический союз с момента идейного обоснования рассматривался странами-учредителями как новый экономический союз, как субъект мировых экономических отношений и конкурентоспособное интеграционное объединение. В современных реалиях Евразийская экономическая комиссия вынуждена расширять сферу международного сотрудничества для обеспечения интересов бизнеса стран-участниц ЕАЭС на внешних рынках. Документ, который бы четко сформулировал стратегию ЕАЭС по формированию внешнего контура или как его еще называют «широкого интеграционного контура» пока не выработан. Однако все чаще в выступлениях государственных деятелей стран-ЕАЭС и министров ЕЭК встречаются такие понятия как «Большая Евразия» и «Большое евразийское партнерство». Под данными терминами понимается особый формат взаимодействия между ЕАЭС как

интеграционным ядром и внешними партнерами, при чем как на Западе, так и на Востоке, как взаимодействие, основанное на комплексном развитии инфраструктуры – транспортной, телекоммуникационной и энергетической.

В данной статье рассматриваются основные направления развития внешнего контура ЕАЭС через подписание соглашений о сотрудничестве с третьими странами и интеграционными объединениями, а также через формирование Зон свободной торговли. Автор приходит к мнению, что формат создания ЗСТ наилучшим образом отвечает интересам стран-участниц ЕАЭС, расширяет экспортные возможности, делает интеграционное объединение более устойчивым к внешним вызовам и соответствует долгосрочной стратегии развития ЕАЭС до 2030 г.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), континентальное евразийское партнерство.

**THE DEVELOPMENT OF EURASIAN
INTEGRATION: MOVEMENT FROM
THE “EURASIAN THREE” TO THE
CONTINENTAL
EURASIAN PARTNERSHIP**

M.V. Lapenko

Saratov State University
Saratov, Russia

Abstract On May 29, 2019, it will be five years since the signing of the basic document for the development of Eurasian integration - the Treaty on the Eurasian Economic Union. Over the past period, serious work has been done on the implementation of the main tasks of the EAEU. However, the trends of the world economy are developing so rapidly that they cause the adoption of new additional initiatives, such as, for example, the digital agenda. Moreover, the development of Eurasian integration occurs in a rather aggressive external environment, which is characterized by increased competition in the world market, the crisis created in the WTO liberal model of world trade, attempts to create new preferential regional and transcontinental Free Trade Zones.

From the moment of ideological justification, the Eurasian Economic Union was considered by the founding countries as a new economic union, as a subject of world economic relations and a competitive integration association. In the modern realities, the Eurasian Economic Commission is forced to expand the scope of international cooperation to ensure the business interests of the EAEU member countries in foreign markets. A document that would clearly formulate the EAEU strategy for the formation of the external contour or, as it is also called, the “wide integration contour” has not yet been developed. However, such notions as “Greater Eurasia” and “Great Eurasian partnership” are more often encountered in speeches by statesmen of the EAEU countries and EEC ministers. These terms are understood as a special format of interaction between the EAEU as an integration core and external partners, and both in the West and in the East, as an interaction based on the integrated development of infrastructure - transport, telecommunications and energy.

This article discusses the main directions of development of the external circuit of the EAEU through the signing of cooperation agreements with third countries and integration associations, as well as through the formation of Free Trade Zones. The author comes to the conclusion that the format of creating an FTA best suits the interests of the EAEU member countries, expanding export opportunities, making integration amalgamation more resilient to external challenges and in line with the long-term development strategy of the EAEU until 2030.

Keywords: Eurasian integration, Eurasian Economic Union (EAEU), continental Eurasian partnership.

В конце года принято подводить некоторые итоги, а также давать прогнозы на будущий год. С точки зрения развития евразийской интеграции в рамках деятельности Евразийского экономического союза год не был простым, в силу сохранения санкционного режима, неустойчивости курса российского рубля и как следствие национальных валют стран-участниц ЕАЭС, напряженных отношений России и

«коллективного Запада», а также политического кризиса в Армении.

Однако, несмотря на возникавшие вызовы, Евразийский экономический союз сохранил устойчивый курс на дальнейшее углубление интеграции, а также расширение международных связей и, фактически, на выход по траектории создания нового формата взаимодействия с внешними партнерами – формата «Большой Евразии» или «большого евразийского партнерства».

2019 г. должен пройти под знаком 25-летия идеи евразийской экономической интеграции и 5-летия Договора о ЕАЭС. В преддверии этих важных юбилейных дат в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета 6 декабря 2018 г. в г. Санкт-Петербург был принят комплекс документов, в том числе «Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза»¹. В документе отмечается успешное развитие ЕАЭС, который по мнению авторов, «за короткий срок занял позицию полноправного субъекта мировой экономики»².

Среди основных приоритетов дальнейшего развития ЕАЭС, помимо обеспечения максимальной эффективности единого рынка, формирования «территории инноваций», стимулирования научно-технического прогресса и развития человеческого потенциала, особо выделяется задача «формирования ЕАЭС как одного из наиболее значимых центров развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и выстраивания новых форматов взаимодействия»³.

Является ли данная идея новой, и какое звучание она приобретает в свете тенденций развития мировой экономики? Ко-

¹ Документы, подписанные по итогам Высшего Евразийского экономического совета // <http://kremlin.ru/supplement/5377> (дата доступа 10.12.2018).

² Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/fr7wTgpTRVZlweOVbjn6GaPih8G1rA1f.pdf> (дата доступа 10.12.2018).

³ Там же.

гда появляется геоэкономическая повестка в деятельности Евразийского экономического союза?

Идея Евразийского союза впервые прозвучала в выступлении Президента Казахстана Н. А. Назарбаева в МГУ 29 марта 1994 г. [Назарбаев 1997: 32]. За неделю до этого, выступая в лондонском институте Chatham House, Н. Назарбаев отметил, что развитие постсоветского пространства определяется двумя тенденциями: с одной стороны, становлением национальной государственности, а с другой – необходимостью интеграции, поэтому «целесообразно строить реальный работающий союз государств на основе «ядра стран». Мысль о том, что разумнее отталкиваться от ограниченного круга стран, позже подтвердилась при практической реализации Евразийского экономического союза на базе «евразийской тройки» или «интеграционного ядра» – Беларуси, Казахстана и России.

В своем московском выступлении Назарбаев прямо указал на две составляющие будущего Евразийского союза: глубокую экономическую интеграцию (именно этой задачей сейчас и занимаются институты ЕАЭС) и оборонный союз (реализовано в форме Организации договора о коллективной безопасности – ОДКБ) [Назарбаев 1997: 44-50]. Кроме того, Н. Назарбаев определил цели, принципы деятельности, организационную структуру Евразийского союза (ЕАС) – такое название презентовал Президент Казахстана [Назарбаев 1997: 44-50].

Кроме того, Назарбаев обосновал идею о том, что евразийский регион может сыграть особую роль в преодолении глобального кризиса. В тот период он был готов даже к более тесной интеграции, чем в настоящее время вплоть до введения «евразийской наднациональной расчетной единицы». Он также предлагал рассматривать вариант движения «от региональной евразийской интеграции – к континентальной и глобальной, от региональных расчетных единиц – к наднациональной мировой валюте» [Назарбаев 1997: 44-50].

Далее последовали многочисленные статьи, выступления, книги Н. Назарбаева

на тему развития Евразийского союза, которые позволили говорить о формировании особой «евразийской доктрины Нурсултана Назарбаева» [Евразийская доктрина 2010]. Президент Казахстана не только теоретически разрабатывал в своих трудах концептуальные основы евразийской интеграции, но и способствовал формированию реальной и эффективно действующей структуры Евразийского союза.

Подготовительным этапом к практической реализации проекта Евразийского экономического союза стало функционирование Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в период с 2000 по 2014 гг. и создание Таможенного союза и Единого экономического пространства «евразийской тройки» – России, Казахстана и Беларуси. ЕврАзЭС продемонстрировал возможность более эффективной экономической интеграции, заложил законодательно-правовые и функциональные основы евразийской интеграции.

Осенью 2011 г. идея евразийской интеграции получила новое звучание и выражение в конкретных практических инициативах. 4 октября 2011 г. в «Известиях» была опубликована статья В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», затем вышли статьи А.Г. Лукашенко «О судьбах нашей интеграции» и Н.А. Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего»¹.

Сравнительный анализ данных публикаций позволяет выделить несколько общих позиций лидеров «евразийской тройки» по развитию евразийской интеграции:

1. Главная цель евразийской интеграции – это создание полноценного конкурентоспособного глобального экономического союза.

¹ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 30.10.11); Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru/news/504081> (дата обращения: 30.10.11); Назарбаев Н. Евразийский союз: от идеи к истории будущего <http://iz.ru/news/504908> (дата обращения: 30.10.11)

2. Евразийский союз должен стать новым рациональным проектом, а не восстановлением СССР.

3. Евразийский союз – это открытый проект и составная часть общеевропейских интеграционных проектов.

4. Евразийский союз – новый геополитический проект и составная часть нового мирового порядка [Лапенко 2013: 70-79].

Опубликованные статьи сыграли важную роль в актуализации идеи евразийской интеграции и дали серьезный импульс к процессам ее всестороннего анализа и реализации на практике. Данные идеи нашли свое отражение и в Учредительном Договоре о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.¹

Настоящим соглашением договаривающиеся стороны (Россия, Казахстан и Беларусь) учредили Евразийский экономический союз, в рамках которого должна быть обеспечена свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в экономической сфере. На основе Договора Союз наделялся международной правосубъектностью, в частности правом осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями (Статья 7)².

Евразийский экономический союз начал функционировать с 1 января 2015 г. Со 2 января 2015 г. после завершения всех ратификационных процедур Республика Армения стала полноправным членом ЕАЭС. 12 августа 2015 г. после реализации «дорожной карты» и завершения ратификационных процедур Кыргызская Республика стала полноправным членом ЕАЭС. Таким образом, к осени 2015 г. завершилось формирование ЕАЭС в составе пяти стран-участниц.

Создание ЕАЭС стало результатом поиска формата и направлений равноправного сотрудничества. Государства-члены

ЕАЭС пошли по пути объединения («синергии») потенциалов национальных экономик в интересах их устойчивого развития. В связи с приобретением Евразийским экономическим союзом международной правосубъектности, государства-участники и Евразийская экономическая комиссия приступили к формированию «внешнего контура» ЕАЭС и укреплению авторитета интеграционного объединения на международной арене.

За рассматриваемый период (2014-2018 гг.) Евразийская экономическая комиссия выработала несколько основных механизмов формирования взаимоотношений с третьими странами: первый – это выстраивание особых партнерских отношений между интеграционными объединениями³, второй – подписание Меморандумов о сотрудничестве для расширения экономического взаимодействия, третий вариант – создание Зон свободной торговли.

Сотрудничество с Европейским союзом, который для каждого государства-члена ЕАЭС выступает приоритетным партнером⁴, является важной целью реализации евразийской интеграции и формирования ЕАЭС как конкурентноспособного союза, а в перспективе и создание платформы для построения новой, равновесной экономической системы на континенте. Перспектива развития взаимоотношений по линии ЕС – ЕАЭС на теоретическом уровне рассматривается и обосновывается экспертами как «интеграция интеграций». Однако практической реализации данной идеи препятствует политический кризис вокруг Украины и санкционный режим. При этом, несмотря на сложные отноше-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата доступа 10.12.2018).

² Там же.

³ Здесь рассматривается переговорный процесс именно с региональными экономическими блоками. Помимо этого, ЕЭК подготовило и подписало ряд соглашений с международными организациями – ЕЭК и МОМ, ЕЭС и ЕАБР, ЕЭК и ЮНКТАД и другие.

⁴ На момент создания Евразийского союза на долю ЕС приходилось более 50% всего товарооборота ЕАЭС // Министр ЕЭК К. Минасян: «Установление диалога между ЕС и ЕАЭС даст дополнительный импульс их экономическому развитию» <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/03-11-2015-1.aspx> (дата доступа 10.12.2018).

ния, ряд европейских чиновников, уже заявили о возможности сотрудничества между ЕС и ЕЭАС, а европейский бизнес пытается получить возможность ведения переговоров с представителями Евразийской экономической комиссии.

Возможные перспективы сотрудничества между Евразийским экономическим и Европейским союзами обсуждались на прошедшей 18 декабря 2018 г. в Вене конференции «Соединяя Европу и Азию», организованной обновленным Бреттон-Вудским комитетом и Национальным банком Австрии в завершающий период председательства этой страны в ЕС. Официальную позицию ЕЭК по этому вопросу представила член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК Татьяна Валовая. «В условиях меняющейся мировой экономической архитектуры отсутствие диалога между нашими союзами недопустимо», – заявила Т. Валовая в ходе своего выступления. – «Нам следует начать контакты без оглядки на политический контекст, и, уверена, экономические дивиденды и усиление позиций наших стран в мировой экономике, особенно на волне протекционистских тенденций, не заставят себя ждать»¹.

Достаточно часто необходимость налаживания конструктивного диалога между двумя интеграционными объединениями представители ЕЭК озвучивают и на площадке Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Так, например, на заседании Экономико-экологического комитета ОБСЕ в Вене 9 ноября 2018 г. заместитель директора Департамента развития интеграции ЕЭК Г. Барсегян отметила, что «евразийская экономическая интеграция вносит практический вклад в развитие экономической связанности и стабильности в Евразии. Региональная экономическая интеграция сегодня выступает драйвером сотрудничества между государствами, способствуя выравниванию диспропорций в экономическом развитии, и в итоге положительно влияет на рост уровня

жизни населения». Она также подчеркнула, что «связанность на евразийском континенте необходимо рассматривать сквозь призму традиций партнерства стран ЕАЭС и ЕС»².

Традиционно широкие связи Евразийской экономической Комиссии с правительствами и бизнес-структурами целого ряда государств Латинской Америки позволили выйти на новый уровень взаимодействия с региональными интеграционными группировками. Первым региональным интеграционным экономическим объединением, с которым Евразийская экономическая комиссия подписала Меморандум о взаимопонимании, стало Андское сообщество [Lagutina, Larenko 2017: 168-171].

Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Генеральным секретариатом Андского сообщества был подписан министром по интеграции и макроэкономике ЕЭК Т. Валовой и генеральным секретарем Андского сообщества Уолкером Сан-Мигелем Родригесом 23 марта 2017 г.

«Андское сообщество – первое региональное интеграционное экономическое объединение, с которым Евразийская экономическая комиссия подписала Меморандум о взаимопонимании», – отметила Татьяна Валовая. – «Он позволит не только обмениваться опытом, но и находить новые возможности для экономического развития. Уверена, учитывая историю интеграционного строительства наших союзов, нам будет чему друг у друга поучиться»³.

Обсуждение процессов развития региональной экономической интеграции в Евразии и Латинской Америке состоялось в рамках международного семинара, организованного Латиноамериканской экономической системой и Экономической ко-

¹ ЕАЭС – ЕС: перспективы диалога обсуждены в Вене <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-12-2018-3.aspx> (дата доступа 10.12.2018).

² Страны ЕАЭС и ЕС могут развивать экономическую связанность в Евразии <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/09-11-2018-1.aspx> (дата доступа 10.12.2018).

³ Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Генеральным секретариатом Андского сообщества https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413381/ms_29032017 (дата доступа 10.12.2018).

миссией ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна в г. Мехико 6-7 марта 2018 г. В мероприятии приняли участие представители таких интеграционных объединений, как Андское сообщество, КАРИКОМ, МЕРКОСУР, Тихоокеанский Альянс, а также международных и региональных организаций, включая ЭКЛАК, ЭКА, ЛАИ и ЛАЭС.

Переговорный процесс с представителями МЕРКОСУР позволил выйти на подписание Меморандума о торгово-экономическом сотрудничестве 17 декабря 2018 г. в Монтевидео в рамках саммита Южноамериканского общего рынка. Свои подписи под документом поставили министр по торговле ЕЭК Вероника Никишина и министры иностранных дел Аргентинской Республики, Федеративной Республики Бразилия, Республики Парагвай и Восточной Республики Уругвай.

Документ предполагает, что полномочные ведомства будут вести широкоформатный диалог в области торговли, таможенного администрирования, технического регулирования и стандартизации, цифровизации экономики, а также по другим направлениям, представляющим взаимный интерес. Стороны отметили наличие взаимного интереса к расширению торговых отношений и обсудили потенциал для диверсификации торговли, договорились способствовать регулярному взаимодействию бизнеса. Министр иностранных дел Уругвая выразил надежду на дальнейшее тесное сотрудничество между интеграционными объединениями и предложил в перспективе рассмотреть возможность выхода на соглашение о свободной торговле¹.

В рамках международной деятельности ЕЭК рассматриваются возможности интенсификации сотрудничества и с Тихоокеанским альянсом как интеграционной группировкой.

«Системное взаимодействие с Тихоокеанским альянсом является логичным продолжением развития сотрудничества

ЕЭК с государствами Латинской Америки. Оно будет способствовать большей диверсификации экспорта государств ЕАЭС и альянса», – заявила Татьяна Валова на состоявшейся в Москве встрече с послами государств-членов Тихоокеанского альянса. – «Нам есть, что обсудить, особенно с учетом масштабных задач по углублению интеграции, стоящих перед ЕАЭС и Тихоокеанским альянсом, а также в связи с необходимостью эффективного встраивания наших объединений в мировую экономику»².

Особый интерес для расширения внешнего формата сотрудничества имеют экономические связи с Ассоциацией Юго-Восточной Азии. ЕЭК и секретариат АСЕАН ведут взаимодействие и переговоры на уровне руководителей организаций с 2014 года. С 2016 года действует Соглашение о Зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом, которое в перспективе создаст механизм для выхода бизнеса стран-членов ЕАЭС на весь рынок Юго-Восточной Азии. Кроме того, к финалу подходит и переговорный процесс о Зоне свободной торговли с Сингапуром.

Первый бизнес-диалог в формате ЕАЭС – АСЕАН состоялся в рамках Петербургского экономического форума 2018 г. Дискуссия представителей деловых и официальных кругов, бизнес-ассоциаций Евразийского экономического союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии прошла 23 мая в формате делового ланча «Торгово-экономическое сотрудничество ЕАЭС – АСЕАН. Роль России». Председатель Делового совета Россия – АСЕАН Иван Поляков отметил необходимость и пользу обмена опытом между двумя интеграционными объединениями с учетом во многом совпадающих потенциалов и темпов развития экономик.

Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и АСЕАН был подписан 14 ноября 2018 г. в Сингапуре. Свои подписи под документом поставили Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии

¹ ЕЭК и МЕРКОСУР договорились интенсифицировать сотрудничество <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-12-3018-1.aspx> (дата доступа 10.12.2018).

² ЕЭК и Тихоокеанский альянс подтверждают настрой на развитие сотрудничества <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-03-2018-1.aspx> (дата доступа 10.12.2018).

Тигран Саркисян и генеральный секретарь Ассоциации государств Юго-Восточной Азии Лим Джок Хой.

«Заключение меморандума будет способствовать всестороннему расширению торгово-экономического и инвестиционно-го взаимодействия между государствами-членами ЕАЭС и странами-участницами АСЕАН», – заявил Тигран Саркисян журналистам во время пресс-подхода¹.

Стороны договорились сотрудничать по таким направлениям, как таможенное регулирование и упрощение процедур торговли, санитарные и фитосанитарные меры, техническое регулирование, электронная торговля, торговля услугами и инвестиции, а также развитие предпринимательства. Кроме того, установление особых отношений между ЕАЭС и АСЕАН в дальнейшем может дать выход на Восточноазиатское сообщество (ВАС) и Азиатско-тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС).

Не стал исключением и африканский континент с точки зрения активизации диалога с региональными объединениями. Возможности установления контактов и развития особых отношений между Евразийским экономическим союзом и Восточноафриканским сообществом (ВАС) обсудили впервые 12 марта 2018 г. в ходе встречи Татьяны Валовой с послами государств-членов ВАС в РФ. Представитель ЕЭК подчеркнула, что ЕАЭС и ВАС во многом имеют совпадающие интеграционные повестки и решают схожие задачи. Следовательно, диалог между объединениями позволит не допускать возможных ошибок и более эффективно реагировать на возникающие вопросы в ходе интеграционного строительства.

Таким образом, данный обзор позволяет говорить о том, что ЕЭК развивает взаимодействие со всеми основными региональными экономическими группировками.

Второй формат установления особых отношений с внешними партнерами – это

¹ ЕАЭС и АСЕАН углубляют торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-11-2018-1.aspx> (дата доступа 10.12.2018).

подписание меморандумов о сотрудничестве / взаимопонимании с третьими странами. Такой тип соглашений подписан Евразийской экономической комиссией с Чили, Перу, Сингапуром, Южной Кореей, Молдовой, Таиландом, Монголией и др. Данные соглашения фиксируют стремление к расширению взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Наибольшее значение в этой группе соглашений играет договор с Китайской Народной Республикой². Договор подписан 17 мая 2018 г. в рамках Астанинского экономического форума и начинает действовать с 2019 г. Китай является крупнейшим торговым партнером всех стран-участниц ЕАЭС и объем взаимного товарооборота в 2017 г. превысил 100 млрд. долл. Для стран ЕАЭС данное соглашение с одной стороны отвечает национальным интересам, с другой – позволяет выйти на новый рынок. Создаваемый механизм взаимодействия – это не Зона свободной торговли и непреференциальная зона, но особый формат взаимоотношений. Ключевое место в сотрудничестве с Китаем занимает сфера развития транспортной инфраструктуры и взаимодействие в реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь» (создание транспортно-логистических хабов и развитие ключевых транспортных узлов). Для стран ЕАЭС важно четкое определение транспортных коридоров в рамках сотрудничества ЕАЭС и КНР в рамках так называемого сопряжения ЕАЭС с «Экономическим поясом Шелкового пути» [Кузьмина 2017: 229-239]. Кроме того, проект сопряжения должен быть направлен не только на развитие инфраструктуры, но и освоение прилега-

² Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и китайской народной республикой, с другой стороны

http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%81%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%BC/%D0%A2%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%28EAEU%20alternate%29%20final.pdf (дата доступа 10.12.2018).

ющих территорий. Китай в свою очередь делает акцент на приоритете сотрудничества сторон в сфере электронной торговли.

И, наконец, еще один формат взаимоотношений – возможно, самый важный, но самый труднодостижимый – это создание Зон свободной торговли. Первый позитивный опыт Евразийского экономического союза в этом направлении – это Зона свободной торговли с Республикой Вьетнам. Договор ЕАЭС о ЗСТ с Вьетнамом был подписан 29 мая 2015 г. и до сих пор остается единственным полноценным договором такого рода [Лапенко 2017: 212-215]. Таможенные ставки с Вьетнамом были обнулены более чем на 50% товарной номенклатуры, далее установлен переходный период от 5 до 10 лет для дальнейшего обнуления. За короткий период ЗСТ способствовало росту товарооборота на 35%, и он обеспечен абсолютно равнозначно, потому что абсолютно симметричны как рост экспорта, так и рост импорта.

17 мая 2018 г. в Астане подписано временное соглашение об образовании Зоны свободной торговли между государствами-членами Евразийского экономического союза и Ираном. Переговоры о снижении таможенных пошлин с Ираном велись с 2016 г. Временный характер соглашения обусловлен тем, что Исламская Республика Иран находится в условиях санкционного режима и механизмы сотрудничества с этим государством необходимо апробировать. Если за три года удастся добиться позитивного результата, то соглашение станет постоянным. Иран достаточно перспективный партнер для стран ЕАЭС. И, в особенности, учитывая реализацию проекта международного транспортного коридора Север- Юг, Иран может стать важным звеном на пути движения товаров, услуг и технологий из Юго-Восточной Азии в Европу и обратно. Кроме того, важно максимально задействовать механизм особых экономических зон, которые создает Иран, Россия и Казахстан на Каспии.

На завершающей стадии переговоров ЕЭК находятся соглашения о ЗСТ с Сингапуром и Сербией. В стадии обсуждения находятся соглашения о ЗСТ с Египтом,

Израилем и Индией. Необходимо отметить, что каждое соглашение является отдельным и уникальным. Основная задача – это согласовать интересы 5 стран-участниц, расширить экспортные возможности, но при этом защитить наиболее чувствительные группы товаров. Иногда согласовать национальные интересы стран-участниц ЕАЭС оказывается гораздо сложнее, чем вести переговоры с третьей стороной. Долгие месяцы уходят на то, чтобы подготовить список товарной номенклатуры. Кроме того, нужно проанализировать все возможные преимущества и риски. Например, в случае с Египтом важно учитывать перспективы создания российской промышленной зоны в экономической зоне Суэцкого канала, а также то, что в Африке идет процесс создания Континентальной зоны свободной торговли в составе 44 африканских стран – это крупнейшее соглашение о ЗСТ со времени формирования ВТО. Поэтому ЕЭК практически не использует классический вариант соглашения о ЗСТ, а разрабатывает расширенный вариант соглашения «ЗСТ+», в котором помимо снижения таможенных пошлин, включаются и другие механизмы, стимулирующие торговлю, например, таможенное администрирование, интеллектуальная собственность, защита прав потребителей и так далее.

В целом более 60 стран проявили интерес к созданию ЗСТ с ЕАЭС и обратились в ЕЭК с просьбой рассмотреть такую возможность. Некоторые страны уже получили отказ, например, Монголия и Южная Корея. Но, в целом, создание ЗСТ – это наиболее эффективный из всех существующих на данный момент вариантов расширения экспортных возможностей и повышения конкурентоспособности стран ЕАЭС. В рамках ВТО экспортные возможности гораздо хуже, а ввозные таможенные ставки для России, Казахстана, Армении и Киргизии значительно ниже, чем, например, для того же Китая. При этом в последние годы наблюдается не только кризис ВТО, но и попытки США инициировать новые глобальные проекты по пересмотру сложившейся системы ВТО – в формате Трансатлантического и Транс-

Тихоокеанского торгового партнерств. Временный отход от этих проектов, действующий администрации Д. Трампа не снимает их с повестки. Кроме того, обновленный вариант НАФТА только подтверждает убежденность в том, что США продолжат пересмотр существующих торговых соглашений. Кроме того, как показывает мировой опыт – страны, имеющие большое количество соглашений о ЗСТ, имеют и большой уровень инвестиций.

Данные инициативы ЕЭК являются важными шагами на пути формирования более широкого интеграционного формата, который уже принято назвать «евразийским континентальным партнерством». Впервые обсудить идею создания Большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, государств ШОС и АСЕАН предложил Президент Российской Федерации В. Путин на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума еще в 2016 г.

Директор Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии С. Шухно, выступая на международной конференции «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений» в июне 2017 г., дал такое определение: «по сути, Большое Евразийское партнерство – расширенная до континентального масштаба идея формирования единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. В 2010 г. ее озвучил Президент России В. Путин и в 2015 г. поддержал и развил до концепции «интеграции интеграций» Президент Беларуси А. Лукашенко. Успех воплощения этой идеи зависит во многом от готовности ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, ШОС и крупнейших экономик региона – Китая и Индии – вести открытый диалог и находить взаимоприемлемые решения»¹.

В настоящее время данная идея видится еще более актуальной, прежде всего,

вследствие наличия глобальных рисков. Более детальное объяснение перспектив установления стабильных партнерских отношений с зарубежными компаниями в глобальном масштабе и развития континентального партнерства для бизнес-кругов ЕАЭС презентовали на стратегической сессии «Евразийское континентальное партнерство: расширяя пространство для бизнеса ЕАЭС», организованной в рамках форума «Евразийская неделя», который проходил в Ереване с 22 по 24 октября 2018 г.

Резюмируя выступления участников сессии, можно дать общее определение того, что сейчас понимается под термином «евразийское континентальное партнерство» – это новый формат экономического мегапартнерства, ядром которого является территория Евразии; – это пространство современного технологического процесса, промышленной кооперации и новых производственных цепочек; – пространство, связанное консолидированной топливно-энергетической и общей транспортной инфраструктурой, предоставляющее конкурентные преимущества стран-участницам (упрощение таможенных процедур, гармонизация технических регламентов) и обеспечивающее эффективное подключение ЕАЭС к глобальным логистическим цепочкам.

На данном этапе формирование партнерства находит отражение в системе создаваемых Зон свободной торговли и механизме сопряжения ЕАЭС с Экономическим поясом Шелкового пути. Поиск консенсуса и обеспечение выгоды для всех стран-участниц ЕАЭС является задачей весьма непростой, однако если не стремиться к ее реализации, значит заведомо потерять позиции в новой мировой экономической конъюнктуре. Важно подчеркнуть, что при создании всех ЗСТ следовало бы разработать единую концептуальную линию, и определить экспортную стратегию ЕАЭС. В международной повестке ЕАЭС на 2019 год прописаны все рассмотренные направления, при этом важно, чтобы все страны ЕАЭС разделяли цели интеграционного объединения и придержива-

¹ Цит. по: Сергей Шухно: «В основе Большого Евразийского партнерства – сотрудничество ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, ШОС и ключевых национальных экономик континента» <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-06-2017.aspx> (дата доступа 10.12.2018).

лись разработанной Стратегии развития экономического союза до 2030 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Lagutina M., Lapenko M. Eurasian Economic Union and the Latin America: Framework of the Cooperation // Eurasia-Latin America Strategic Engagement and Comparative Perspectives in Politics and Economics. Astana: Kultegin, 2017. P. 168-171.
2. Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева / Сост.: А.Н. Нысанбаев, В.Ю. Дунаев /. – Алматы: 2010.
3. Кузьмина Е.М. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем // Проблемы постсоветского пространства. 2017; 4(3). С. 229- 239.
4. Лапенко М. В. Создание Зоны свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Вьетнам: итоги переговорного процесса // Известия Саратовского университета. Серия. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 212-215.
5. Лапенко М.В. Проект создания Евразийского Союза и его восприятие в политической элите и экспертном сообществе перспективных стран-участниц // Известия Саратовского университета. Серия. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 70-79.
6. Назарбаев Н. А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы 1994-1997. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук. 1997.
7. Lagutina M., Lapenko M. Eurasian Economic Union and the Latin America: Framework of the Cooperation // Eurasia-Latin America Strategic Engagement and Comparative Perspectives in Politics and Economics. Astana: Kultegin, 2017. P. 229-239.
8. Lagutina M., Lapenko M. Eurasian Economic Union and the Latin America: Framework of the Cooperation // Eurasia-Latin America Strategic Engagement and Comparative Perspectives in Politics and Economics. Astana: Kultegin, 2017. P. 168-171.
9. Lapenko M. V. Sozдание Zony svobodnoi trgovli mezhdru EAES i Respublikoi V'etnam: itogi peregovornogo processa // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17, vyp. 2. S. 212-215.
10. Lapenko M.V. Proekt sozdaniya Evraziiskogo Soyuza i ego vospriyatie v politicheskoi elite i ekspertnom soobshestve perspektivnyh stran-uchastnic // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. T. 13, vyp. 2. S. 70-79.
11. Nazarbaev N. A. Evraziiskii soyuz: idei, praktika, perspektivy 1994-1997. □ М.: Fond sodeistviya razvitiyu social'nyh i politicheskikh nauk. 1997.

Сведения об авторе: Лапенко Марина Владимировна – к.и.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский государственный университет им.Н.Г. Чернышевского (e-mail: lapenkomv@mail.ru).

REFERENCES

1. Evraziiskaya doktrina Nursultana Nazarbaeva / Sost.: A.N. Nysanbaev, V.Yu. Dunaev. Almaty. 2010.
2. Kuz'mina E.M. «Bol'shaya Evraziya»: interesy i vozmozhnosti Rossii pri vzaimodeistvii s Kitaem // Problemy postso-

About the author: Lapenko Marina, PhD in History, Associate Professor of Saratov State University (e-mail: lapenkomv@mail.ru).

**ЕАЭС:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

А.Г. Ибрагимов

Бакинский Государственный Университет,
Баку, Азербайджан

Аннотация. В статье проанализировано нынешнее состояние Евразийского экономического союза (ЕАЭС). ЕЭС рассматривается не как исключение из общих правил региональной экономической интеграции, а как функционирующий таможенный союз с собственными успехами и камнями преткновения. В статье рассматривается состояние евразийских институтов, единый рынок товаров и услуг, состояние взаимной торговли и инвестиционных потоков между государствами-членами, текущая работа по устранению нетарифных барьеров, проблемы, связанные с эффективной координацией макроэкономической политики, прогресс в создании сети зон свободной торговли ЕАЭС, состояние общего рынка труда и динамика общественного мнения относительно евразийской интеграции в пяти государствах-членах.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, региональная интеграция, таможенный союз, общий рынок, нетарифные барьеры, зона свободной торговли, прямые иностранные инвестиции.

**EURASIAN ECONOMIC UNION:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

A.G. Ibrahimov

Baku State University, Baku, Azerbaijan

Abstract. The article analyzes the current state of the Eurasian Economic Union (EEU). The EEU is not viewed as an exception to the general rules of regional economic integration, but as a functioning customs union with its own successes and stumbling blocks. The article examines the state of Eurasian institutions, the single market for goods and services, the state of mutual trade and investment flows between member states, current work to eliminate non-tariff barriers, problems associated with the effective coordination of macroeconomic policies, progress in creating a network of free trade zones of

the EEU, common labor market and the dynamics of public opinion regarding Eurasian integration in five member states.

Keywords: Eurasian Economic Union, regional integration, customs union, common market, non-tariff barriers, free trade zone, foreign direct investment.

Евразийский экономический союз являясь новичком среди региональных интеграционных организаций, действует как таможенный союз с 2011 г. и как экономический союз с 2015 г. ЕАЭС был создан для оказания содействия государствам-членам в использовании межрегиональных экономических связей, модернизации национальной экономики и создании условий, способствующих повышению их конкурентоспособности. В основе процесса евразийской интеграции лежит в единый рынок товаров, услуг, капитала и труда.

Мы считаем, что ЕАЭС лучше рассматривать не как исключение из общих правил, а скорее, как функционирующий региональный интеграционный блок с собственными успехами и проблемами. Евразийский союз имеет значительные достижения, но также имеет глубоко укоренившиеся ограничения. Исходя из этой цели мы кратко рассмотрим:

- нынешнее состояние евразийских институтов (не только ЕАЭС, но и всю евразийскую экосистему экономической интеграции) и их эволюцию;
- возникновение общих рынков товаров и услуг и уровень торговых и инвестиционных потоков между государствами-членами ЕАЭС;
- прогресс в направлении устранения и унификации нетарифных барьеров;
- поведение и структуру торговых потоков;
- потоки взаимных инвестиций в ЕАЭС;
- содержание Договора ЕАЭС и вопросов, связанных с его осуществлением, особенно в том, что касается координации макроэкономической политики, в том числе монетарной;
- продолжающиеся усилия по созданию зон свободной торговли и подписанию соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, в том числе с двумя

ключевыми торговыми и инвестиционными партнерами - ЕС и Китаем;

- действующий рынок труда;
- изменение общественного восприятия евразийской интеграции.

С идеологической точки зрения этот крупномасштабный международный проект возник в речи, озвученной Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым в марте 1994 г. в МГУ. Выступление президента Назарбаева представляет собой сложную интеграционную парадигму, в которой подчеркивается необходимость создания Евразийского союза с четким фокусом на экономические вопросы.

Прошло более 20 лет для реализации идеи интеграции, в течение этого времени СНГ столкнулось со многими серьезными угрозами распада. В 1995 г. «тройка» (Беларусь, Казахстан и Россия) - три страны, которые все еще составляют ядро интеграционного объединения [Винокуров, 2010] подписали Договор о Таможенном союзе. Этот инструмент был разработан для устранения барьеров, препятствующих свободному экономическому взаимодействию между экономическими агентами, облегчения свободного обмена товарами и обеспечения добросовестной конкуренции между сторонами.

В 2000 г. пять государств создали Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Под эгидой этого органа было подписано более 100 соглашений. Более того, ЕврАзЭС должен был стать институциональным трамплином для инициатив, которые будут реализованы в 2006-2010 гг. Таким образом, Комиссия Таможенного союза была техническим органом ЕврАзЭС. 1 января 2015 г. ЕврАзЭС был официально расторгнут, одновременно с созданием ЕАЭС.

В 2003 г. президенты Беларуси, Казахстана, России и Украины подписали соглашение о создании «Единого экономического пространства». Оранжевая революция 2004 г. положила конец этому начинанию.

В октябре 2007 г. президенты России, Белоруссии и Казахстана подписали Соглашение о создании таможенного союза (ТС). Они также утвердили двухлетний

план реализации. Цель заключалась в том, чтобы облегчить свободное перемещение товаров во взаимной торговле, создать благоприятные условия для торговли с третьими странами и расширить экономическую интеграцию. По истечении запланированного двухлетнего периода подготовки, 19 декабря 2009 г., А. Лукашенко, Д. Медведев и Н. Назарбаев встретились в Алматы, чтобы подписать Совместное заявление об учреждении Таможенного союза. Общий таможенный тариф вступил в силу в 2010 г. Этот успех частично объясняется экономическим кризисом, который побуждал три страны ускорить интеграционные усилия. В 2011 г. ТС уже работал на полную мощность, а хозяйствующие субъекты работали на единой таможенной территории и использовали Единый таможенный тариф. 1 января 2012 г. ТС был дополнен пакетом еще семнадцати соглашений, которые составляют нормативную основу Единого экономического пространства (ЕЭП). Эти соглашения касаются ряда ключевых вопросов, лежащих в основе процесса сближения экономики в рамках «тройки», начиная от координации макроэкономической политики и трудовой миграции.

Наконец, 1 января 2015 г. вступил в силу Договор Евразийского экономического союза. Армения присоединилась к интеграционной ассоциации 2 января 2015 г., а Кыргызстан - 8 мая 2015 г.

Прогресс евразийской интеграции зависит от успеха «восходящей интеграции» - роста взаимной торговли, взаимных инвестиций и цивилизованной трудовой миграции. Это требует, чтобы в экономике ЕАЭС «правила игры» были едины. Конечной целью в долгосрочной перспективе (до 2025 г.) должно стать максимальное увеличение общего рынка.

Ликвидация исключений на едином рынке имеет решающее значение для модернизации и сотрудничества экономик стран ЕАЭС. Для принятия политического решения, приемлемого для всех государств-членов, фундаментальный переход на действительно общий рынок был отложен до 2020 г., а в некоторых частях - до 2025 г.

Существует еще несколько важных вопросов, которые продолжают создавать проблему.

Одним из таких вопросов является нежелание стран ЕАЭС, кроме России, принять санкции, которые Россия наложила на Украину. Эти страны продолжают вести бизнес с украинскими компаниями. Россия никогда не давала официальных рекомендаций для принятия санкций, и вопрос не поднимался до уровня ЕАЭС. Между тем возник конфликт интересов (по существу, если не в юридическом плане) между внешней политикой России и ее торговыми отношениями с другими странами ЕЭС.

Второй вопрос - реэкспорт товаров белорусских производителей и торговых компаний ЕС, которые подлежат российским контр-санкциям (в основном, пищевым продуктам). Соответственно, российские власти начали осматривать весь товарный груз, чтобы проверить, что товар поступает из заявленных стран происхождения. Это привело к значительным задержкам, очередям на белорусско-российской границе и жалобам белорусских властей. В конце концов, проблема была решена путем введения более жестких требований маркировки стран происхождения и введения более суровых наказаний за несоблюдение белорусскими экспортерами.

Отношения между Россией и Украиной еще более ухудшились в 2016 г., когда украинские активисты начали блокировать российские транспортные средства, перемещающиеся по территории Украины. В ответ Россия ввела аналогичные контрмеры на украинские автомобили. Частичное решение было предложено Информационной системой перевозки грузов ЕЭС, и украинские перевозчики в конечном итоге получили возможность транзитных поставок через территорию России.

Точно так же был достигнут определенный прогресс в устранении исключений, предусмотренных Договором ЕАЭС. В настоящее время ведутся работы по созданию единого энергетического рынка. Соответствующий международный договор будет подготовлен после утверждения ЕАЭС концептуальной основы для едино-

го рынка электроэнергии. Согласно текущему графику, рынок будет запущен в 2019 г. Подробности все еще обсуждаются.

Государства-члены ЕАЭС начали консультации по очень сложному вопросу - созданию финансового регулятора Союза к 2022-2025 гг., наднационального финансового учреждения, которое будет отвечать за соблюдение общих стандартов на финансовых рынках Союза и за обеспечение надлежащего регулирования и надзора.

Ожидается, что к 2025 г. появится единый рынок нефти, газа и нефтепродуктов. Дальнейший срок обусловлен чрезвычайно важной ролью нефтегазового сектора в качестве источника доходов государственного бюджета. Работа будет осуществляться отдельно (для нефти и газа) в рамках двух программ и в соответствии с двумя дорожными картами. Усилия, связанные с окончательной доработкой Таможенного кодекса и созданием общих рынков фармацевтики, энергетики, нефти и газа и единого финансового регулятора, представляют собой компоненты одного и того же процесса - устранения исключений из Общего рынка ЕАЭС. С практической точки зрения этот процесс довольно противоречивый. Логично предположить, что окончательные решения станут результатом взаимных уступок.

Одним из наиболее важных вопросов в повестке дня ЕАЭС в ближайшем будущем является постепенная унификация и устранение нетарифных барьеров (НТБ) во взаимной торговле товарами и услугами. Нетарифные барьеры создают значительную нагрузку на взаимные потоки товаров и услуг между странами ЕАЭС, снижая общую эффективность общего рынка. Они имеют особенно ярко выраженный эффект на развитие и сотрудничество высокотехнологичных отраслей.

В результате масштабного опроса предприятий из Беларуси, Казахстана и России установлено, что доля НТБ составляет от 15% до 30% от общей стоимости экспорта. Другими словами, экспортные товары между странами ЕЭС включают от 15 до 30 центов, связанных с НТБ [Винокуров и др., 2015].

Изменения в стоимости экспорта государств-членов ЕАЭС в целом отражают ухудшение экономической ситуации за последние несколько лет, особенно резкое снижение цен на углеводороды. В дополнение к этому, внешняя торговля стран отрицательно сказалась на нестабильности финансовых рынков («парад девальваций») в 2014-2015 гг. Наибольшее снижение показателей взаимной торговли было зафиксировано в 2015 г., когда общий экспорт ЕЭС составил 45,4 млрд. долларов, или всего 74,2% от уровня 2014 г. в долларовом выражении.

Несмотря на снижение стоимости взаимной торговли, произошло качественное улучшение структуры внешней торговли в рамках ЕАЭС. Например, взаимная торговля между государствами-членами ЕАЭС в процентах от их общей внешней торговли увеличилась с 12,3% в 2014 г. до 13,5% в 2015 г. Мы также отмечаем изменения в торговых балансах в рамках Союза. Например, торговый дефицит Беларуси во взаимной торговле с ЕАЭС сократился с 10,4 млрд. долл. в 2011 г. до 6,2 млрд. долл. в 2015 г., и эта тенденция, как представляется, является устойчивой. Однако иногда происходят сильные краткосрочные движения. Таким образом, девальвация российского рубля в 2014 г. вызвала «отражение» структуры взаимной торговли между Россией и Казахстаном и временно укрепила статус Казахстана в качестве поставщика сырья в ЕАЭС [Алпысбаева и др., 2015]. Эта ситуация сохранялась примерно на один год, пока Казахстан не поставил свою валюту под режим плавающего валютного курса (с небольшим временным отставанием).

Статистические данные по экспорту взаимной торговли в процентах от общего объема экспорта ЕАЭС также показывают конкретные закономерности. В течение первого года существования ЕЭС этот показатель увеличился с 9,5% в 2014 г. до 10,8% в 2015 г. Другими словами, стоимость экспорта во взаимной торговле среди стран-членов ЕАЭС снизилась менее существенно, чем их совокупная стоимость экспорта.

Импорт ЕАЭС в основном соответствует той же схеме. Взаимный импорт товаров в процентах от общего объема импорта ЕАЭС составил 18% в 2015 г. по сравнению с 15,8% в 2014 г. Эта тенденция снова указывает на растущее значение взаимной торговли в рамках Союза.

Неблагоприятные экономические условия не могли не повлиять на абсолютный объем взаимных ресурсов прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Согласно данным, полученным при мониторинге взаимных инвестиций в страны СНГ, ресурсы ПИИ ЕАЭС на конец 2015 г. составляли 23,6 млрд. долл., в годовом исчислении на 7% (в 2014 г. этот показатель вырос на 1%) [Кузнецов, 2014]. Сокращение количества ПИИ было связано с уменьшением прямых инвестиций российских компаний в Казахстане и Беларуси. Основной причиной этой тенденции является не завершение инвестиционных проектов, а скорее переоценка активов после масштабной девальвации национальных валют в Казахстане и России в 2015 г. Однако, если мы сравним взаимные ПИИ в странах СНГ, ситуация станет гораздо более пессимистичной. Объем взаимных ресурсов ПИИ в СНГ снизился с 2013 года. Наиболее заметное падение было зафиксировано в 2014 г., когда взаимные инвестиции в СНГ упали на 16% в годовом исчислении, а к концу года они упали еще на 5%. В целом, несмотря на общую нестабильность мировой экономики и отток капитала с развивающихся рынков, государства-члены Евразийского союза поддерживают относительно стабильный уровень инвестиционного взаимодействия.

Как и ожидалось, российские компании с более чем 80%-ной долей, экспортируемых ПИИ являются крупнейшими экспортёрами капитала в ЕАЭС. В целом отраслевая структура ПИИ в ЕАЭС довольно диверсифицирована, в ней доминируют традиционные отраслевые отрасли промышленности. В инвестициях в российский капитал преобладает нефтегазовая промышленность (около 47% от общего объема ПИИ в России в странах ЕАЭС). Значительную роль играют также финансовый и транспортный секторы. Страны

ЕАЭС предлагают российским инвесторам наиболее комфортные условия для иностранных операций. Помимо общего исторического и экономического прошлого, территориальной близости и языковой близости, углубление институциональной интеграции является критическим позитивным фактором, обеспечивающим высокий уровень осведомленности о деловых обычаях в разных странах. Казахстан и Беларусь являются предпочтительными направлениями инвестиций для многих российских компаний, которые, по крайней мере, на данный момент перестают расширяться за пределы этого диапазона в большинстве производственных зон, в том числе с высокой добавленной стоимостью.

В ближайшие годы структура инвестиционных потоков в регионе ЕАЭС претерпит значительные изменения. Эта трансформация будет в первую очередь обусловлена нестабильностью Украины, что приведет к снижению доли инвестиций ЕАЭС в ее экономике и активному расширению взаимных связей в рамках Союза. Углубление интеграции в рамках Евразийского союза и появление его единого рынка открывает новые возможности для корпоративного взаимодействия, позволяя «вторым» инвесторам, которые представляют широкую гамму экономических секторов, активизировать формирование сетей создания трансграничных ценностей.

Поэтому в определенной степени создание и развитие общего рынка товаров и услуг ЕАЭС помогает поглощать потрясения, влияющие на взаимные инвестиции, тем самым смягчая негативное влияние экономического сокращения.

Крайне важно, чтобы страны ЕАЭС проводили скоординированную макроэкономическую политику. Это поддерживает макроэкономическую стабильность, способствует единообразию принципов, регулирующих функционирование экономики, и обеспечивает координацию основных экономических показателей для повышения устойчивости и углубления экономической интеграции государств-членов.

Ключевой задачей развития ЕАЭС является обеспечение полномасштабной координации макроэкономической политики,

прежде всего денежно-кредитной политики. В долгосрочной перспективе углубление интеграции в денежно-кредитную политику может принести ощутимые выгоды для трех меньших экономик ЕАЭС, в первую очередь за счет импорта экономической стабильности, обусловленной сокращением долгосрочных процентных ставок.

Переход на новые уровни координации денежно-кредитной политики в настоящее время обусловлен множеством постоянных проблем, включая высокую и неустойчивую инфляцию в некоторых странах, значительную долларизацию экономики, использование государствами-членами различных денежных режимов. Фактически, эти проблемы будут определять повестку дня ЕАЭС на следующие 5-10 лет. Они должны быть решены независимо от того, должны ли государства-члены углубить координацию денежно-кредитной политики. Решение этих проблем позволит снизить затраты на взаимную торговлю и увеличить ее объем, а также открыть путь для устойчивого роста взаимных долгосрочных инвестиций.

Первоочередные шаги в этой области включают снижение уровня долларизации и инфляции в государствах-членах по сравнению с аналогичными долгосрочными траекториями. Упорно высокая и нестабильная инфляция затрудняет осуществление денежно-кредитной политики, так как шоки имеют более длительный эффект в реальной экономике. В дополнение к координации денежно-кредитной политики страны ЕАЭС сталкиваются с некоторыми другими проблемами в финансовой сфере: либерализацией банковского сектора, выравниванием режимов счета операций с капиталом, либерализацией доступа к рынкам ценных бумаг и устранением ограничений на брокеров и депозитариев операций и т. д. [Мишина и Хомякова, 2014].

Евразийский союз планирует создать сеть зон свободной торговли (ЗСТ). Следует признать, что сегодня ЕЭС - с его ВВП в 2 трлн. долларов и с населением в 182 млн человек (в том числе 93 млн человек с наемным трудом) не является самодоста-

точным рынком. Целью ЕАЭС в конечном итоге является заключение всеобъемлющего договора с крупнейшими торговыми и экономическими партнерами - ЕС и Китаем. Долгосрочное устойчивое развитие возможно только в том случае, если оно опирается на тесное сотрудничество как с Европейским союзом, так и с Китаем [Винокуров и Либман, 2012]. В этом направлении уже достигнут определенный прогресс. ЕЭС и Китай начали диалог по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве. Перспективы взаимовыгодного сотрудничества между ЕЭС и Китаем, безусловно, придают мощный импульс региональному развитию и постоянному взаимодействию в области транспорта, энергетики и финансов в Центральной Азии, Сибири и на Дальнем Востоке [Караганов и др., 2015].

Повышен интерес к экономическому сотрудничеству и интеграции между ЕС и ЕАЭС. Глубокая экономическая интеграция с ЕС чрезвычайно важна для Евразийского союза. Во-первых, ЕС является крупнейшим торговым партнером для России и Казахстана: более половины объема торговли Российской Федерации приходится на ЕС; и Россия, в свою очередь, является третьим по величине торговым партнером Европейского Союза. Во-вторых, ЕС мог бы сыграть решающую роль в проекте Евразийской интеграции. В этом свете ЕС следует также рассматривать как ключевого долгосрочного партнера [Винокуров, 2014].

Общий рынок труда именно та область, в которой Евразийский экономический союз достиг своих самых ощутимых результатов. Почти все барьеры, мешающие работникам из соседних стран Союза, были устранены, а социальные гарантии, которыми пользуются граждане государств-членов, в настоящее время в значительной степени доступны трудящимся-мигрантам и членам их семей. Работодатели могут нанимать работников из других стран-членов без учета ограничений, существующих на их национальных рынках труда. Отсутствуют обязательства по лицензированию или квоте [Алиев, 2015]. Из-за большого размера со временем общий

рынок труда ЕАЭС может оказаться значительным положительным фактором, способствующим экономическому росту малых стран.

Перечень основных нерешенных проблем пополнилась сложной пенсионной проблемой. В конце концов, у каждой страны есть своя система пенсии. Для решения этой проблемы разрабатывается специальное соглашение. Тот факт, что рынок труда работает, подтверждается первыми доступными статистическими данными: в 2015 г. число работников-мигрантов из Кыргызстана в России увеличилось на 1,6%, а число работников-мигрантов из Таджикистана сократилось на 13,7%.

Широкая общественность, как правило, поддерживает евразийскую интеграцию. Согласно мониторингу общественного мнения, проведенному Евразийским банком развития с 2012 г. в рамках проекта Базового интегратора ЕАБР, рейтинги публичного одобрения проекта Евразийской интеграции в рамках ЕЭС варьируются от 46% (в Армении) до 81% (в Кыргызстане). Таким образом, репрезентативное исследование, проведенное в мае-июне 2016 года, показало, что рейтинги ЕЭС в Кыргызстане, Казахстане, России и Беларуси довольно высокие - соответственно 86%, 74%, 69% и 63%. И наоборот, в Армении уровень поддержки участия страны в ЕЭС снизился до 46%.

ЕАЭС — это новая реальность постсоветского пространства. Его успехи и проблемы должны быть оценены реалистично. Хотя прямое сравнение с Европейским союзом может вводить в заблуждение, оно также дает больше доступа к ЕАЭС в несколько меньших масштабах. В этой связи он сопоставим с другими организациями региональной интеграции общего назначения, в частности с таможенными союзами или областями свободной торговли - НАФТА, МЕРКОСУР, Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива и Южноафриканским таможенным союзом. С одной стороны, Евразийский экономический союз не является идеальной «историей успеха». С другой стороны, он достиг многого и вполне жизнеспосо-

бен, его институты работают. То же самое относится к общему рынку труда. Достигнут некоторый прогресс в разработке общих технических правил (в настоящее время доработано 36 таких правил). Эффект интеграции будет максимален за счет реализации существующих планов в этих областях и реализации некоторых более специализированных инициатив (касающихся, например, инфраструктуры, промышленной политики, сельскохозяйственного и промышленного комплекса, рынка труда, единого пенсионного пространства и сотрудничества в области исследований и образования).

ЕАЭС лучше всего рассматривать как функционирующий таможенный союз. Он имеет собственные успехи и камни преткновения. ЕЭС - новая реальность для общества инвесторов. Общий рынок был создан на территории пяти государств - рынка, который позволяет работать практически из любого места. Несмотря на существующие недостатки операционной механики Союза, он уже стал функционирующим общим рынком с относительно определенной дорожной картой развития.

Рассматриваемые вопросы соответствуют нескольким исключительно важным пунктам повестки дня ЕАЭС на ближайшее будущее (примерно следующие 5 лет):

- главным приоритетом является завершение работы, направленной на создание общих рынков для товаров и услуг и устранения существующих ограничений. При этом крайне важно, чтобы выравнивание единого таможенного тарифа поддерживалось на высоком уровне.
- вторая задача - продолжать методично устранять / унифицировать сотни оставшиеся НТБ - от правил сертификации товаров до статуса специального импортера.
- третья задача - эффективно координировать макроэкономическую (и особенно денежно-кредитную) политику. Без такой координации «экономическая структура» зарождающейся интеграционной ассоциации может распутаться.

- наконец, необходимо создать многочисленные зоны свободной торговли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиев С. Трудовая миграция в Евразийском экономическом союзе. Евразийская экономическая интеграция, 2015. №4 (29), с. 65-74.
2. Алпысбаева С., Кенжебулат М., Камзин А., Каскеев С. Структурные изменения во взаимной торговле между Казахстаном и Россией на фоне внешних потрясений и различий в денежно-кредитной политике. Евразийская экономическая интеграция, 2015. №2 (27), с.41-51.
3. Винокуров Е. Система индикаторов евразийской интеграции. Алматы: Евразийский Банк Развития. 2010.
4. Винокуров Е. Мега-сделка между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом. «Россия против Глобальной политики», 2014. №5, с.189-194.
5. Винокуров Е., Либман А. Экономические кризисы препятствуют или продвигают региональную экономическую интеграцию на постсоветском пространстве? Посткоммунистическая экономика, 2014. № 26 (3), с.341-358.
6. Караганов С. К Великому океану 3: Создание Центральной Евразии. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития Евразийских государств. Аналитический отчет Валдайского дискуссионного клуба. Москва: дискуссионный клуб «Валдай». 2015.
7. Кузнецов А. Российские прямые инвестиции как фактор евразийской интеграции. Вопросы экономики, 2014. № 8, с.58-69.
8. Курылев К.П., Станис Д.В. Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы // Современная наука. 2015. № 2. С. 13-18.
9. Курылев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 75-86.
10. Курылев К.П. Специфика интеграционных процессов в СНГ // В сборнике:

- СНГ: проблемы, поиск, решения: 2010 Ежегодник. 2009. С. 22-32.
11. Мишина В., Хомякова Л. Интегрированный валютный рынок Евразийского экономического пространства и расчеты в национальной валюте: миф или реальность? Вопросы экономики. 2014. №8, с.41-57.
 12. Dragneva, R. & Wolczuk, K. Eurasian economic integration: Law, policy and politics. Cheltenham, UK, and Northampton, MA: Edward Elgar. 2013.
 13. Dutkiewicz, P., & Sakwa, R. (Eds.) Eurasian integration — the view from within. London: Routledge. 2014.
 14. Gómez-Mera, L. Power and regionalism in Latin America. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 2013.
 15. Hamilton, D. S. The geopolitics of TTIP: Repositioning the transatlantic relationship for a changing world. Washington, DC: Center for Transatlantic Relations. 2014.
 16. Hancock, K. J., & Libman, A. Eurasia. in T. A. Boerzel, & T. Risse, The Oxford handbook of comparative regionalism. Oxford: Oxford University Press. 2016.
 17. Libman, A., & Vinokurov, E. Holding-together regionalism: Twenty years of post-Soviet integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2012.
 18. Tarr, D. G. The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can it succeed where its predecessor failed? Eastern European Economics, 2016. 54(1), p.1–22.
 19. Vinokurov, E., & Libman, A. Eurasian integration: Challenges of transcontinental regionalism. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2012.
 20. vzaimnoj trgovle mezhdru Kazahstanom i Rossiej na fone vneshnih potryasenij i razlichij v denezhno-kreditnoj politike. Evrazijskaya ehkonomicheskaya integraciya, 2015. №2 (27), s.41-51.
 3. Vinokurov E. Sistema indikatorov evrazijskoj integracii. Almaty: Evrazijskij Bank Razvitiya. 2010.
 4. Vinokurov E. Mega-sdelka mezhdru Evropejskim soyuzom i Evrazijskim ehkonomicheskim soyuzom. «Rossiya protiv Global'noj politiki», 2014. №5, s.189-194.
 5. Vinokurov E., Libman A. EHkonomicheskie krizisy prepyatstvuyut ili prodvigayut regional'nyu ehkonomicheskuyu integraciyu na postsovetском prostranstve? Postkommunisticheskaya ehkonomika, 2014. № 26 (3), s.341-358.
 6. Karaganov S. K Velikomu okeanu 3: Sozdanie Central'noj Evrazii. EHkonomicheskij poyas SHELkovogo puti i priority sovместного razvitiya Evrazijskih gosudarstv. Analiticheskij otchet Valdajского diskussionnogo kluba. Moskva: diskussionnyj klub «Valdaj». 2015.
 7. Kuznecov A. Rossijskie pryamyie investicii kak faktor evrazijskoj integracii. Voprosy ehkonomiki, 2014. № 8, s.58-69.
 8. Kurylev K.P., Stanis D.V. Process razvitiya evrazijskoj integracii: istoriya, sovremennye problemy i perspektivy // Sovremennaya nauka. 2015. № 2. S. 13-18.
 9. Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkovskaya E., Rahimov K.H. Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz vo vneshnepoliticheskoy strategii Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. T. 16. № 1. S. 75-86.
 10. Kurylev K.P. Specifika integrac-onnyh processov v SNG // V sbornike: SNG: problemy, poisk, resheniya: 2010 Ezhegodnik. 2009. S. 22-32.
 11. Mishina V., Homyakova L. Integrirovannyj valyutnyj rynek Evrazijskogo ehkonomicheskogo prostranstva i raschety v nacional'noj valyute: mif ili real'nost'? Voprosy ehkonomiki. 2014. №8, s.41-57.
 12. Dragneva, R. & Wolczuk, K. Eurasian economic integration: Law, policy and politics. Cheltenham, UK, and Northampton, MA: Edward Elgar. 2013.

Сведения об авторе: Ибрагимов Али-муса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского Государственного Университета (e-mail: ialimusa@mail.ru).

REFERENCES

1. Aliev S. Trudovaya migraciya v Evrazijskom ehkonomicheskom soyuze. Evrazijskaya ehkonomicheskaya integraciya, 2015. №4 (29), s. 65-74.
2. Alpysbaeva S., Kenzhebulat M., Kamzin A., Kaskeev S. Strukturnye izmeneniya vo

13. Dutkiewicz, P., & Sakwa, R. (Eds.) Eurasian integration— the view from within. London: Routledge. 2014.
14. Gómez-Mera, L. Power and regionalism in Latin America. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 2013.
15. Hamilton, D. S. The geopolitics of TTIP: Repositioning the transatlantic relationship for a changing world. Washington, DC: Center for Transatlantic Relations. 2014.
16. Hancock, K. J., & Libman, A. Eurasia. in T. A. Boerzel, & T. Risse, The Oxford handbook of comparative regionalism. Oxford: Oxford University Press. 2016.
17. Libman, A., & Vinokurov, E. Holding-together regionalism: Twenty years of post-Soviet integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2012.
18. Tarr, D. G. The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can it succeed where its predecessor failed? *Eastern European Economics*, 2016.54(1), p.1–22.
19. Vinokurov, E., & Libman, A. Eurasian integration: Challenges of transcontinental regionalism. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2012.

About the author: Ibrahimov Alimusa Gulmusa, Ph.D. in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University (e-mail: ialimusa@mail.ru).

ГРАЖДАНСКАЯ ПОДДЕРЖКА ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю.А. Удальцова

Кыргызский национальный университет
им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. В статье на основе данных социологических опросов в странах ЕАЭС проводится анализ гражданской поддержки евразийской интеграции. Если говорить о странах ЕАЭС, то пиковые значения поддержки интеграции гражданами, зафиксированные исследованием в отдельных из них в 2014–2015 гг., были своего рода авансом общественного доверия, связанного с позитивными, отчасти завышенными ожиданиями скорых положительных эффектов объединения. Но эти ожидания пока не оправдались в полной мере, в том числе по причине, препятствовавшей развитию ЕАЭС неблагоприятной внешней конъюнктуры (мировой экономической кризис, межгосударственные конфликты в регионе СНГ и др.). Это и проявляется в плавном снижении доли граждан, относящихся к интеграции положительно и росте доли тех, кто относится к ЕАЭС с безразличием, а также затрудняющихся с ответом. Полагаем, это вызвано тем, что граждане стран ЕАЭС всё чаще задумываются не столько о создании и существовании Союза как такового, сколько о практической значимости экономической интеграции лично для них, о том, насколько она влияет на их конкурентоспособность, на семейный бюджет, на их бизнес и т.д. Кстати, в большинстве стран Союза (за исключением Кыргызстана) материально обеспеченные граждане в большей степени проявляют позитивное отношение к Союзу, нежели менее состоятельные. Едва ли стоит ожидать столь же высокого уровня общественной поддержки интеграции, как в год подписания Договора о ЕАЭС и присоединения к нему Армении и Кыргызстана. Вместе с тем, на общественное мнение оказывает влияние множество факторов, которые могут меняться как в лучшую, так и в худшую сторону. На первом плане

остаётся информационное поле стран Союза, а также реальная экономико-политическая обстановка в той или иной стране, прямо или опосредованно влияющие на общественные настроения и предпочтения.

Ключевые слова: Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), интеграция, гражданское общество, поддержка интеграции, индекс притяжения.

CIVIL SUPPORT FOR INTEGRATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: TRENDS AND PROSPECTS

Ju.A. Udaltsova

Jusup Balasagyn Kyrgyz National University,
Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. The article in the base of sociological data of the EAEU countries analyses the civil support for Eurasian integration. Talking about the EEU countries, the peak values of support for integration by citizens, recorded by the study in some of them in 2014–2015, were a kind of advance on public trust associated with positive, partly overestimated expectations of the soon positive effects of association. But these expectations have not yet been fully met, including due to the unfavorable external conditions that have impeded the development of the EAEU (world economic crisis, inter-state conflicts in the CIS region, etc.). This is manifested in the gradual decrease in the proportion of citizens who relate to integration positively and the increase in the proportion of those who belong to the EAEU with indifference, and also find it difficult to answer. We believe this is due to the fact that the citizens of the EEU countries are increasingly thinking not so much about the creation and existence of the Union as such, but about the practical significance of economic integration for them personally, how much it affects their competitiveness, family budget, their business, etc. By the way, in most of the countries of the Union (except for Kyrgyzstan), wealthy citizens are more likely to show a positive attitude towards the Union than less well-off ones. One can hardly expect the same high level of public support for integration as in the year of the signing of the Treaty on the

EAEU and the accession of Armenia and Kyrgyzstan to it. At the same time, public opinion is influenced by many factors that can change both for the better and for the worse. The information field of the Union countries remains in the foreground, as well as the real economic and political situation in a particular country, directly or indirectly influencing public moods and preferences.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), integration, civil society, support for integration, attraction index.

Общепризнанным трендом исследований евразийской интеграции стало изучение экономических аспектов данного процесса с различных точек зрения. При этом другие измерения интеграции – культурное, гуманитарное, социальное, военно-политическое – как правило, остаются за рамками подобных исследований. Эта тенденция обусловлена практикой интеграции Евразийского Союза, где экономическое направление является не просто приоритетным, а фактически единственным основанием сотрудничества.

С одной стороны, легко согласиться, что исключительно экономическая интеграция – это определенный этап развития, в некотором роде «детство» интеграционного проекта, которое ЕС, к примеру, переживал в 1950-70-е годы. Тем не менее, подобное утверждение заставляет нас смотреть на проблему несколько упрощенно, не принимая во внимание, в частности, комплексную природу интеграции, взаимосвязь и взаимопроникновение ее уровней и измерений. На самом деле, включая в экономическую повестку дня вопросы таможенного регулирования, мы не можем игнорировать политико-правовые аспекты интеграции; рассматривая трудовую миграцию, мы неизбежно сталкиваемся с проблемами социальной и гуманитарной интеграции; развитие транснационального бизнеса и мобильности капитала приводят нас к проблеме эффективности негосударственных структур и гражданского сектора. Таким образом, в каждой экономической проблеме можно обнаружить неэкономическую сторону, игнорирование которой в угоду чрезмерно

узкому и строгому толкованию понятия «экономическая интеграция» может привести к ряду практических и теоретических ошибок. К тому же, необходимо отметить, что термин «экономический» в названии Евразийского Союза отражает не столько конкретный этап интеграционного процесса или же примат экономики в межгосударственном сотрудничестве на постсоветском пространстве, сколько психологию восприятия интеграции после распада СССР. В конечном итоге, страх перед «русской» интеграцией базируется на широко растиражированном предположении, что создание любого интеграционного объединения, среди учредителей которого значилась бы Российская Федерация, приведет к возрождению Советского Союза [Мерциева 2016].

Тех, кто видит в сближении бывших союзных республик «тоталитарные поползновения», сложно призвать к здравому смыслу и убедить в том, что «кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца. А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, у того нет головы». Поэтому, чем дальше евразийская интеграция от сложных и опасных политических тем, тем легче всем заинтересованным сторонам.

Однако концентрация на сугубо экономическом направлении оказывается «палкой о двух концах». Управление процессом экономической интеграции осуществляется «сверху», со стороны правительств стран-участниц, при том, что бизнес, общество и граждане активного участия в нём не принимают. Как подчеркивал российский исследователь А. Власов, «вся интеграционная риторика идет преимущественно на макроэкономическом уровне. И гражданское общество, поэтому не понимает, какую конкретную преференцию получают представители малого и среднего бизнеса, малообеспеченных слоев населения от вступления или участия в реализации Евразийского интеграционного проекта». Таким образом, разрыв между верхним и нижним «этажом» интеграции становится очевидным, и в действиях политических лидеров и правительств государств

можно обнаружить признаки тоталитарного «произвола властей».

В то же самое время, разумно было бы предположить, что в этом случае интеграция не находила бы никакой поддержки среди населения стран-участниц. Но данные исследований «Евразийского монитора» свидетельствуют об обратном. Обобщая данные социологических опросов граждан в шести странах ЕАЭС (Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России) в период с 2012 по 2017 гг., приходим к выводу, что сложилась устойчивая тенденция позитивного отношения к евразийской интеграции: в среднем по странам две трети респондентов относятся к Евразийскому Союзу «безусловно положительно» и «скорее положительно» (см. Рис. 1. Негативные настроения в отношении интеграции, в то же самое время, определенной тенденции к росту не проявляют: если в 2012 году «безусловно отрицательно» и «скорее отрицательно» было настроено 4,8% опрошенных, то в 2017 – 5,2%. Отметим также и тот факт, что уровень поддержки населением интеграции снизился примерно на 3% (с 69 до 66%), а уровень индифферентного отношения возрос на те же 3% (с 18,5 до 21,5%). Директор ЦИИ ЕАБР Е. Винокуров полагает, что безучастное отношение граждан к ЕАЭС растет из-за того, что люди не видят в реализации интеграционного проекта конкретных последствий для себя лично.

Безусловно, что усредненный показатель не дает полного представления об отношении граждан стран-участниц к интеграционным процессам в Евразии. Представленная ниже диаграмма (Рис. 2)^{1 2}, наглядно демонстрирует динамику интеграционных настроений в шести странах-участницах ЕАЭС. К 2013 году позиции граждан по евразийской интеграции сблизились максимально, и в 2014 году в большинстве стран был отмечен рост поддержки ЕАЭС.

С 2015 г., как это видно на графике, начинают формироваться две тенденции, которые мы условно обозначим как «азиатскую» и «европейскую». Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан продолжают демонстрировать стабильно высокий уровень гражданской поддержки интеграции, в то время как в Армении и Беларуси количество респондентов, высказывающихся «за» ЕАЭС, постепенно снижается, тяготея к отметке в 50%. Российская Федерация оказывается в данном случае ближе к «азиатской» тенденции поддержки ЕАЭС, нежели к «европейской».

Как уже отмечалось выше, интеграционные настроения граждан, как правило, не обусловлены динамикой макроэкономических показателей, поскольку рост ВВП, ВВП и товарооборота с качеством своей повседневной жизни они никак не связывают. Приверженность евразийской интеграции определяется исторически сложившимися симпатиями к тем или иным странам и народам. То есть мы имеем дело с достаточно иррациональной и аффективной категорией, попытки квантификации которой, тем не менее, уже предпринимались. В частности, эксперты «Евразийского монитора» на основании своих социологических опросов рассчитывают так называемые «индексы притяжения», помогающие численно описать феномен эмоционально детерминированной гражданской поддержки интеграции в Евразии³. Индекс притяжения рассчитывается исходя из количества упоминаний каждой конкретной страны в ответах респондентов на двенадцать основных вопросов анкеты. Данный показатель подтверждает тот факт, что центром притяжения в ЕАЭС является Россия (средний индекс по пяти странам 0,45). Связи между остальными пятью странами выражены намного слабее. Индекс притяжения Казахстана составил 0,13, Беларуси – 0,1, Кыргызстана – 0,084, Армении – 0,078, Та-

¹ Евразийский монитор - <http://eurasiamonitor.org/>

² Интеграционный барометр ЕАБР - 2017 (VI волна). Таблицы распределения ответов мониторинга – Электронный ресурс: Евразийский монитор <http://eurasiamonitor.org/uploads/s/g/f/f/gffzlsnrpxne/file/fiZeoEUUn.xlsx>

³ Токобаева А. Нужен ли Кыргызстану Таможенный Союз? Пять вопросов о вступлении в Таможенный Союз – Электронный ресурс: [Gezitter.org, 26.09.2014](http://m.gezitter.org/economics/33586_nujen_li_kyrgyzizstanu_tamojennyiy_soyuz/)

джикистана – 0,05. При этом Россия заинтересована в своих партнерах по интеграции больше, нежели они друг в друге. Таким образом, на нижнем – «гражданском» – этапе интеграции ЕАЭС представляет собой несколько усложненную систему двусторонних связей Российской Федерации с остальными странами-участницами интеграционного проекта с поправкой на другие исторически устоявшиеся отношения, обусловленные многовековым соседством (например, между Казахстаном и Кыргызской Республикой).

Очень показателен в этом отношении пример Армении. Респонденты в этой стране проявляют минимальный интерес к странам ЕАЭС (за исключением России) – индекс притяжения составил 0,01-0,02. В свою очередь, опрос граждан, к примеру, в Таджикистане и Кыргызстане не обнаружил устойчивого притяжения этих стран к Армении (индекс 0,02)¹.

Анализ интеграционных настроений граждан в странах-участницах ЕАЭС приводит нас к нескольким важным выводам. Во-первых, поддержка евразийской интеграции (так же, как и скептицизм в её отношении) не связан напрямую с конкретными успехами интеграционного проекта. Она объясняется феноменом «безальтернативности» интеграции с Россией. Особенно это характерно для Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, в меньшей степени – для Беларуси. Экономики, небольшие по своему размеру и емкости внутреннего рынка в условиях глобализации вынуждены искать источники сырья, рынки сбыта, инвестиции для развития производства за пределами государственных границ. Самый логичный выход из ситуации – активное межгосударственное сотрудничество, переходящее в экономическую интеграцию. Единственным жизнеспособным вариантом интеграционного партнера для стран Центральной Азии становится Россия, поскольку другой сосед – Китай – об-

ладает настолько мощной экономикой, что асимметрия подобной интеграции в скором времени может привести к поглощению более слабого партнера более сильным. Кроме того, Российскую Федерацию вполне обоснованно рассматривают в качестве гаранта безопасности и стабильности в центрально-азиатском регионе. Таким образом, евразийская интеграция становится единственно возможным путем к устойчивому развитию.

В то же самое время немаловажную роль играет общность исторических судеб стран-участниц ЕАЭС, опыт сосуществования в одном государстве, культурная близость, профессиональные, академические, семейные и личные трансграничные связи, фактор русского языка на постсоветском пространстве. Всё это создает уникальные предпосылки для евразийской интеграции, обеспечивающие единство и гражданскую поддержку ЕАЭС на настоящий момент.

Тем не менее, в долгосрочной перспективе одного только аффективного притяжения и отсутствия (субъективного или объективного) альтернативы может оказаться недостаточно для дальнейшего развития интеграции. По мере смены поколений общее советское прошлое будет оказывать все меньшее влияние на развитие интеграционных процессов в Евразии. Поэтому необходимо повышать заинтересованность бизнеса и рядовых граждан в интеграционных процессах. То есть необходим переход с макроуровня на микроуровень интеграции², что и должно стать приоритетным направлением развития ЕАЭС.

Выход на евразийский рынок компаний различного уровня должен сопровождаться симметричным развитием сетевых структур и связей наднационального гражданского общества. Роль негосударственного сектора в евразийской интеграции, на наш взгляд, необоснованно недооценивается, хотя многие эксперты давно заявляют

¹ Токобаева А. Нужен ли Кыргызстану Таможенный Союз? Пять вопросов о вступлении в Таможенный Союз – Электронный ресурс: [Gezitter.org](http://gezitter.org), 26.09.2014 - http://m.gezitter.org/economics/33586_nujen_li_kyrgyzstanu_tamozhenyiy_soyuz/

² Евразийские исследования. Научно-аналитический портал евразийского сектора ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, 27.12.2017 - <http://eurasian-studies.org/archives/6645>

о важности участия в интеграционном процессе гражданского общества^{1 2}.

Гражданское общество, представляющее собой систему институтов и связей между ними, образованных различными группами граждан для отстаивания общих интересов, теоретически должно способствовать развитию интеграции. Например, средние и малые компании, как правило, не выходят за пределы государственных границ на большой евразийский рынок, поскольку каждая из них в отдельности неспособна выдержать конкуренцию более крупных игроков международного рынка. Совсем иначе ситуация складывалась бы, если бы существовали сетевые связи между малыми и средними предприятиями в разных странах-участницах, а также институт, созданный малым и средним бизнесом для защиты его интересов на наднациональном уровне, как, например, организация EUROCHAMBRES в ЕС.

Таким образом, перед Евразийским Экономическим Союзом на настоящий момент стоит задача формирования единого коммуникативного пространства, которое могло бы обеспечить участие в интеграционных процессах всех слоев и групп населения стран-участниц, повысить заинтересованность бизнеса и рядовых граждан в интеграции, усилив тем самым притяжение стран и народов, создавая подлинное и надежное единство Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мерцьева Ю.А. Гражданское общество Европейского Союза в формате евроинтеграции: дефицит участия – Бишкек: КРСУ, 2016.

Сведения об авторе: Удальцова Ю.А. – кандидат полит. наук, преподаватель факультета международных отношений и востоковедения КНУ им. Ж.Баласагына (e-mail: iuliia.mershchieva@gmail.com).

¹ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Презентация по результатам шестой волны измерений – Электронный ресурс: Евразийский монитор – <http://eurasiamonitor.org/uploads/s/g/f/f/gffzlsnrpxne/file/8RHnZR4X.pdf>

² Путин: Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца – Электронный ресурс: Аргументы и факты – <http://www.aif.ru/politics/world/251189>

REFERENCES

1. Mershchieva YU.A. Grazhdanskoe obshchestvo Evropejskogo Soyuza v формате evrointegracii: deficit uchastiya – Bishkek: KRSU, 2016/

About the author: Udaltsova Yu.A. - candidate of polit. Sciences, prep. Faculty of international relations and Oriental studies of KNU. Zh. Balasagyn (e-mail: iuliia.mershchieva@gmail.com).

Рисунок 1. Отношение к Евразийскому Экономическому Союзу респондентов в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, России и Таджикистане (среднее значение).

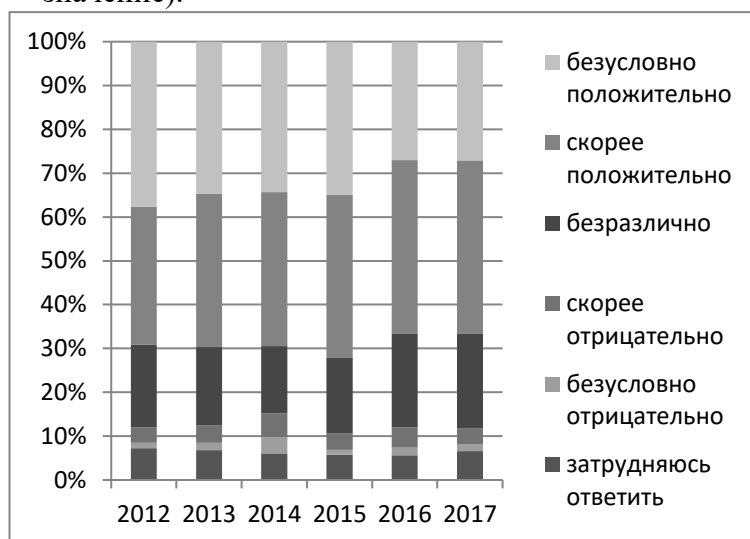
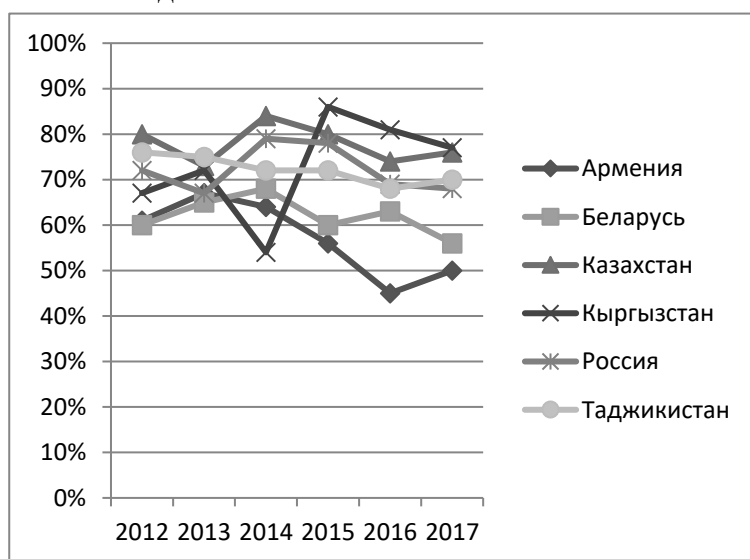

Рисунок 2. Изменение позитивного отношения к ЕАЭС респондентов из Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, России и Таджикистане с 2012 по 2017 гг.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ КЫРГЫЗСТАНА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Е.А. Зайцева

Кыргызский национальный университет
им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Для Кыргызской Республики 2015 г. стал поворотным на пути экономического развития. Именно тогда Кыргызстан стал полноправным членом Евразийского Экономического Союза. Это оказался непростой и трудоемкий процесс для республики, так как требовал адаптации к новым экономическим условиям с учетом национальных интересов и приоритетов развития страны. Вступление в ЕАЭС открывает для Кыргызстана новые перспективы. Снимаются барьеры на пути движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Открываются новые инвестиционные возможности и перспективы реализации крупных инфраструктурных проектов. Граждане Кыргызстана получают право работать в любом государстве Союза на тех же условиях, что и граждане государства трудоустройства. В целом присоединение Кыргызстана к ЕАЭС это закономерный этап развития страны и реализации ее национальных интересов, который также придает новый импульс развитию потенциала самого Союза.

Ключевые слова: Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), интеграция, экономика, национальные интересы, трудовая миграция, производство, потенциал.

NATIONAL INTERESTS OF KYRGYZSTAN IN THE FRAMEWORKS OF EURASIAN ECONOMIC UNION

E.A. Zaitseva

Jusup Balasagyn Kyrgyz National University,
Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. For the Kyrgyz Republic, 2015 was a turning point in its economic development. Kyrgyzstan became a full member of the Eurasian Economic Union. This was a difficult and time-consuming process for the Republic, since it required adaptation to the new economic conditions, with regard to the national

interests and development priorities of the country. Joining the EAEU opened up new perspectives for Kyrgyzstan. It allowed to remove barriers to the movement of goods, services, capital and labor. It opened new investment opportunities and prospects for the implementation of large infrastructure projects. Citizens of Kyrgyzstan receive the right to work in any state of the Union under the same conditions as citizens of the state of employment. In general, the accession of Kyrgyzstan to the EAEU is regarded as natural stage in the development of the country and the realization of its national interests, which also gives a new impulse for the development of the Union itself.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), integration, economics, national interests, labour migration, manufacture, potential.

Ни для кого не секрет, что 2015 г. стал поворотным на пути экономического развития Кыргызской Республики. Этот год был ознаменован вступлением в силу договора о присоединении Кыргызстана к Евразийскому экономическому союзу, поворотным периодом на пути развития Кыргызстана, когда он стал полноправным членом союза наряду с Арменией, Беларусью, Казахстаном и Россией. Общество затаив дыхание, если можно так выразиться, ждало решения правительства о вхождении в Союз и с надеждой смотрело в будущее – свое, своих детей и внуков, будущее всей страны.

Кыргызстан решил присоединиться к ЕАЭС еще в декабре 2014 г. Это оказался непростой и трудоемкий процесс для республики. Потребовался анализ экономических, социальных и политических рисков на короткий, среднесрочный и долгосрочный период при вступлении в ЕАЭС, а также определение мер адаптации к новым условиям экономики страны. Кроме того, потребовалось детальное рассмотрение нормативно-правовой базы, оценка текущих потребностей и приоритетов республики для обеспечения защиты и гарантии соблюдения интересов республики в целом и каждого ее гражданина. Потребовался анализ рисков и спадов в развитии на

начальном переходном этапе вступления в союз. Потребовалось также уточнение всех международных соглашений с иностранными государствами и международными организациями, освобожденными от таможенных пошлин, а также многое другое. Все эти меры были предприняты с учетом детального анализа и планирования, так как для Кыргызстана это происходит впервые в истории его развития, когда он становится частью столь глубокой экономической интеграции, до этого Кыргызстан не имел подобного опыта.

Как отмечалось в новостном канале Евразийской экономической комиссии, присоединение Кыргызстана к ЕАЭС явилось итогом большой совместной работы по интеграционному сближению со стороны всех государственных структур¹. В 2014 г. были реализованы «дорожные карты» по присоединению Кыргызстана к евразийскому интеграционному проекту, которые способствовали адаптации экономики страны к законодательству и практикам ЕАЭС. В частности, был решен целый блок вопросов, связанных с модернизацией объектов таможенной инфраструктуры. И только в мае 2015 г. страна завершила ратификацию всех необходимых международных договоров и тем самым стала полноправным членом союза.

Для чего же нужна была эта интеграционная инициатива? Является ли присоединение Кыргызстана к договору о ЕАЭС преимуществом? Получен ли положительный эффект от присоединения к ЕАЭС? И каковы дальнейшие перспективы экономической интеграции республики в рамках Евразийского Экономического Союза?

В рамках данной статьи попробуем разобраться в обозначенных вопросах и дать краткую характеристику происходящих изменений в экономике страны, а также в обществе. Естественно изменения неизбежны при такого рода интеграции. Для Кыргызстана здесь было очень важно сохранить свою государственность и суверенность проведения внутренней и внешней политики теперь уже внутри Союза. Следуя принципам, правилам и нормам

ЕАЭС, Кыргызстан все же должен стараться проводить свою политику, учитывая свои национальные интересы. Его внешнеполитическая деятельность и его вовлеченность в процесс евразийской интеграции должны быть соразмерны его внутреннему потенциалу, следовательно, Кыргызстан должен уделять внимание своему внутреннему развитию в равной степени, как и внешнему. Это не должно противоречить национальным интересам Кыргызстана в укреплении независимости и суверенитета, обеспечении территориальной целостности и безопасности страны, укреплении конституционных основ, проведении демократических преобразований, добрососедстве, а также создании и совершенствовании инвестиционного климата в стране. Все эти приоритеты и национальные интересы стоят во главе угла при проведении модернизации и адаптации экономических, социальных и политических составляющих членства в ЕАЭС.

Так что же для Кыргызстана означает тот факт, что он является членом ЕАЭС. Прежде всего, вступление в ЕАЭС открывает для Кыргызстана новые перспективы в экономическом плане, трудоустройстве, образовательном пространстве, производстве и других сферах общественной жизнедеятельности. Снимаются барьеры на пути движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Открываются новые инвестиционные возможности и перспективы реализации крупных инфраструктурных проектов, прежде всего в сферах энергетики, транспорта и сельского хозяйства. Граждане Кыргызстана получают право работать в любом государстве Союза на тех же условиях, что и граждане государства трудоустройства. Да и в целом присоединение Кыргызстана придает новый импульс развитию потенциала самого Союза. Интеграционное объединение усиливает свои позиции в глобальной экономической структуре.

При более детальном рассмотрении обозначенных вопросов становится очевидно положительное влияние членства Кыргызстана в ЕАЭС. Несмотря на то, что

¹ Кыргызстан присоединился к Евразийскому Экономическому Союзу

<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-08-2015-1.aspx>, доступ от 2.12.2018 г.

участие Кыргызстана в ЕАЭС требует полного пересмотра экономической составляющей развития республики, все же положительных моментов больше. Так, членство Кыргызстана в ЕАЭС приносит ряд преимуществ в развитие бизнеса.

Благодаря снятию таможенных барьеров снизилась себестоимость ввозимой продукции и товаров, что может положительным образом сказаться на развитии местного производства. Как известно, после распада Советского Союза многие предприятия на территории Кыргызстана терпели убытки и оказывались на грани банкротства, порою просто переставали существовать из-за возросшей в тот период себестоимости товаров. Теперь, будучи членом ЕАЭС, Кыргызстан благодаря внедрению модернизированных регистрационных документов для импортируемых товаров упростил для импортеров ввоз товаров из стран-участников Союза. Так, можно сказать, с вступлением в ЕАЭС, этот фактор устранен и многие предприятия гипотетически могут возобновить свою работу по производству. Это в первую очередь относится к машиностроению, станкостроению, приборостроению и другим наукоемким производствам.

То же самое можно сказать о предприятиях пищевой и легкой промышленности, которые, однако, находятся в более выгодном положении. В данное время они получили мощный импульс и уже успешно реализуют свою деятельность благодаря членству Кыргызстана в ЕАЭС. Долгое время данные предприятия-производители и импортеры продукции работали в рамках ре-экспортного образца, и более жесткие требования к принятию единого порядка и норм технического регулирования производства были нелегким испытанием для переосмысления и переадаптации производственных норм. Несмотря на это, есть ощутимый прогресс в данной области. Можно сказать, что здесь Кыргызстан смог мобилизоваться и продвинуться вперед. К тому же, по словам экономиста И. Маратова, со стороны стран-участников ЕАЭС есть за-

прос на нашу сельскохозяйственную и текстильную продукцию, что дает возможность привлекать инвестиции и поднимать свое внутреннее производство¹. Так, по его словам, сейчас через Российско-Кыргызский фонд развития финансируется 23 инвестиционных проекта стоимостью 93 млн. долларов США. Большинство их используется в переработке сельскохозяйственных товаров, швейном и текстильном производстве, выпуске строительных материалов, транспортной и других отраслях. В то же время работают специальные программы банков по поддержке малого и среднего бизнеса. Размер ставки Фонда развития имеют самый низкий показатель на банковском рынке Кыргызской Республики. Напомним, Российско-Кыргызский фонд развития был создан в 2014 г. в рамках евразийской экономической интеграции. Целью Фонда является содействие модернизации и развитию экономики Кыргызской Республики, а также экономическое сотрудничество между странами-участниками Фонда.

Сегодня экспорт отечественной сельскохозяйственной продукции, подлежащий ветеринарному контролю, разрешен 19 перерабатывающим предприятиям на территорию России и 8 – на территорию Казахстана. Также здесь немаловажен и тот факт, что большие таможенные сборы, существовавшие до вступления в ЕАЭС, остались в прошлом. Товары из Кыргызстана в Казахстан, Беларусь и Россию, которые ранее ввозились и продавались по более высоким ценам из-за больших таможенных сборов, теперь стали более привлекательны в ценовом плане.

Кыргызстан стал частью единого рынка услуг, который функционирует в 43 секторах (строительные и инженерные услуги; сельское и лесное хозяйство; оптовая и розничная торговля; франчайзинг, аренда машин и оборудования без оператора и др.). Благодаря этому кыргызстанские предприниматели могут работать в данных сферах на рынках стран Союза без дополнительного учреждения юридического лица. При этом разрешения на эти виды деятельности

¹ Газета «Багыт.kg» №39 от 15.02.2017/стр.11

и профессиональная квалификация персонала поставщика услуг, полученные в Кыргызской Республике, признаются автоматически в странах-участницах Союза [Перская 2016: 133-139].

Отсюда видно, что с момента вступления Кыргызстана в ЕАЭС, республика ориентирована на внутренне потребление в рамках Союза и развитие собственного производства, тем самым сокращая потребность в импорте товара из стран дальнего зарубежья. А это в свою очередь явно отвечает национальным интересам, обозначенным в национальной стратегии развития Кыргызстана на 2013-2017 гг.¹, а также в новом документе о национальном развитии – Национальной стратегии устойчивого развития (НСУР) КР на 2018-2040 гг. «Таза коом – Жаңы доор» («Чистое общество – новая эпоха»)².

Таким образом, озвученная на очередном заседании Межправительственного совета ЕАЭС в ноябре сего года в Минске премьер-министром Кыргызской Республики М. Абылгазиевым инициатива по развитию агропромышленного комплекса посредством формирования межгосударственных программ и механизмов поддержки сельского хозяйства уже находит свое отражение в работе Союза³. Например, активно используются Белорусская и Российская сельскохозяйственная техника, а наша продукция пользуется спросом на рынках России. Так исторически сложилось, что с советских времен интегрированность киргизской сельхозпродукции существовала вплоть до развала Союза и сейчас получила новый импульс.

Что же касается машиностроения и так называемого наукоемкого производства, следует отметить, что до сих пор не произошло открытие или возобновление подобных предприятий в силу многих причин. Пока остается надеяться, что правительство обратит внимание на этот вопрос и возможно внесет предложения по инициации, организации и развитию совместных

производств в рамках Евразийского Экономического Союза. Подобную инициативу озвучил на том же очередном заседании в Минске премьер-министр КР М. Абылгазиев. Инициатива заключалась в наращивании производственного потенциала и мощности по выпуску продукции, а также усилении межстрановых связей для создания совместных предприятий⁴. Данная инициатива видится вполне логичной, так как в рамках Союза проще создавать подобные предприятия в силу имеющейся трудовой и производственной базы. Это напоминает в некотором роде, кооперацию предприятий во времена существования Советского Союза, что позволило бы налаживать высокую производительность, делать производство более дешевым и задействовать потенциал всех заинтересованных республик в рамках ЕАЭС.

Данная инициатива могла бы таким образом способствовать трудоустройству местного населения и снижению потока трудовых мигрантов, тем самым и снижению уровня безработицы как в отдельных регионах, так и по стране в целом.

Трудовая миграция из Кыргызстана в страны-участницы ЕАЭС, особенно в Российскую Федерацию и Казахстан, существует до сих пор, но теперь благодаря вступлению в ЕАЭС для трудовых мигрантов из Кыргызстана созданы благоприятные условия пребывания и работы в странах Союза. В настоящее время, например, упрощена процедура пребывания и регистрации мигрантов из Кыргызстана на территории Российской Федерации, а также сама процедура трудоустройства. Кыргызстанцы работают на равных условиях с гражданами стран пребывания. Их права юридически защищены. Улучшены социальные условия жизни для мигрантов и их семей. Мигранты имеют все социальные гарантии, что и граждане России. Для кыргызстанцев в России стало доступно обязательное медицинское страхование. Дети трудящихся имеют право на посещение до-

¹ Стратегия устойчивого развития Кыргызстана на 2013-2017 гг., с 382

² Проект Стратегии устойчивого развития КР на 2018-2040 гг. «Таза коом. Жаңы доор», с 11.

³ Инфоагентство «Sputnik – Кыргызстан». <https://ru.sputnik.kg/politics/20181127/1042178403/mi-nsk-eachs-zasedanie-kyrgyzstan-abylgaziev.html>

⁴ Там же

школьных учреждений и получение образования в соответствии с законодательством государства трудоустройства. При этом Договор о ЕАЭС обеспечивает взаимное признание дипломов с целью трудоустройства по абсолютному большинству специальностей, что значительно упрощает поиск работы и повышает мобильность трудовых ресурсов.

Таким образом, резко сократилось число нелегальных мигрантов, поскольку теперь это попросту перестало иметь привлекательность в глазах самих мигрантов, им незачем это делать если теперь их права защищены и есть гарантия адекватного трудоустройства.

За годы членства Кыргызстана в ЕАЭС проделана большая работа по адаптации и усовершенствованию экономической составляющей развития страны согласно стандартам и нормам Союза, а также с учетом национальных интересов республики. Однако еще многое предстоит сделать. Учитывая национальные интересы республики, необходимо проработать ряд вопросов и предложений, например, таких как формирование общего финансового рынка ЕАЭС, дальнейшее развитие единого рынка услуг, наращивание производственного потенциала, дальнейшее развитие агропромышленного комплекса через межгосударственные программы сотрудничества, а также инициация и принятие совместных программ научно-технологического развития. Некоторые из этих вопросов кажутся пока недостижимыми и труднореализуемыми в силу ряда причин. Так, например, обстоит дело с предложением Премьер-министра Абылгазиева о производстве и продвижении товаров и услуг под единым брендом ЕАЭС. Инициатива, нужно отметить интересная и очень необычная и наверняка заслужит внимания со стороны членов ЕАЭС. Но вопрос его скорой реализации все-таки остается открытым, так как для этого нужно пройти еще несколько этапов реализации совместной экономической и производственной деятельности.

Также далеки от исполнения пока и предложения о принятии совместных программ научно-технологического развития

и объединения усилий по созданию и использованию новых технологий и инноваций.

В заключение хочется отметить, что по ряду показателей – экономических, социальных и политических – процесс интеграции Кыргызстана в ЕАЭС идет в интересах национального развития республики. Так, например, реализуется принцип четырех свобод: свобода перемещения товаров, капитала, услуг и труда. Вступление Кыргызстана в ЕАЭС это закономерный этап развития страны и реализации ее национальных интересов. Кыргызстан идет по пути экономического развития и формирования равноправного и взаимовыгодного партнерства, основанного на взаимопомощи и поддержке, нацеленного на поступательность развития национальных хозяйств и повышение уровня благосостояния населения и через евразийскую призму смотрит в будущее с оптимизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мусакожоев Ш. М., Камчибеков Т. К., Жапаров А. У. Экономика Кыргызстана за 25 лет (проблемы и перспективы развития). Бишкек. Турар. 2016.
2. Перская В.В. Место и роль Кыргызстана в развитии ЕАЭС. Вестник Финансового Университета. Мировая экономика. № 6, 2016. С. 133-139.
3. Янученя М.А. Евразийская интеграция сегодня: результаты вступления Киргизии в ЕАЭС. Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2(10). С. 168-171.

Сведения об авторе: Зайцева Евгения Анатольевна — преподаватель факультета международных отношений и востоковедения КНУ им. Ж. Баласагына (e-mail: evgeniia.a.z@gmail.com).

REFERENCES

1. Musakozhoyev Sh. M., Kamchibekov T. K., Zhaparov A. U. Ekonomika Kyrgyzstana za 25 let (problemy i perspektivy razvitiya). Bishkek. Turar. 2016.
2. Perskaya V.V. Mesto i rol' Kyrgyzstana v razvitiy EAEHS. Vestnik Finansovogo Universiteta. Mirovaya ekonomika. № 6, 2016. S. 133-139.

3. Yanuchenya M.A. Evrazijskaya integraciya segodnya: rezul'taty vstupleniya Kirgizii v EAEHS. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2016. № 2(10). S. 168-171.

About the author: Zaitseva Evgenia Anatolyevna - teacher of the Faculty of international relations and Oriental studies of KNU. Zh. Balasagyn (e-mail: evgeniia.a.z@gmail.com).

**ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ
ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЕГО
ВКЛАД В СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СТРАНЫ В СВЕТЕ ЧЛЕНСТВА В
ЕАЭС**

Ж.А. Исманбаева

Кыргызский национальный университет
им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. К числу наиболее важных факторов, влияющих на политику стимулирования экспорта Кыргызской Республики, следует отнести следующее: экономический потенциал страны, сложившаяся структура национальной экономики, уровень их экономического развития, степень интегрированности в мировую хозяйственную систему.

Основную роль во взаимной торговле Кыргызской Республики играют торговые отношения с Российской Федерацией (53,7%) и Республикой Казахстан (44,2% общего показателя). Поставки Кыргызстана в Российскую Федерацию сократились на 12,9%, в Казахстан – увеличились на 17,4%.

Позитивная динамика экспорта Кыргызстана во взаимной торговле отмечена в 2015 г. по поставкам отдельных видов продовольственных товаров, хлебобулочных и табачных изделий, сушеных фруктов и овощей, в разы возросли продажи фармацевтической продукции и отдельных видов обуви.

По данным за 2016 г. положение во внешней и взаимной торговле товарами Кыргызской Республики выглядит следующим образом. Объем экспорта товаров Кыргызской Республики на внешний рынок к уровню 2015 г. составил 105,2%. Имело место увеличение продаж драгоценных металлов на 5,7% (62,8% общего объема продаж Кыргызской Республики в третьи страны), минеральных продуктов в 1,6 раза (8,7%). Объемы поставок по продовольственным товарам и сельскохозяйственному сырью снизились на 32,6% (6,9%). При общем сокращении объема взаимной торговли по Союзу в целом

(93,3% к уровню 2015 г.) внутрисоюзные поставки Кыргызской Республики возросли на 4,4%. При этом экспорт товаров во взаимной торговле с Казахстаном увеличился на 17,4% за счет роста поставок руд драгоценных металлов, фруктов и овощей, одежды.

Увеличился экспорт Кыргызстана в третьи страны (на 5,2%), в то время как по Союзу в целом наблюдается снижение показателя на 17,5%, в том числе по Беларуси – на 22,3%, Казахстану – на 19,5%, России – на 17,2%. В отличие от партнеров по Союзу зарегистрирован рост импорта товаров из стран вне ЕАЭС на 15,3%.

В январе – мае 2017 года к соответствующему периоду 2016 года объем экспорта Кыргызской Республики в государства – члены ЕАЭС увеличился на 25,5%. Объемы поставок текстиля, текстильных изделий и обуви увеличились в 1,7 раза (43,2% общего объема экспорта Кыргызской Республики во взаимной торговле), продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – в 1,7 раза (24,6%), в то время как по минеральным продуктам зарегистрировано снижение показателя на 30,1% (19,1%).

Таким образом, можно констатировать, что по итогам торговой политики от вхождения Кыргызской Республики в состав ЕАЭС дало положительные результаты, связанные с первичным интеграционным эффектом.

Ключевые слова: экспорт, экспортный потенциал, Кыргызская Республика, взаимная торговля, внешняя торговля, горнодобывающая отрасль, легкая промышленность, агропромышленный сектор, туризм, энергетика.

**ESTIMATION OF THE KYRGYZ
REPUBLIC EXPORT POTENTIAL AND
ITS CONTRIBUTION TO THE
SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE COUNTRY IN THE LIGHT OF
MEMBERSHIP IN THE EEU**

J.A. Ismanbaeva

Jusup Balasagyn Kyrgyz National
University, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. Among the most important factors affecting the export promotion policy of the Kyrgyz Republic are the following: the economic potential of the country, the actual structure of the national economy, the level of economic development, the degree of integration into the world economic system.

The crucial role in the mutual trade of the Kyrgyz Republic is played by trade relations with the Russian Federation (53.7%) and the Republic of Kazakhstan (44.2% of the total figure). Kyrgyzstan's shipments to the Russian Federation decreased by 12.9%, and to Kazakhstan increased by 17.4%. The positive dynamics of export of Kyrgyzstan in mutual trade was noted in 2015 for the supply of certain types of food products, bakery and tobacco products, dried fruits and vegetables, sales of pharmaceutical products and certain types of footwear increased significantly.

According to the data for 2016, the situation in foreign and mutual trade in goods of the Kyrgyz Republic looks as follows. The export volume of goods of the Kyrgyz Republic to the external market compared to 2015 was 105.2%. There was an increase in sales of precious metals by 5.7% (62.8% of the total sales of the Kyrgyz Republic to third countries), mineral products by 1.6 times (8.7%). The volumes of the rates on food products and agricultural raw materials decreased by 32.6% (6.9%). With a general reduction in the volume of mutual trade in the Union as a whole (93.3% compared to 2015), intra-union deliveries of the Kyrgyz Republic public increased by 4.4%. At the same time, the export of goods in mutual trade with Kazakhstan increased by 17.4% due to the growth in the supply of ores of precious metals, fruits and vegetables, and clothing.

Kyrgyzstan's exports to third countries increased (by 5.2%), while the Union as a whole experienced a decline of 17.5%, including Belarus by 22.3%, Kazakhstan - by 19.5%, in Russia - by 17.2%. In contrast to the partners in the Union, the growth of imports of goods from non-EAEU countries is 15.3%.

In January-May 2017, by the corresponding period of 2016, the volume of export of the Kyrgyz Republic to the EEU member

states increased by 25.5%. Volumes of supplies of textiles, textiles and footwear increased by 1.7 times (43.2% of the total exports of the Kyrgyz Republic in mutual trade), food products and agricultural raw materials - by 1.7 times (24.6%), While mineral products registered a decline of 30.1% (19.1%).

Thus, it can be stated that according to the results of the trade policy from the entry of the Kyrgyz Republic into the EAEU, there were positive results related to the primary integration effect.

Keywords: export, export potential, Kyrgyz Republic, mutual trade, foreign trade, mining industry, light industry, agro-industrial sector, tourism, energy.

Уровень интеграции Кыргызстана с мировой экономикой влияет на экономический рост страны неоднозначно. Несмотря на высокий уровень интеграции крупных объемов экспорта золота и электроэнергии и импорта нефти, на современном этапе, он не повлиял на благосостояние страны. Нерегулярные экспортные отношения препятствуют реализации потенциала роста Кыргызстана, несмотря на высокий уровень диверсификации экспорта. Этому способствует тот факт, что охват рынка был в состоянии стагнации за прошедшие 10 лет из-за высокого уровня возникновения и исчезновения экспортной продукции. В данное время экспортная корзина основывается на выявленных сравнительных преимуществах первичных и сельскохозяйственных товаров, в том числе, золота, швейных изделий и овощей. Но рыночная доля и стоимость на основных рынках Кыргызстана снизилась, а именно, на рынках минеральных продуктов и хлопка. Тем не менее, рост сельскохозяйственной продукции находится выше среднего значения.

Обычно Кыргызстан экспортирует эти виды продукции в соседние страны. Но, в целом, вывозится меньше видов продукции в меньшее количество пунктов назначения по сравнению со средними мировыми показателями.

Еще один существенный барьер к росту – низкий уровень технологического содержания кыргызского экспорта. Боль-

шую часть экспорта составляют товары народного потребления и промышленные продукты переработки природных ресурсов. Этим видам продукции не хватает положительных связей и эффекта репликации, связанных с экспортом, имеющим высокие технологические ресурсы.

Как известно, экспортные отношения имеют низкий уровень выживания, что объясняет прерывистость в экспорте Кыргызстана. Отсутствие устойчивости означает проблемы в бизнес среде, в доступе к средствам, в качестве и безопасности продукции. Следовательно, существует необходимость гармонизации работы институтов поддержки торговли и пересмотра государственной торговой политики, что может улучшить логистику в торговле, инфраструктуру, и снизить затраты на ведение бизнеса и экспорта в другие страны.

Предприятия Кыргызстана испытывают различные трудности в поставках своей продукции на международные рынки. Эти трудности заключаются в получении доступа к необходимым кредитным средствам для закупки оборудования и сырья. Компаниям также сложно соответствовать критериям, предусмотренных несколькими соглашениями о торговых преференциях. Помимо этого, международную сертификацию редко имеют кыргызские экспортеры, несмотря на хорошо известные экономические выгоды сертификации. В целом, отсутствует сотрудничество между компаниями, что приводит к слабому развитию торговых ассоциаций и товарных кластеров. На возможность поставок на рынок также влияют трудовые ресурсы – навыки персонала, которые не соответствуют потребностям рынка. Зачастую, руководство многих компаний имеют низкий профессиональный уровень в области экспорта и конкуренции на международных рынках. Поэтому иногда, возможность поставок на международные рынки снижается из-за отсутствия подробной информации о рынке и профессионалов в области международных экономических отношений.

Общая бизнес среда в Кыргызстане ограничена различными способами. Во-первых, компаниям сложно получить доступ к экспортному финансированию,

страхованию и кредитам. Приграничные нерешенные проблемы также отрицательно влияют на экспортную бизнес среду, поскольку таможенные органы Кыргызстана работают иногда без надлежащего оборудования для проведения таможенной очистки. Международная торговля также затруднена из-за старого оборудования, которое ненадежно при поставке продукции на рынок и с рынка. Прохождение таможенных процедур также требует огромного количества документов, подготовка которых требует определенных затрат. Экспортные предприятия не используют должным образом имеющиеся консультационные услуги в сфере бизнеса, что затрудняет осуществлять процедуры контроля качества. В отношении входа на международный рынок, Кыргызстан стоит перед несколькими проблемами, включая, недостаточное количество соглашений во избежание двойного налогообложения. Более того, свободные экономические зоны не имеют ожидаемого экономического влияния на внутреннее производство. Процесс доведения продукции до рынка усложняется закрытыми границами и визовыми ограничениями, что повышает в определенной степени стоимость торговли. Слабость профессиональных институтов поддержки торговли также отрицательным образом влияет на способность Кыргызстана получить доступ к новым рынкам, а также улучшить имидж экспортной продукции.

Стимулирование экспортной деятельности кыргызских предпринимателей должно, в первую очередь, основываться на улучшении качества человеческого капитала, упрощении доступа к финансовым и другим ресурсам, решении инфраструктурных проблем. Необходимо также регулярно анализировать и сравнивать стратегические позиции Кыргызстана на мировом рынке, оценивать имеющиеся 78 преимущества и адаптировать экономические процессы к меняющимся экономическим условиям. Только обеспечивая качество производимых товаров услуг и динамичность отраслей, Кыргызстан сможет стать полноценным участником международной торговли и увеличить долю экспорта в

ВВП. Страна имеет потенциал и должна войти в список 40 стран в рейтинге по легкости ведения бизнеса Всемирного банка. Позиции Кыргызстана в Индексе глобальной конкурентоспособности и в рейтинге вовлеченности в мировую торговлю ВЭФ должны улучшиться в три раза (111-е место в 2016-2017 гг. и 113-е, соответственно)¹.

В отношении вопросов развития, мероприятия по продвижению экспорта Кыргызстана не решены в достаточной мере задачи снижения бедности. Кыргызстан не в полной мере использует региональные торговые соглашения для увеличения экспорта. Также Кыргызстан все еще не адаптировался к изменениям в потребительском спросе на органическую продукцию. Эффективное потребление энергии, водных и земельных ресурсов создает необходимый потенциал для развития и стимулирует экспортную конкурентоспособность в регионе.

1. Тем не менее, объем внешней и взаимной торговли товарами Кыргызской Республики, по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики [Социально-экономическое положение: 2018]

Официальный сайт в январе-ноябре 2017 г.² составил 5602,5 млн долл. и по сравнению с январем-ноябрем 2016 г. увеличился на 10,9%. Экспортные поставки повысились на 12,8%, составив 1541,3 млн долл., что обусловлено увеличением поставок в страны СНГ на 23,1% и в страны вне СНГ - на 5,7%. Импортные поступления по сравнению с январем-ноябрем 2016 г. возросли на 10,2%, составив 4061,2 млн долл. за счет роста поставок из стран СНГ на 15,5%, а также из стран вне СНГ - на 6,2%. В структуре товарооборота на долю экспорта пришлось 27,5%, импорта - 72,5%. Отрицательное сальдо торгового баланса в январе-ноябре 2017 г. составило

2519,9 млн долл. (в январе-ноябре 2016 г. - 2317,3 млн долларов). Без учета золота экспорт товаров увеличился на 20,1%, составив 951,3 млн долл. В общем объеме товарооборота республики на взаимную торговлю с государствами-членами Евразийского экономического союза пришлось 38,9%, в том числе в экспорте - 33,9%, в импорте - 40,8%.

Таблица №1³

Внешняя и взаимная торговля товарами Кыргызской Республики с отдельными странами в январе-ноябре 2017 г.

Показатели	Внешняя и взаимная торговля		в том числе				Удельный вес во внешней и взаимной торговле республики
			экспорт		импорт		
	млн долл. С ША	в про центрах январь-ноябрь 2016	млн долл. С ША	в про центрах январь-ноябрь 2016	млн долл. С ША	в про центрах январь-ноябрь 2016	
Всего	5602,5	110,9	1541,3	112,8	4061,2	110,2	100,0
Страны СНГ	2542,0	117,5	687,1	123,1	1854,9	115,5	45,4
Страны ЕАЭС	2179,2	114,3	522,7	125,7	1656,5	111,2	38,9
Страны вне ЕАЭС	362,8	140,6	164,4	115,6	198,4	в 1,7 р.	6,4
Страны вне СНГ	3060,5	106,0	854,2	105,6	2206,3	106,2	54,6

В январе-ноябре 2017 г. Кыргызская Республика осуществляла торговлю со 124 странами мира. Товары вывозились в 85 стран, а ввоз их осуществлялся из 118 стран. Основными странами-экспортерами

¹ Проект Стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018-2040 гг. «Таза коом. Жаны Доор». [Электронный ресурс], <http://www.president.kg/>

² Официальный сайт агентства по продвижению и защите инвестиций Кыргызской Республики. [Электронный ресурс], <http://www.invest.gov.kg/ru/>

³ Составлено автором по последним данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики.

являлись Швейцария, занимающая 31,7 % в общем объеме экспорта, и государства-члены ЕАЭС - 33,9 %, из них на долю России пришлось 45,7 %, Казахстана - 52,7%. Импортировались товары преимущественно из государств-членов ЕАЭС, на долю которых в общем объеме ввозимых товаров пришлось 40,8%, из них доля России составила 63,7 %, Казахстана - 31,6%. Кроме государств-членов ЕАЭС, основными странами-партнерами по импорту являлись Китай (33,9% в общем объеме импорта), Турция (5,1%), США и Узбекистан (3,6%).

Объем экспорта в январе-ноябре 2017 г. по сравнению с январем-ноябром 2016 г. повысился за счет увеличения поставок в страны СНГ на 23,1%, составив при этом 687,1 млн. долларов, а также в страны вне СНГ - на 5,6%, сложившись в размере 854,2 млн долларов. Рост объема экспорта связан с увеличением поставок сыра и творога в 3,3 раза, стекла полированного - в 1,9 раза, одежды и одежных принадлежностей - в 1,9 раза, фруктов и орехов - в 1,7 раза, масла сливочного - в 1,5 раза, руды и концентратов драгоценных металлов - на 12,9%, а также немонетарного золота - на 2,8%. В то же время, наблюдалось снижение вывоза сушеных бобовых овощей на 31,8% и электрических ламп накаливания - на 29,0%.

Масло сливочное	2,7	11345,8	138,3	в 1,5 р.
Сыры и творог	2,0	16131,9	в 3,0 р.	в 3,3 р.
Мед натуральный	0,6	2730,2	в 2,2 р.	в 2,5 р.
Сушеные бобовые овощи	54,2	45071,8	55,2	68,2
Съедобные фрукты и орехи	27,2	41143,0	в 1,5 р.	в 1,7 р.
Руды и концентраты драгоценных металлов	65,4	128032,9	77,3	112,9
Электроэнергия, млн. квт. ч	1145,6	22948,1	-	-
Хлопковое волокно	11,6	17844,2	89,5	103,6
Предметы одежды и одежные принадлежности	-	128558,7	-	в 1,9 р.
Стекло полированное, млн. кв. М	9,4	25561,0	в 1,6 р.	в 1,9 р.
Золото немонетарное	-	590054,3	-	102,8
Лампы накаливания электрические, млн. шт.	48,2	5189,5	76,3	71,0

Таблица № 2¹

Экспорт отдельных видов товаров в январе-ноябре 2017 г.

Показатели	Поставлено всего		В процентах к январю-ноябрю 2016	
	тыс. тонн	тыс. долларов	в натуральном выражении	в стоимостном выражении
Молоко, сливки и молочные продукты, кроме масла и сыра	16,3	11131,4	110,6	119,4

Наибольший объем в экспортных поставках за данный период приходится на Швейцарию (золото - на 484,7 млн долл.), Россию (одежда - на 90,0 млн долларов, молочные продукты - на 12,1 млн долл., овощи и фрукты - на 44,9 млн долл.), Казахстан (руды и концентраты - на 96,3 млн долларов, молочные продукты - на 26,4 млн долл., овощи и фрукты - на 20,1 млн долл.), Турцию (овощи и фрукты - на 17,3 млн долл., хлопковое волокно - на 9,2 млн долл.) и Узбекистан (электроэнергия - на 22,9 млн долл., черные металлы - на 23,0 млн долл.).

После оценки экспортного потенциала с вкладом в социально-экономическое развитие можно сделать заключение, согласно которому следующие сектора имеют наивысший экспортный потенциал: горно-

¹ Составлено автором по последним данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики.

добывающая отрасль, легкая промышленность, агропромышленный сектор, туризм, энергетика.

Горнодобывающая отрасль. Кыргызская Республика располагает на одном из крупнейших месторождений полезных ископаемых в Азии. Страна богата минеральными ресурсами, хорошо известна своими запасами золота и месторождениями редких металлов. В настоящее время горнодобывающая промышленность представлена следующими отраслями: золотодобывающая промышленность, цветная металлургия, угледобывающая промышленность, нефтегазодобывающая промышленность, месторождения строительных материалов. На территории Республики разведаны более 60 месторождений золота. Имеется 7 крупных месторождений сурьмы, 3 основных месторождения вольфрама. Сотни месторождений строительных материалов, горнорудного и химического сырья.

Легкая промышленность. Основанная на упрощенной системе налогообложения (основанная на патенте), используя дешёвое сырьё, отрасль бурно развивается в последние несколько лет. Рост объема продукции – 60% за 5 лет. Ориентированность на экспорт – 90% продукции идет на рынки России, Казахстана и Европы. Экспорт одежды занимает – 2-е место по объемам, после золота в республике.

Агропромышленный сектор. Вклад в экономику страны составляет – 14 % от ВВП. На сегодня в данной отрасли занято 32% трудовых ресурсов страны. Годовой валовой выпуск продукции составляет – 3,0 млрд долларов США.

Туризм. Кыргызстан имеет широкий потенциал отрасли: оздоровительный туризм, экстремальный туризм, горный туризм, водный туризм, спортивный туризм, познавательный (экскурсионный) туризм, деловой туризм, событийный туризм. В стране действует безвизовый режим для 61 страны мира. Ежегодно страну посещают около 3 млн туристов, ключевые страны, посещающие Кыргызстан – страны ЕАЭС, также Китай и Турция.

Энергетика. Энергетика является стратегической отраслью для Кыргызской

Республики. Гидроэнергетический потенциал позволяет обеспечить электроэнергией не только свою страну, но и страны региона. Республика пользуется преимуществами большого объема гидроэнергетического потенциала и доступной возобновляемой энергией, хотя на сегодняшний день используется менее 10% гидроэнергетических ресурсов. Гидроэнергетический потенциал страны составляет – 142, 5 млрд кВтч. По мнению независимых наблюдателей, дальнейшее развитие гидроэнергетического сектора страны в сочетании с прохладным климатом может сделать Кыргызстан сильным конкурентом на азиатском рынке центров хранения и обработки данных, с возможностью использовать место расположения страны для предоставления услуг китайскому рынку.

Стратегической целью государственной политики Кыргызской Республики является совершенствование структуры кыргызского экспорта, понимаемое как процесс повышения эффективности и масштабов экспортной деятельности на основе расширения ассортимента и улучшения качества экспортируемой продукции, совершенствования товарной и географической структуры экспорта, использования прогрессивных форм международного торгово-экономического сотрудничества.

Достижение поставленной цели предполагает активное участие государства в развитии кыргызского экспорта, тесную координацию усилий в этой области и совокупные усилия всех заинтересованных сторон в этом направлении, формирование долгосрочных партнерских отношений властных структур и деловых кругов в обеспечении торгово-экономических интересов Кыргызстана за рубежом¹.

В настоящее время отечественный экспорт развивается на фоне признаков оживления деловой, в том числе инвестиционной, активности, дальнейшей либерализации внешнеэкономической деятельности, расширения участия страны в организациях многостороннего экономического со-

¹ Официальный сайт агентства по продвижению и защите инвестиций Кыргызской Республики. [Электронный ресурс], <http://www.invest.gov.kg/ru/>

трудничества и главным образом в ЕАЭС.

Вместе с тем успехи Кыргызстана в наращивании экспорта относительно. Кыргызский экспорт развивается весьма медленно [Исманбаева: 2011. С. 128-134].

Значительное сдерживающее влияние на кыргызский экспорт оказывают следующие факторы: [Исманбаева: 2011. С. 128-134]

- низкая конкурентоспособность отечественной промышленной продукции;
- тяжелое финансовое положение большинства предприятий, делающее практически невозможным инвестирование в перспективные и ориентированные на экспорт проекты за счет внутренних ресурсов;
- несовершенная транспортная инфраструктура, обеспечивающая кыргызский экспорт;
- сохранение элементов сдерживания кыргызских экспортеров, применение методов ограничительной деловой практики для вытеснения или недопущения Кыргызстана на рынки соседних государств;
- разрыв традиционных производственных связей на постсоветском пространстве и со странами Восточной Европы, свертывание сотрудничества со многими партнерами из развивающихся стран;
- недостаточное развитие отечественных систем сертификации и контроля качества экспортной продукции на фоне значительного усиления требований к потребительским и экологическим характеристикам, а также к безопасности продукции, реализуемой на рынках промышленно развитых государств;
- недостаток специальных знаний и опыта работы в сфере экспорта у большинства предприятий, нескоординированность их выступлений на внешних рынках;
- высокая конкуренция на рынке туристических услуг;
- недостаточное знание иностранных граждан о туристическом продукте Кыргызстана;
- антиреклама соседних СМИ, связанная с последними политическими событиями

(антитеррористическая война в Афганистане, внутренняя нестабильность и т.д.), подрывающая имидж страны, как благоприятной, привлекательной и безопасной для посещения туристов;

- иногда рекомендации зарубежных посольств своим гражданам по воздержанию от посещения в нашу республику;
- труднодоступность высокогорных территорий Кыргызстана для туристов из-за географического положения и неразвитой транспортной инфраструктуры;
- административные барьеры, влияющие на повышение себестоимости туристического продукта Кыргызстана.

Тем не менее, значимость экспорта как фактора поддержания производства и источника валюты для удовлетворения первоочередных нужд экономики существенно возрастает. В настоящее время экспорт превратился в крупнейший сектор экономики, через который реализуется около одной пятой части ВВП страны. Поэтому закономерно, что развитие кыргызского экспорта и улучшение товарооборота должно стать важным элементом структурной перестройки и технологической модернизации национального хозяйства страны, локомотивом которых становится членство Кыргызстана в ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Исманбаева Ж.А. Проблема открытой экономики и национальной экономической безопасности в Кыргызстане // Вестник КНУ им. Ж.Баласагына: Труды ИИМОП КНУ им. Ж.Баласагына. Специальный выпуск. Интеграционные и инновационные процессы в образовании и науке: состояние и перспективы. Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 15-летию ИИМОП КНУ им. Ж.Баласагына. – Бишкек: КНУ им. Ж.Баласагына, 2011. – С. 128-134

Сведения об авторе: Исманбаева Жибек Асанбаевна – кандидат экономических наук, доцент факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. г. Бишкек, Кыргызстан (e-mail: ismanbaeva17@bk.ru).

REFERENCES

1. Ismanbaeva ZH.A. Problema otkrytoj ehkonomiki i nacional'noj ehkonomicheskoy bezopasnosti v Kyrgyzstane // Vestnik KNU im. ZH.Balasagyna: Trudy IIMOP KNU im. ZH.Balasagyna. Special'nyj vypusk. Integracionnye i innovacionnye processy v obrazovanii i nauke: sostoyanie i perspektivy. Materialy Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 15-letiyu IIMOP KNU im. ZH.Balasagyna. – Bishkek: KNU im. ZH.Balasagyna, 2011. – С. 128-134.

About the author: Ismanbaeva Jibek A. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the Kyrgyz National University. J. Balasagy-on. Bishkek, Kyrgyzstan (e-mail: is-manbaeva17@bk.ru).

**МЕХАНИЗМ РЕГУЛЯРНЫХ ВСТРЕЧ
ГЛАВ ПРАВИТЕЛЬСТВ РОССИИ И
КИТАЯ НА СЛУЖБЕ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ДВУХ СТРАН***

Л.И. Ефремова

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. В условиях современной внешнеполитической обстановки, развитие сотрудничества с Китаем, в том числе в гуманитарной сфере, становится для Российской Федерации одним из приоритетных направлений международной деятельности. Во многом, векторы практического взаимодействия в этой области определяются правительствами двух стран и получают практическую реализацию в рамках созданных двусторонних комиссий.

В данной статье подробно рассматривается роль механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая в обеспечении стабильного и плодотворного функционирования межправительственной Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, а также входящей в ее состав подкомиссии и рабочей группы, ответственных за совместную реализацию ключевых мероприятий и проектов в области образования, инициированных государственными органами России и Китая.

Статья будет полезна специалистам в области российско-китайского сотрудничества, представителям министерств и ведомств, отвечающих за развитие образования, сотрудникам международных служб университетов двух стран.

Ключевые слова: Россия, Китай, образовательное сотрудничество, академическая мобильность.

**MECHANISM OF REGULAR
MEETINGS HEADS OF RUSSIAN AND
CHINA GOVERNMENTS AT THE
DEVELOPMENT SERVICE OF
EDUCATIONAL COOPERATION OF
TWO COUNTRIES**

L.I. Yefremova

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. In the context of modern foreign policy environment, the development of cooperation with China, including in the humanitarian sphere, is becoming for the Russian Federation one of the priorities of international activity. In many ways, the vectors of practical cooperation in this area are determined by the governments of the two countries and get practical implementation within the framework of the established bilateral commissions.

This article discusses in detail the role of the mechanism of regular meetings of the heads of government of Russia and China in ensuring the stable and fruitful functioning of the intergovernmental Russian-Chinese Commission on Humanitarian Cooperation, as well as its subcommittee and working group responsible for the joint implementation of key measures and projects in the field of Education, initiated by the state bodies of Russia and China.

The article will be useful for specialists in the field of Russian-Chinese cooperation, representatives of ministries and departments responsible for the development of education, employees of international services of universities of the two countries.

Keywords: Russia, China, educational cooperation, academic mobility.

Вопросы состояния и перспектив развития международного образовательного сотрудничества традиционно являются объектом пристального внимания представителей научных кругов всего мира. В среде российских исследователей взаимодействия России и Китая в сфере образования широко известны имена И.В. Аржановой,

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации 28.12945.2018/12.1

Е.С. Аничкина, М. А. Костенко, Н.И. Зверева, В.М. Филиппова, Н.В. Сьюльковой, Аликберовой А. Р., Ли Мэнлун, Медяник Е.И., Сафронова Е.И., Цвык Г.И. и др., чьи исследования предлагают для восприятия широкого круга пользователей не только исторические экскурсы в проблему, но и заслуживающие внимания научно-обоснованные рекомендации эффективного развития этой важной составляющей двустороннего сотрудничества между государствами-партнерами в гуманитарной сфере.

КНР сегодня является для РФ также одним из значимых стратегических партнеров в мероприятиях многостороннего образовательного сотрудничества в рамках таких межгосударственных объединений, как ШОС, БРИКС, ЕАЭС и др. В то же время, несмотря на высокий интерес к данному направлению сотрудничества со стороны исследователей и общественности, институциональные основы взаимодействия России и Китая в области образования остаются малоизученными. Ценность данной статьи заключается также в том, что автор, рассматривая «приводной» механизм сотрудничества между двумя государствами в области гуманитарного взаимодействия, включая образовательное, использует накопленный большой личный опыт, приобретенный за годы государственной службы в федеральных органах исполнительной власти.

Современные отношения между РФ и КНР подкрепляются плодотворным и эффективным сотрудничеством на различных направлениях совместной деятельности, характеризуются новым содержанием и качеством. Во многом, это происходит благодаря тому, что двустороннее сотрудничество между нашими странами является объектом внимания со стороны высшего руководства обоих государств.

Стремление правительств России и Китая интенсивно развивать и укреплять связи между двумя странами в различных сферах, выстраивать их

на системной и постоянно действующей основе с соблюдением принципов равноправного и доверительного партнерства, равенства и взаимной выгоды в рамках стратегического взаимодействия в XXI веке нашло свое отражение в подписанном 27 июня 1997 г. Соглашении между Правительством РФ и Правительством КНР о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая¹. Значимость данного документа состоит также в том, что им определена схема построения механизма, призванного обеспечить совершенствование содержания и поступательное развитие российско-китайского сотрудничества по целому ряду аспектов, включая гуманитарный, который, как показывает опыт, приобретает в отношениях двух стран все более важное значение для создания условий, позволяющих достичь успеха в реализации на межгосударственном уровне политических и экономических инициатив.

В целях укрепления сотрудничества двух государств в гуманитарной сфере и координации практического взаимодействия в этой области Дополнительным протоколом от 5 декабря 2000 г.² к указанному Соглашению была учреждена Российско-Китайская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта и в ее рамках Подкомиссия по сотрудничеству в области образования. В соответствии с договоренностью Президента РФ и Председателя КНР на встрече в Пекине 18 июля 2000 г. по вопросам активизации взаимодействия в социально-гуманитарной сфере, а также в соответствии с решением, принятым на пятой регулярной

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая (Пекин, 27 июня 1997 года) [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/8305505> (дата обращения 18.10.2018)

² Дополнительный протокол к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая от 27 июня 1997 года (Москва, 5 декабря 2000 года) [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/901783338> (дата обращения 18.10.2018)

встрече глав правительств РФ и КНР в Пекине 3-4 ноября 2000 г., Российская часть данной Комиссии определена в ее составе в качестве постоянно действующего органа, обладающего правами созыва совещаний по вопросам, входящим в компетенцию Комиссии с участием руководителей и экспертов федеральных органов исполнительной власти, организаций, а также деятелей образования; создания в установленном порядке экспертных групп, рассмотрения вопросов работы подкомиссии по сотрудничеству в области образования, других постоянных и временных рабочих органов. Решения, принимаемые по итогам заседаний в соответствии с компетенцией Российской части Комиссии, являются обязательными для представленных в ней федеральных органов исполнительной власти в сфере образования и организаций, действующих в сфере ведения этих органов¹. Дополнительным протоколом от 13 июля 2007 г. к Соглашению от 27 июня 1997 г.² Российско-Китайская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта преобразована в Российско-Китайскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству.

Как представляется, Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая от 27 июня 1997 г. определило, в том числе, в качестве приоритетной задачу развития российско-китайского гуманитарного сотрудничества, успешному осуществлению которого должны способствовать как эффективная координация и всесторонняя поддержка со стороны официальных правительственных структур обеих стран, так и система взаимного контроля, не позволяющая снижать заданные темпы и уровень взаимодействия в этой сфере.

Созданный в рамках Соглашения механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая включил в себя, прежде всего, Российско-Китайскую комиссию по подготовке регулярных встреч глав правительств двух государств. Цель Комиссии - обеспечивать практическую работу российской и китайской частей рабочего секретариата, функции которого возложены, соответственно, на Министерство экономического развития РФ и Министерство коммерции КНР.

Важной явилась также организация в структуре механизма еще четырех совместных российско-китайских комиссий: по гуманитарному, энергетическому, инвестиционному сотрудничеству и по развитию Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Значение этих совместных рабочих органов, действующих внутри механизма регулярных встреч, подчеркивается высоким должностным уровнем руководителей их национальных частей, представленных должностными лицами на уровне заместителей глав правительств государств-партнеров. В частности, обязанности сопредседателей совместных комиссий, координирующих деятельность государственных органов исполнительной власти своих стран по принципиальным вопросам сотрудничества, подготовке и реализации двусторонних договоров, крупных проектов и программ сотрудничества между обоими государствами в гуманитарной области, традиционно выполняют, с российской стороны, заместитель Председателя Правительства РФ; с китайской стороны, заместитель Премьера Госсовета КНР. Основные вопросы деятельности Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству как одной из движущих сил механизма регулярных встреч глав правительств традиционно посвящены ключевым направлениям двустороннего взаимодействия в этой

¹ Положение о Российской части Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/9044151> (дата обращения 18.10.2018)

² Протокол о внесении изменений в Дополнительный протокол к Соглашению между Правитель-

ством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав Правительств России и Китая от 27 июня 1997 года (Москва 13 июля 2007 года) [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/902060053> (дата обращения 18.10.2018)

сфере, включая образование, культуру, туризм, молодежную политику, здравоохранение, архивное дело, массовые коммуникации, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия.

Немаловажным является то, что в рамках механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая, помимо подкомиссии по образованию, действуют в настоящее время еще 19 подкомиссий, а также рабочие группы и специальные структуры, заседания которых, как правило, проводятся один раз в год. Примечательно, что Российско-Китайская комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств двух государств выделила образовательное взаимодействие двух стран в отдельный аспект, координация которого возложена на Российско-Китайскую Подкомиссию по сотрудничеству в области образования, а организационное и техническое обеспечение ее деятельности осуществляют с российской стороны: Министерство науки и высшего образования РФ; с китайской стороны - Министерство образования КНР.

Ежегодный рост числа совместно проводимых мероприятий образовательного характера и увеличение количества их участников с каждой стороны вызвали необходимость усилить Российско-Китайскую Подкомиссию в области образования специализированной структурой, ответственной за организацию выполнения намеченных планов и принятых решений. Эти функции взяла на себя образованная Минобрнауки России в рамках указанной Подкомиссии и уже ставшая широко известной в вузовских сообществах обоих государств Российско-Китайская рабочая группа по вопросам взаимодействия в изучении и преподавании русского и китайского языков, развития двусторонних академических обменов и научно-технического сотрудничества вузов. Ее создание было подчинено задаче организации необходимого оперативного реагирования и взаимодействия по выполнению достигнутых совместных договоренностей и решений в рамках функционирования Российско-Китайской подкомиссии по сотрудни-

честву в области образования. Делегирование в состав совместной рабочей группы высококвалифицированных экспертов – представителей высших школ России и Китая позволяет изыскивать наиболее рациональные и научно-обоснованные подходы к решению актуальных и значимых проблем двустороннего сотрудничества с высоким качеством, повысить результативность проводимых мероприятий по реализации приоритетных направлений в двустороннем образовательном сотрудничестве

Важно отметить, что механизм регулярных встреч глав правительств РФ и КНР потребовал построения графика рабочих заседаний всех образованных в его рамках российско-китайских комиссий, подкомиссий и рабочих групп с учетом их обязательного проведения в периоды, предшествующие встречам глав правительств. Таким образом, механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая не только нацеливает руководителей национальных частей совместных комиссий на состояние постоянной готовности, но и позволяет им своевременно получать необходимые рекомендации по улучшению качества работы, соблюдать принцип приоритетности, вовремя выявлять упущения и недостатки и выработать меры по их устранению.

Благодаря созданному механизму гуманитарное сотрудничество между нашими странами возведено в ранг приоритетной межгосударственной задачи, успешной реализации которой эффективно способствует как всесторонняя поддержка официальных правительственных структур обоих государств, так и система взаимного контроля, которая не позволяет снижать заданные темпы и уровень совместной деятельности в этой сфере. Накопленный опыт эффективного и плодотворного взаимодействия в сфере образования, высокая ответственность участвующих в этом процессе представителей Сторон, сложившийся уровень партнерских отношений и взаимопонимания помогают избавиться от формализма в работе, больше опираться на совместный творческий поиск, инициативы исполнителей и запросы общества.

Доказательством может служить появление за сравнительно небольшой период

между регулярными встречами глав правительств целого ряда весомых результатов двустороннего образовательного партнерства, позволяющих продвинуться на много шагов вперед.

В частности, налицо произошедший к 2018 г. значительный рост количественного показателя участников российско-китайской академической мобильности (до 90 тыс. человек), что существенно приближает к установленной главами России и Китая цели: довести к 2020 г. обмены обучающимися и научно-педагогическими работниками России и Китая в учебно-научных целях до 100 тыс. человек. Отрадно, что большая заслуга здесь принадлежит учебным заведениям дальневосточного региона и, в первую очередь, Дальневосточному федеральному университету¹.

Другой пример - создание силами Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического университета в г. Шэньчжэнь совместного российско-китайского университета, а также аналогичных образовательных организаций высшего образования на базе Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и Цзянсуского педагогического университета, Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I и Пекинского транспортного университета.

Заслуживает внимания и то, что, несмотря на сравнительно короткий промежуток времени, прошедший с момента создания, Рабочая группа, действующая в составе совместной подкомиссии в области образования, рассмотрела, приняла конкретные решения и добилась неплохих результатов, в первую очередь, по таким актуальным вопросам взаимодействия, как: развитие двусторонней академической мобильности, поддержка изучения и преподавания русского и китайского языков, открытие новых центров русского языка и институтов Конфуция.

Благодаря механизму регулярных встреч глав правительств России и Китая

национальные Годы России и Китая, русского и китайского языков стали новыми вехами в отношениях между двумя странами. Совместные мероприятия в области образования стали основными для государств-партнеров в программах проведения национальных Годов России и Китая в сфере образования как эффективно способствующие росту взаимопонимания и взаимного доверия между представителями двух стран, расширению и обогащению сотрудничества в гуманитарной сфере и в других областях, вносящие достойный вклад в дальнейшее укрепление добрососедства и отношений дружбы между народами России и Китая. Регулярную взаимную основу получили мероприятия, зарекомендовавшие себя в ходе их проведения в рамках национальных Годов России и Китая и получивших значительный общественный резонанс, в частности, такие, как: российско-китайские студенческие фестивали, летние и зимние оздоровительные лагеря отдыха школьников, конкурсы среди российских и китайских студентов и школьников на лучшее знание, соответственно, китайского и русского языков, форумы ректоров вузов России и Китая, выставки образовательных услуг двух стран и др.

Механизм регулярных встреч глав правительств государств-партнеров позволил в российско-китайском образовательном сотрудничестве акцентировать внимание на дальнейшем установлении и развитии прямых партнерских связей между образовательными учреждениями России и Китая в учебной, учебно-методической и научно-исследовательской областях как на стратегическом средстве, обеспечивающем достижение эффективного межгосударственного взаимодействия в области образования и научных исследований путем организации взаимных обменов студентами, аспирантами, стажерами и научно-педагогическими работниками, предоставляющем возможность создания добровольных объединений (ассоциаций) профильных высших учебных заведений обеих стран по участию в разработке и выполнении совместных программ и проектов по проблемам,

¹ Число участников программ образовательного обмена РФ и КНР увеличится до 100 тыс.//

<https://tass.ru/obschestvo/5737997> (дата обращения 30.10.2018)

представляющим интерес для отраслей промышленности и хозяйства РФ и КНР.

Подтверждением положительной роли механизма регулярных встреч в российско-китайском образовательном сотрудничестве явилась инициатива продолжить взаимодействие в сфере детского отдыха, выдвинутая Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином по результатам их посещения Всероссийского детского центра «Океан» в связи с десятилетней годовщиной приема в России на отдых и реабилитацию детей из Китая, пострадавших от разрушительного землетрясения в 2008 г.

Одновременно нельзя не отметить тот факт, что отличительным признаком современного состояния российско-китайского образовательного сотрудничества становится его выход за рамки двустороннего формата. Примером может служить взаимодействие в сфере образования в рамках таких многосторонних механизмов, как ШОС, БРИКС, инициатива «Один пояс, один путь», согласованное участие в мероприятиях многостороннего гуманитарного сотрудничества, каковыми являются совместные проекты: Университет ШОС, Летний лагерь ШОС для младших и средних школьников [Цвык 2018: 115].

Результаты и опыт сотрудничества между РФ и КНР в сфере образования в рамках механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая дают все основания надеяться на продолжение линии выстраивания российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере с учетом требований сегодняшнего дня, необходимого придания этому процессу постоянно действующей и плановой основы, предусматривающей многообразие форм и совместное творчество, позволяющие улучшать содержание и уровень реализуемых на этом направлении совместных мероприятий образовательной направленности.

Действующий механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая как нельзя лучше являет собой пример построения международных отношений нового типа, основанных на принципах взаимного уважения, равенства, справедливости и взаимовыгодного сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аликберова А.Р. Российско-китайские отношения в сфере культуры и образования: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03/ Альфия Рафисовна Аликберова; Казанский (Приволжский) федеральный университет – Казань., 2014. – 214 л.
2. Аничкин Е.С. Усиление роли университетов в развитии трансграничных регионов: вызовы и решения // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2015. — № 2. — С. 47–52.
3. Аржанова И.В. Российская высшая школа в контексте международного образовательного / И. В. Аржанова. - Москва: Логос, 2012. - 328 с.
4. Ефремова Л.И., Федоров Р.Г. 10 лет Университету Шанхайской организации сотрудничества: основные результаты работы // Вестник РУДН. 2017. Том 10. №4. С. 377-388.
5. Ли Мэнлун Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в XXI в.: тенденции и перспективы: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15 / Ли Мэнлун; РУДН – Москва., 2018. – 190 л.
6. Медяник Е.И. Российско-китайское университетское сотрудничество: 1995-2016 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15 / Медяник Елена Игоревна; РУДН- Москва, 2017. - 283 с.
7. Международное образовательное сотрудничество: опыт трансграничного вуза [Текст]: монография / [М. А. Костенко и др.; под ред. С. В. Землюкова]; М-во образования и науки РФ, Алтайский гос. ун-т. - Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. - 226 с.
8. Петренко В.Н. Русский и китайский языки в образовательном пространстве государств-партнеров // Вестник Университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). Душанбе: РТСУ. 2017. №3(59). С.211-215.
9. Сафронова Е.И. Текущая и перспективная роль гуманитарного сотрудничества в деле развития ШОС //Китай в мировой и региональной политике (История и современность) / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2015. С.119-134.

10. Филиппов В.М., Краснова Г.А., Сялькова Н.В. О состоянии и перспективах международного сетевого взаимодействия российских вузов в реализации образовательных программ в различных регионах мира (Европа, СНГ, ШОС, АТЭС) // Университетское управление: практика и анализ. С. 8
11. Цвык Г.И. Продвижение русского языка в КНР как инструмент культурной дипломатии Российской Федерации в 2001-2017 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15 / Цвык Г.И.; РУДН - Москва., 2018. - 157 л.

Сведения об авторе: Ефремова Лариса Ивановна — канд. филос. наук, руководитель российской части Российско-китайской рабочей группы по вопросам взаимодействия в изучении и преподавании русского и китайского языков, развития двусторонних академических обменов и научно-технического сотрудничества вузов; проректор по международной деятельности Российского университета дружбы народов (e-mail: efremova-li@rudn.ru).

REFERENCES

1. Alikberova A.R. Rossijsko-kitajskie otnosheniya v sfere kul'tury i obrazovaniya: dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.03/ Al'fiya Rafisovna Alikberova; Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet – Kazan', 2014. – 214 l.
2. Anichkin E.S. Usilenie roli universitetov v razvitii transgranichnyh regionov: vyzovy i resheniya // Ekonomika. Professiya. Biznes. — 2015. — № 2. — S. 47–52.
3. Arzhanova I.V. Rossijskaya vysshaya shkola v kontekste mezhdunarodnogo obrazovatel'nogo / I. V. Arzhanova. - Moskva: Logos, 2012. - 328 s.
4. Efremova L.I., Fedorov R.G. 10 let Universitetu SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva: osnovnye rezul'taty raboty // Vestnik RUDN. 2017. Tom 10. №4. S. 377-388.
5. Li Mehnlun Kitajsko-rossijskoe gumanitarnoe sotrudnichestvo v XXI v.: tendencii i perspektivy: dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.15 / Li Mehnlun; RUDN – Moskva., 2018. – 190 l.
6. Medyanik E.I. Rossijsko-kitajskoe universitetskoe sotrudnichestvo: 1995-2016 gg.:

- dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.15 / Medyanik Elena Igorevna; RUDN- Moskva, 2017. - 283 s.
7. Mezhdunarodnoe obrazovatel'noe sotrudnichestvo: opyt transgranichnogo vuza [Tekst]: monografiya / [M. A. Kostenko i dr.; pod red. S. V. Zemlyukova]; M-vo obrazovaniya i nauki RF, Altaj-skij gos. un-t. - Barnaul: Izd-vo Al-tajskogo gos. un-ta, 2015. - 226 s.
8. Petrenko V.N. Russkij i kitajskij yazyki v obrazovatel'nom prostranstve gosudarstvennyh partnerov // Vestnik Universiteta (Rossijsko-Tadzhikskij (Slavyanskij) universitet). Dushanbe: RTSU. 2017. №3(59). S.211-215.
9. Safronova E.I. Tekushchaya i perspektivnaya rol' gumanitarnogo sotrudnichestva v dele razvitiya SHOS //Kitaj v mirovoj i regional'noj politike (Istoriya i sovremenost') / Otv. redaktor-sostavitel' E.I. Safronova. M.: RAN. In-t Dal'n. Vostoka, 2015. S.119-134.
10. Filippov V.M., Krasnova G.A., Syul'kova N.V. O sostoyanii i perspektivah mezhdunarodnogo setevogo vzaimodejstviya rossijskih vuzov v realizacii obrazovatel'nyh programm v razlichnyh regionah mira (Evropa, SNG, SHOS, ATEHS) // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. S. 8
11. Cvyk G.I. Prodvizhenie russkogo yazyka v KNR kak instrument kul'turnoj diplomatii Rossijskoj Federacii v 2001-2017 gg.: dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.15 / Tcvyk G.I.; RUDN - Moskva., 2018. – 157.

About the author: Efremova Larisa Ivanovna — PhD in Philosophy, Head of the Russian part of the Russian-Chinese Interaction Working Group in the studying and teaching of Russian and Chinese languages, the development of bilateral academic exchanges and scientific and technical cooperation of universities; Vice-Rector for International Activities, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: efremova-li@rudn.ru).

**ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ
МНОГОСТОРОННЕГО И
ДВУСТОРОННЕГО
МЕЖДУНАРОДНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ
НА ПРИМЕРЕ ШОС***

Е.Б. Яценко, Р.Г. Федоров

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка обозначить координаты Шанхайской организации сотрудничества на мировом политическом ландшафте с учетом ее готовности вносить свой вклад в развитие других международных формальных и неформальных структур при условии совпадения тематических интересов и закреплении за собой права модерировать ситуацию в рамках самостоятельно очерченного глобального пазла управления. На примере деятельности ШОС рассматриваются подходы к определению эффективности проектов в образовательной сфере, осуществляемых данной международной организацией в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: ШОС, Россия, образовательное сотрудничество, международные организации, показатели, индикаторы эффективности международной деятельности.

**THE APPROACHES TO DETERMINING
THE EFFICIENCY OF PROJECTS OF
MULTILATERAL AND BILATERAL
INTERNATIONAL INTERACTION IN
THE EDUCATIONAL AREA ON THE
EXAMPLE OF SCO**

E.B. Yatsenko, R.G. Felorov

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The article attempts to identify the coordinates of the Shanghai Cooperation

Organization in the global political landscape, considering its willingness to contribute to the development of other international formal and informal structures, subject to thematic interests coinciding and securing the right to moderate the situation within the framework of a self-defined global management puzzle. Using the example of the activities of the SCO, approaches to determining the effectiveness of projects in the field of education carried out by this international organization in the framework of multilateral and bilateral cooperation are considered.

Keywords: SCO, Russia, educational cooperation, international organizations, indicators, indicators of the effectiveness of international activities.

Турбулентность политического ландшафта на международном уровне последних двух с половиной десятилетий и рождение многополярного глобального порядка сопровождается обострением уже привычных и возникновением новых вызовов и угроз, которые невозможно преодолеть в одиночку ни одному государству. Эти процессы вызывают трансформации в сотрудничестве как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях взаимодействия, влияют на способность субъектов международных отношений к адаптации в новых глобальных условиях игры^{1 2}.

В поиске решения двух укрупненных групп задач - безопасности и развития, государства и международные организации ищут более эффективные механизмы глобального управления, что ведет к институциональному разнообразию в формировании отношений на международном уровне. Такая «конкурентная многосторонность» может расцениваться как позитивная тенденция, позволяющая достигать лучших результатов чем «теряющее динамику сотрудничество в рамках существующих механизмов»³.

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации 28.12944.2018/12.1

¹ WEF (2015) Global Risks. WEF Report. Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-risks-2015/executive-summary/> (дата обращения: 11.11.2018).

² Ларионова М.В. Новый подход к оценке эффективности международных институтов Оценка эффек-

тивности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления. Вестник международных организаций, 2016. Т. 11. № 1. С. 126–152. <https://iorj.hse.ru/2016-11-1/179407460.html> (дата обращения: 11.11.2018).

³ Egel N. (2015) Order and Disorder in Today's Global Order. Report from Princeton University hosted fifth workshop on global governance. 4–5 June.

Однако умножающееся количество формализованных и неформальных глобальных, региональных и двусторонних международных организаций, не снимает ответственность за будущее и стабильность многополярного мира с государств и созданных ими международных институтов. Практика последних лет показывает, что устоявшиеся формализованные институты во главе с системой ООН нуждаются в реформировании в связи с тем, что сами они не могут эффективно противостоять возникающим вызовам без поддержки новых институализированных международных партнерств [Такур 2016: С.1].

В свою очередь, и новые международные организации, вырабатывая актуальную повестку дня, стараются оптимизировать свою деятельность за счет использования уже имеющихся апробированных подходов, выработанных устоявшимися международными институтами и принятых на высшем уровне в рамках их деятельности решений. Такого рода процессы наблюдаются в развитии, например, Шанхайской организации сотрудничества, которая с одной стороны, имеет все предпосылки занять лидерские позиции в рамках заявленного мандата на территории стран-участниц, с другой стороны, готова вносить свой вклад в развитие других международных организаций при условии совпадения тематических интересов и закреплении за собой права модерировать ситуацию в рамках самостоятельно очерченного глобального пазла управления.

Исследованиям международного сотрудничества в сфере образования посвящено большое количество трудов российских и зарубежных ученых. Отдельное внимание в научной литературе уделяется вопросам образовательного сотрудничества России со стратегическими партнерами из числа стран Шанхайской организации сотрудничества. Среди таких работ стоит выделить исследование таких авторов, как Филиппова В.М., Ефремовой Л.И., Сюльковой Н.В., Лаврова В.С., Сафроновой Е.И., Цю Сяофэнь и др.

В данной статье предпринимается попытка на примере деятельности ШОС найти подходы к определению эффективности проектов в образовательной сфере, осуществляемых в рамках многостороннего и двустороннего международного сотрудничества. Актуальность проработки данной тематики обусловлена необходимостью перехода в деятельности данной международной организации на проектный принцип управления.

Важно отметить, что ШОС — это основанная в 2001 г. лидерами Казахстана, Китая, Киргизии, России, Таджикистана, и Узбекистана международная организация, которая после присоединения к ней в 2017 г. Индии и Пакистана¹ стала одной из крупнейших в мире. Сегодня человеческое измерение ШОС — это половина населения планеты и 60% ее территории. Постоянные механизмы сотрудничества организации сложились еще в рамках деятельности Шанхайской пятёрки (Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан). В 1999 г. на саммите в Бишкеке было принято решение о создании основных инструментов и механизмов управления организацией: встреч министров и экспертных групп, введение института национальных координаторов, назначаемых каждой страной, а с 1 января 2004 г. ШОС является полноценной международной организацией, обладающей собственными рабочими механизмами, персоналом и бюджетом [Комиссина 2005: 25].

Среди 10 основных задач деятельности организации, одна напрямую декларирует необходимость поощрения эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес². Таким образом, сфера образования является одной из ключевых в работе ШОС.

¹ Индия и Пакистан стали членами ШОС [Электронный документ] // Сетевое издание РИА Новости <https://ria.ru/20170609/1496181707.html> (Дата обращения: 24.11.2018)

² Ст. Хартии ШОС (Санкт-Петербург, 6 июня 2002

г.) [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/901858896> (Дата обращения: 26.11.2018)

При этом деятельность и соответственно проекты данной международной организации легитимны на международном уровне, так как ШОС – это устойчивая инклюзивная организация, имеющая в своем составе конкретных государств-участников, и в то же время обладающая признанием со стороны государств-наблюдателей, третьих стран и других международных структур. Исходя из анализа документов ШОС, организация выработала модель принятия решений с учетом своего присутствия на международном поле. Поэтому исполнение конкретных согласованных обязательств и достигнутые результаты должны вести к изменениям на национальном и /или международном уровне. Таким образом, легитимность в данном случае имеет четкую корреляцию с эффективностью.

В свою очередь, под эффективностью деятельности организации, в первую очередь, понимается способность государств-участников согласовывать общие обязательства, обеспечивать исполнение принятых решений и осуществлять политические изменения, необходимые для решения коллективных проблем¹.

Изменения в сфере образования ШОС опираются на нормативную базу организации, которая содержится в следующих документах:

1. Хартии Шанхайской Организации Сотрудничества от 6 июня 2002 г., Статья 1 Цели и задачи «...поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кре-

дитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес; Статья 3 Направления сотрудничества «...расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма...»².

2. Соглашении между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования от 15 июня 2006 года (весь текст соглашения)³.

3. Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 16 августа 2007 г., Статья 19 «Договаривающиеся Стороны развивают между собой обмена и сотрудничество в области культуры, искусства, образования, науки, технологий, здравоохранения, туризма, спорта и других социальных и гуманитарных сферах. Договаривающиеся Стороны взаимно поощряют и поддерживают установление прямых связей между учреждениями культуры, образовательными, научными и исследовательскими учреждениями, осуществление совместных научно-исследовательских программ и проектов, сотрудничество в подготовке кадров, обмене студентами, учеными и специалистами. Договаривающиеся Стороны активно способствуют созданию благоприятных условий для изучения языка и культуры других Договаривающихся Сторон»⁴.

4. Соглашении о сотрудничестве между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью от 11 июня 2010 г.,

¹ Gnath K., Mildner S-A., Schmucker C. (2012) G20, IMF and WTO in Turbulent Times. Legitimacy and Effectiveness Put to the Test. SWP Research Paper (August). Berlin: German Institute for International and security Affairs. http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/researchpapers/2012_RP10_Gnath_mdn_Schmucker.pdf (Дата обращения: 26.11.2018)

² Хартия ШОС (Санкт-Петербург, 6 июня 2002 г.) [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/901858896> (Дата обращения: 26.11.2018)

³ Соглашение между правительствами государств-

членов ШОС о сотрудничестве в области образования (Шанхай, 15 июня 2006 г.) [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/902029746#loginform> (Дата обращения: 26.11.2018)

⁴ Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Бишкек, 16 августа 2007 года) [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/902086025>

Статья 3 Формы сотрудничества «...7) содействие в подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров...»¹.

5. Соглашении об учреждении и функционировании Университета Шанхайской организации сотрудничества от 6 июня 2017 г., «Стороны учреждают Университет Шанхайской организации сотрудничества (далее - Университет) в целях осуществления скоординированной подготовки высококвалифицированных кадров на основе совместных образовательных программ высшего образования по специальностям и (или) направлениям подготовки, представляющим приоритетный интерес для экономического и социального развития государств - участников настоящего Соглашения, и дополнительных профессиональных программ (далее - совместные образовательные программы), а также для реализации совместных научных и научно-технических проектов»².

6. Циндаоской декларации Совета глав государств - членов Шанхайской организации сотрудничества от 10 июня 2018 г., «Государства-члены продолжают активную реализацию Соглашения между правительствами государств - членов ШОС о сотрудничестве в области образования (г. Шанхай, 15 июня 2006 г.) в целях расширения обмена научно-педагогическими сотрудниками и осуществления совместной подготовки высококвалифицированных кадров. Государства-члены, придерживаясь принципа взаимного уважения, будут всемерно развивать практическое сотрудничество в сфере обмена преподавателями и студентами, проведения совместных научных работ, академических визитов, языкового обучения, профессионального образования и молодежных обменов»³.

В качестве примеров проектной деятельности можно привести Университет ШОС,

цикл ежегодных мероприятий «Неделя образования государств-членов ШОС», Молодежный форум университетов стран ШОС и др.

Одним из значимых проектов в сфере образования является сетевой Университет ШОС (УШОС), созданный в 2008 г. по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина в ходе Бишкекского саммита. В настоящее время УШОС как международный образовательный проект развивается на основании Соглашения об учреждении и функционировании Университета Шанхайской организации сотрудничества. Необходимо отметить, что для оформления этого межправительственного соглашения странам-партнерам потребовалось 10 лет. Но это не значит, что деятельность организации в данной сфере неэффективна. Государства-члены запустили проект сначала на межвузовском уровне, отработали механизмы поддержки, алгоритм приема и сопровождения обучающихся, а также процедуры защиты дипломов, получения сертификатов, а уж потом подошли к институциональному закреплению данного международного образовательного проекта через подписание межправительственного соглашения.

Сегодня в УШОС входит 77 вузов из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Китая и России и 1 университет из Беларуси (страна наблюдатель). С 2008 по 2018 гг. ШОС подготовил 1994 высококвалифицированных специалиста, обучившихся по согласованным инновационным образовательным программам по специальностям, представляющим приоритетный интерес для экономического и социального развития государств-членов ШОС. При этом 1066 человек обучались в вузах России. Университет пользуется заслуженной популярностью у обучающихся

¹ Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов ШОС в борьбе с преступностью (Ташкент, 11 июня 2010 г.) [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации <http://docs.cntd.ru/document/902359644> (Дата обращения: 26.11.2018)

² Соглашение об учреждении и функционировании Университета Шанхайской организации сотрудничества (Астана, 6 июня 2017 г.) [Электронный документ] // Электронный фонд правовой и нормативно-

технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/456022984> (Дата обращения: 26.11.2018)

³ Циндаоская декларация Совета глав государств-членов ШОС (Циндао, 10 июня 2018 г.) [Электронный документ] // официальный сайте Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (Дата обращения: 26.11.2018)

и работодателей, и своим развитием и востребованностью выпускников доказывает эффективность проектной деятельности ШОС в сфере образования.

В свою очередь вопрос определения понятия эффективности проведения международных мероприятий как одного из видов проектной деятельности организации и далее оценки данной эффективности неоднозначен и зависит от поставленных организаторами целей и задач, степени удовлетворенности, достижения ожиданий участников, отложенного положительного, нейтрального и/или негативного эффекта, других факторов. При этом если по поводу экономической эффективности международных мероприятий, проводимых за счет государственного бюджета самих стран-участниц все более-менее понятно, то есть, здесь главное, чтобы организаторы вписались в предварительно заложенную сумму финансирования. То эффективность международных мероприятий в целом априори имеет более широкий смысл, так как сами они главным образом направлены на придание импульса двустороннему и/или многостороннему сотрудничеству, развитие отдельных направлений деятельности организаций. Зачастую оценить влияние отдельного мероприятия на развитие тех или иных аспектов работы международной организации удастся только через некоторое, иногда продолжительное время, когда достигнутые договоренности заработают частично или в полной мере.

В то же время, в международной практике подготовка и проведение значимых мероприятий сопровождается большой и разноплановой работой в международном информационном поле, в самом названии мероприятия и всех документах указывается место проведения, что повышает узнаваемость города и страны проведения события, в большинстве случаев имиджевый, нематериальный эффект делает место проведения мероприятия центром притяжения и для делового сообщества, становится популярным у жителей. Поэтому в данном ключе понятие эффективности мероприятия приобретает но-

вые грани, дает основу для разработки других, важных для развития страны/города проведения и сообщества тем, а значит и возможного увеличения числа значимых мероприятий в будущем. Закрепление наименования одного из крупнейших китайских городов, символа современного Китая в названии международной организации сотрудничества вносит серьезный вклад в формирование положительного имиджа страны в целом.

На сегодняшний день в практике планирования международной деятельности принято использовать целевые показатели и целевые индикаторы. Это абсолютно оправдано, поскольку определение изначального уровня состояния той или иной проблемы и планируемого результата через систему выявления этих показателей и индикаторов дают возможность выстраивать структуру управления процессами системных изменений в данной сфере деятельности.

Понятия «показатель» и «индикатор» не тождественны, и каждое из них несет свой смысл. Показатель – это способ представления хода свойств, который позволяет измерить (определить) через цифровые данные какой-либо процесс в его развитии. В то же время, показатель — это количественная и/или качественная характеристика объекта, описывающая какое-либо его свойство.

При определении показателей эффективности мероприятий, как части международной деятельности целесообразно придерживаться понятия, определяющего качественную характеристику того или иного направления активности.

В свою очередь, понятие «индикатор» (от латинского «указатель») пришло в международную деятельность для отображения хода какого-либо процесса, его результатов, состояния объекта наблюдения в простой и доступной человеку форме.

Социологический толковый словарь¹ объясняет индикатор как доступную наблюдению и измерению характеристику изучаемого объекта. В международной деятельности индикатором может быть сама характеристика, ее состояние, изменение состояния или мера этого изменения. То есть при

¹ Большой толковый социологический словарь [Электронный документ] URL: https://gufo.me/dict/social_dict/%D0%98%D0%BD%

D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B (Дата обращения: 05.12.2018)

определении индикаторов, характеризующих эффективность деятельности, важно то, что это - характеристика, которая доступна не только наблюдению, но и измерению. Итак, под показателем в данном случае целесообразно понимать критерий или признак, на основании которого производится измерение и оценка того или иного процесса, а под индикатором - характеристикой, которая измеряется, и которая количественно характеризует какое-либо качественное состояние, выражаемое через показатель.

В то же время индикаторы могут быть не только количественными и качественными, но и индикаторами процесса и индикаторами изменений¹. Такой подход помогает избежать путаницы, когда дело доходит до собственно измерения значений индикаторов.

Непосредственно мероприятия, проводимые в рамках деятельности международных организаций, в том числе таких организаций сотрудничества, как ШОС, целесообразно оценивать, как индикаторами процесса, так и индикаторами изменений. Сам процесс приводит к определенным изменениям сначала у участников мероприятий, проводимых этими организациями, а в конечном итоге, такая деятельность нацелена на заданные проектом изменения в сообществе, см. рис. 1.

Рисунок 1 – Взаимосвязь индикаторов процесса и изменений в международной проектной деятельности

Действительно, количество мероприятий и их участников, количество потраченных финансовых средств, оборудованных помещений, написанных и изданных печатных материалов, также, как и количество заходов на сайты мероприятий, – это все индикаторы, характеризующие процесс. При этом даже если эти индикаторы выбираются, как свидетельства результатов выполненных работ или оказанных услуг, они все равно остаются индикаторами процесса, поскольку не указывают на изменения в состоянии или поведении участников этого процесса и их значимого окружения. Оборудованное помещение не представляет никакого изменения, пока им не начнут пользоваться по назначению. Изданные материалы ничего не меняют, пока люди не начнут их читать и применять эту информацию на практике.

В то же время, если принять за основу, что эффективность мероприятий влияет на полезность деятельности организации, и вложенные ресурсы приводят к положительным изменениям в жизни целевых групп, то оценить данную деятельность возможно через индикаторы изменений.

При этом для корректной оценки эффективности проекта (а в данном случае - мероприятий) в целом необходим подбор соответствующих индикаторов, при создании которых важно, чтобы они: а.) поддавались измерению либо подсчету, б.) одинаково понимались и измерялись с одинаковой точностью разными людьми в разное время, в.) измерялись своевременно и без неоправданных затрат, г.) одновременно измерялся

только один параметр.

¹ Мониторинг и оценка: индикаторы эффективности [Электронный документ] URL: <https://by.odb->

office.eu/files/docs/Monitoring-i-ocenka.pdf (Дата обращения: 05.12.2018)

Важно также, чтобы каждый выбираемый индикатор соответствовал всем перечисленным характеристикам. В этом случае появляется достаточное количество аргументов для того, чтобы убедить себя и других в эффективности проектной деятельности (в данном случае, проведения международных мероприятий).

Относительно измеряемости индикаторов необходимо отметить, что все они так или иначе должны обладать данным свойством, то есть во все индикаторы должны быть заложены числа. Это может быть исчисляемое количество участников, предметов, заходов на сайт, мероприятий, экземпляров. Это может быть доля, выраженная, как правило, в процентах. Это может быть наличие или отсутствие того, что мы оцениваем, и выражается оно в цифрах «0» - нет в наличии, «1» - есть в наличии.

«Качественные» индикаторы указывают на происходящие изменения, например, «доля (или количество) кандидатов наук, опубликовавших статьи от общего количества кандидатов наук, принявших участие в мероприятии». В данном случае увеличение процента или числа таких людей будет указывать на повышение статусности/важности проведенного мероприятия в их жизни.

Исходя из мониторинга мероприятий многостороннего и двустороннего международного сотрудничества России в рамках ШОС в сферах науки, образования, инноваций и молодежной политики можно выделить ряд тематических индикаторов их эффективности, преимущественно относящихся к индикаторам процесса.

1. GR- индикаторы мероприятий, характеризующие качество организации мероприятия с точки зрения налаживания и укрепления связей с органами государственной власти стран-участниц международной организации, стран-наблюдателей и третьих стран. К таковым относятся:

Таблица 1.

№	Наименование индикатора	чем изменяется
GR-1	Участие представителей Органов государственной власти в мероприятии	участвуют/не участвуют

	с пленарным докладом	
GR-2	Наличие официальных делегаций от стран-участниц международной организации	есть / нет
GR-3	Наличие официальных делегаций от стран – наблюдателей международной организации и третьих стран	есть / нет
GR-4	Рост числа членов национальных делегаций по сравнению с предыдущим годом/мероприятием	доля числа членов делегации текущего мероприятия от числа членов прошлого мероприятия
GR-5	Соблюдение паритета /рост/ снижение статусности участников проводимого мероприятия по сравнению с прошлым мероприятием	Соблюдение паритета /рост/ снижение

2. PR - индикаторы мероприятий, характеризующие качество организации мероприятия с точки зрения налаживания и укрепления связей с общественностью стран-участниц международной организации, стран-наблюдателей и третьих стран, а также медиа-поддержки. Среди таких индикаторов:

Таблица 2.

№	Наименование индикатора	чем изменяется
PR-1	Наличие сайта /отдельной страницы мероприятия	есть / нет
PR-2	Наличие предварительной регистрации на сайте	есть / нет
PR-3	Наличие страниц мероприятия в социальных сетях	есть / нет

Подходы к определению эффективности проектов многостороннего...

PR-4	Наличие трансляции мероприятия в он-лайн режиме	есть / нет
PR-5	Цитируемость мероприятий во время его проведения на основных государственных каналах телевидения стран-участниц международных организаций.	Количество цитирований (определяется методом контент-анализа СМИ)
PR-6	Индекс цитируемости мероприятия через месяц после его проведения	Число внешних ссылок в сети Интернет, которые ведут на сайт.
PR-7	Количество статей о мероприятии в СМИ национального уровня	Единиц статей
PR-8	Количество заходов на сайт мероприятия	Ед.

3. Субстантив (содержательные) индикаторы, характеризующие мероприятие с точки зрения новизны программы, востребованности наработок, эффективности.

Таблица 2

№ пп	Наименование индикатора	Чем/как измеряется
С-1	Наличие итогового сборника тезисов участников мероприятия	есть / нет
С-2	Количество экземпляров итогового сборника материалов мероприятия	Экз.
С-3	Наличие новых специальных мероприятий в программе	есть / нет
С-4	Наличие в программе интерактивных мероприятий (форсат-сессий, панельных дискуссий,	есть / нет

	рабочих завтрахов и т.д.)	
С-5	Наличие проектов (старт-апов), инициированных на мероприятии	есть / нет
С-6	Доля осуществленных проектов от инициированных на мероприятии	%
С-7	Доля исполненных обязательств, принятых на мероприятии от общего количества этих обязательств	%
С-8	Результаты фандрайзинга: – объем привлеченных средств – рост объема привлеченных средств по отношению к прошлому мероприятию	тыс. руб. %

Состав данных индикаторов должен быть сформирован, исходя из принципов необходимости и достаточности для достижения целей и задач международных мероприятий, проводимых в рамках деятельности ШОС, созданных в свою очередь в интересах устойчивого социально-экономического развития всех государств-участников через сотрудничество на двустороннем и многостороннем уровнях для обеспечения фундамента современной системы международной стабильности и коллективной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аничкин Е. С. Усиление роли университетов в развитии трансграничных регионов: вызовы и решения // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2015. — № 2. — С. 47–52.
2. Аржанова И.В. Российская высшая школа в контексте международного образовательного / И. В. Аржанова. - Москва: Логос, 2012. - 328 с.

3. Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / под ред. Е.М. Кожокина. М.: Изд-во РИСИ, 2005. 117 с.
4. Л.И. Ефремова, Р.Г. Федоров 10 лет Университету Шанхайской организации сотрудничества: основные результаты работы. Вестник РУДН. Том 10. №4. Стр. 377-388.
5. Лавров В. С. Статус и деятельность Шанхайской организации сотрудничества: международно-правовой аспект: дис.... канд.юрид. наук: 12.00.10/ РАН - Москва 2008.-198 л.
6. Международное образовательное сотрудничество : опыт трансграничного вуза [Текст] : монография / [М. А. Костенко и др. ; под ред. С. В. Землюкова] ; М-во образования и науки РФ, Алтайский гос. ун-т. - Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. - 226 с.: приоритеты и безопасность. Москвв.- 2014. № 32 (269) – С. 35-49
7. Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-Азиатскими партнерами в рамках ШОС // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Москвв.- 2014. № 32 (269) – С. 35-49
8. Сафронова Е.И. Текущая и перспективная роль гуманитарного сотрудничества в деле развития ШОС //Китай в мировой и региональной политике (История и современность) / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2015. С.119-134.
9. Сюлькова Н.В. Международное сетевое сотрудничество российских вузов в реализации образовательных программ в различных регионах мира (университеты ШОС, СНГ, БРИКС). Научный аспект № 4-2017 – Самара: Изд-во ООО «Аспект», 2017. – Т1. – с. 7-16
10. Такур Р., Иов Б., Серрано М., Тусси Д. Следующий этап в консолидации и расширении глобального управления // Глобальное управление. 2014. Том 20. № 1.С. 1.
11. Цю Сяофэнь Взаимодействие Китай-

ской Народной Республики и Российской Федерации в рамках Шанхайской организации сотрудничества: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15 / ЛИ Мэнлун; РУДН – Москва., 2017. – 173 л.

Об авторах: Яценко Елена Борисовна – к.т.н., директор департамента по развитию международной проектной деятельности РУДН (e-mail: yatsenko-eb@rudn.ru); Федоров Роберт Геннадьевич – к.э.н., начальник отдела организационно-финансового сопровождения международных проектов и координации сотрудничества с сетевыми университетами РУДН (e-mail: fedorovrg@rudn.ru).

REFERENCES

1. Anichkin, Ye. S. Strengthening the role of universities in the development of cross-border regions: challenges and solutions // Economy. Profession. Business. - 2015. - № 2. - P. 47–52.
2. Arzhanova, I.V. Russian higher school in the context of international educational / I. V. Arzhanova. - Moscow: Logos, 2012. - 328 p.
3. Efremova, L.I., Fedorov, R.G. 10 years to the University of the Shanghai Cooperation Organization: the main results of the work // Vestnik RUDN. 2017. Volume 10. No.4. Pp. 377-388.
4. International educational cooperation: the experience of a cross-border university [Text]: monograph / [M. A. Kostenko and others; by ed. S.V. Zemlyukova]; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Altai State. un-t - Barnaul: Publishing house of the Altai State. University, 2015. - 226 p.
5. Komissina.N., KurtovA.A. Shanghai Cooperation Organization: the formation of a new reality / ed. EAT. Cojokina M. : RISS Publishing House, 2005. 117 с.
6. Lavrov V.S. of the Shanghai Cooperation Organization: the international legal aspect: D... Candidate Sciences: 12.00.10 / RAS - Moscow 2008.-198 l.
7. Morozov Yu.V., Safranovа E.I. The value of humanitarian cooperation between Russia and China within the framework of the

SCO // National interests: priorities and security. Moscow-2014. № 32 (269) - p. 35-49

8. Qiu Xiaofen, Interaction between the People's Republic of China and the Russian Federation in the framework of the Shanghai Cooperation Organization: dis. ... Cand. the story Sciences: 07.00.15 / LI Menlun; RUDN - Moscow., 2017. - 173 l.
9. Safronov E.I. The current and promising role of humanitarian cooperation in the development of the SCO // China in world and regional politics (Past and Present) / Otv. editor-compiler E.I. Safronov. M.: RAN. Inst Dal. East, 2015. P.119-134.
10. Syulkova N.V. International network cooperation of Russian universities in the implementation of educational programs in various regions of the world (SCO, CIS, BRICS universities), Scientific aspect No. 4-2017 - Samara: Aspect LLC, 2017. - T1. - p. 7-16
11. Thakur R., Job B., Serrano M., Tussie D. (2014) The Next Phase in the Consolidation and Expansion of Global Governance // Global Governance. Vol. 20. No. 1. P. 1.

About the authors: Yatsenko Elena Borisovna — PhD in Technical Sciences, Director of Department for the International Project Development, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: yatsenko-eb@rudn.ru); Fedorov Robert Genadevich — PhD in Economics, Head of the Department for Organizational and Financial Support of International Projects and Cooperation with Network Universities, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: fedorov-rg@rudn.ru).

**РОЛЬ КИТАЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И
ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА**

Д.Л. Адамова

Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия

**Рецензия на книгу Ferguson, R. James.
China's Eurasian Dilemmas: Roads and
Risks for a Sustainable Global Power.
Cheltenham: Edward Elgar Publishing,
2018. 352 p.**

Аннотация. Интерес к изучению эволюции внешней политики Китайской Народной Республики и подходов Пекина к вопросам глобального управления в последние годы носит взрывной характер. Научная литература постоянно пополняется новыми статьями и книгами, в которых с разных сторон рассматривается следующий круг вопросов: как Китай представляет свою роль на глобальной сцене в среднесрочной и долгосрочной перспективе [Shambaugh 2013; Zhang 2015; Галенович 2013]; будет ли вторая экономическая держава мира еще более целенаправленно трансформировать растущие экономические возможности в политическое влияние [Лузянин, Афонасьева 2017; Сафронова 2018; Борох, Ломанов 2018]; что нравится и что не нравится Пекину в существующем международном порядке [Brown 2017]; и наконец – собирается ли китайское руководство данный порядок менять [Friend, Thayer 2018], и каким образом намерено участвовать в формировании того состояния будущего мира, которое в китайских официальных документах обычно обозначается как «более справедливый и рациональный порядок» [Денисов, Адамова 2017: 83].

Растущее внимание исследователей к данным аспектам роста Китая, безусловно, является следствием активизации китайской внешней политики, которая с приходом к власти Си Цзиньпина всё более заметно расстаётся с дэнсяопиновским заветом «скрывать свои возможности, держаться в тени» [Денисов а 2015: 115].

Ключевые слова: Китай, Один пояс, один путь, США, глобальное управление, мировой порядок, Евразия.

Выход в свет монографии профессора Университета Бонда (Австралия) Джеймса Фергюсона «China's Eurasian Dilemmas: Roads and Risks for a Sustainable Global Power» (Евразийские дилеммы Китая: пути и риски для устойчивой глобальной державы) [Ferguson 2018] удачно совпал с пятилетием флагманской инициативы Си Цзиньпина «Один пояс, один путь», которая как раз и символизирует выход Китая «из тени».

Пятилетний рубеж дает достаточный эмпирический материал, чтобы более точно оценить место инициативы в китайской региональной и глобальной стратегии, и в то же время проанализировать как первые результаты, так и первые неудачи нового внешнеэкономического курса Пекина, выявить возможные риски и степень их влияния на китайскую политику в Евразии. Стоит заметить, что труд Джеймса Фергюсона ни в коем случае нельзя назвать юбилейным и благостным подведением итогов «Пояса и пути», и в силу того, что в нем полностью отсутствует комплиментарность оценок, и в связи с тем, что автор не следует буквально и ангажировано за китайским «шелковым дискурсом». Свою цель он сформулировал достаточно широко – дать критический обзор взаимоотношений Китая со странами Евразии, вписав анализ китайской политики в этом огромном регионе в контекст научных дискуссий о «подъеме Китая».

Такая постановка задачи выглядит вполне обоснованной и актуальной, поскольку позволяет преодолеть ограниченность взгляда на рост амбиций Китая исключительно с точки зрения отношений сотрудничества/соперничества Пекина и Вашингтона. Тема китайско-американского транзита глобальной власти неизбежно присутствует практически в любом исследовании, посвященном китайской внешней политике [Power shift... 2005], однако для понимания китайских мотивов и прогнозирования дальнейшей траектории «подъема Китая» необходима более нюансированная картина, учитыва-

ющая, что будущее Китая как глобальной державы определяется множеством факторов, а не только развитием отношений с Соединенными Штатами.

Сам автор рецензируемой книги прямо, и даже с некоторым публицистическим пафосом, говорит об этом в предисловии, отмечая, что «растущая напряженность между США и КНР заслонила великую драму, которая будет разыгрываться вплоть до середины века – потенциальную эволюцию Китая из азиатской региональной державы в глобальную державу «нового типа»» [Ferguson 2018: xii]. Евразия, с точки зрения Фергюсона, является критически важным для Китая регионом, где глобальные амбиции Поднебесной пройдут проверку сложным сочетанием факторов, касающихся экономики, безопасности и экологии.

Этот вывод согласуется с оценками ряда российских исследователей, которые отмечают, что проект Си Цзиньпина рассчитан на длительную перспективу и отражает геополитическое возвышение Китая как новой, растущей сверхдержавы [Китайский глобальный проект... 2018: 52; Курылев, Станис, Ин 2016], при этом Евразия «может стать тем испытательным полигоном, на котором Китай будет примерять одежды новой сверхдержавы» [Денисов 2015b: 57]. Российские ученые отмечают и потенциальные риски для Китая, поскольку при осуществлении активной политики внутри евразийского континента Китай может втянуться во множество кризисов, отвлекающих его ресурсы [Сафранчук 2015: 105].

Центральный тезис Д. Фергюсона раскрывается в первой главе, где он как раз сосредотачивается на том, действительно ли растущее присутствие КНР в Евразии (автор использует для этого словосочетание «Eurasian footprint», видимо избегая традиционного для реалистов термина «сфера влияния»), станет мостом для Китая к глобальному лидерству, и сумеет ли Китай дать адекватный ответ на дилеммы, связанные как с внутренним развитием (уйгурский сепаратизм в Синьцзяне, дисбаланс развития западных регионов КНР, истощенность прежней экстенсивной мо-

дели развития), так и с реформой глобальных и региональных институтов.

Судя по рассуждениям автора, термин «дилемма» является для него ключевым, это слово вынесено и в название монографии. Однако Д. Фергюсон использует термин не в привычном смысле – когда оба доступных варианта изначально оцениваются отрицательно и выбор происходит по принципу меньшего зла, а также не в принятом теории международных отношениях смысле «дилеммы безопасности».

Сквозным для монографии стало понимание дилеммы как ситуации, когда четкий выбор сделать невозможно, поскольку он предполагает несовместимые компромиссы, либо связан с наличием труднопредсказуемых факторов, а также действием социальных, психологических, политических ограничений, влияющих на рациональное принятие решений. К дилемме приводят и перекрестные воздействия, возникающие при действиях актора в разных сферах [Ferguson 2018: 20].

Описанные ситуации с повышением турбулентности системы международных отношений действительно нередки, и, видимо, характерны не только для китайской внешней политики. Однако, как отмечает Д. Фергюсон, для Китая, находящегося в позиции глобальной державы номер два, а также в силу усложняющейся внутривнутриполитической и внутриэкономической реальности, выбор становится не только более многовариантным и сложным, но и критически важным с точки зрения сохранения устойчивости политического режима в КНР. При этом статус супердержавы-гегемона является «затратным, идеологически неприемлемым и неустойчивым в современных условиях глобализации» [Ferguson 2018: 22].

С этой точки зрения, для Китая естественный способ избежать биполярной конфронтации заключается в укреплении сети партнерств и развитии многостороннего сотрудничества, прежде всего в Евразии. Именно мультилатерализм является спасательным кругом от сползания к столкновению двух полюсов КНР и США. В этой логике Д. Фергюсон и рассматривает политику Пекина в евразийском регионе,

подчеркивая, что на первом месте для Китая стоит создание такой модели взаимодействия, которая бы способствовала инклюзивному росту и вовлечению в орбиту сотрудничества широкого круга игроков.

Здесь, как подчеркивает автор, Китаю нужна поддержка крупных держав (включая Россию и Индию), а также «средних игроков» (Турция, Иран, Казахстан), при этом необходимо избегать усиления конкуренции и появления у стран Евразии ощущения новых угроз.

Российскому читателю будет интересна глава, посвященная взаимодействию Москвы и Пекина на пространствах Евразии. Эта тема также рассматривается в привычной для автора манере «поиска дилемм», при этом главный вызов для Китая Фергюсон видит в разнице российских и китайских подходов к многополярности [Ferguson 2018: 89-108]. Тут, как представляется, дилемма выглядит большей частью надуманной, достаточно проанализировать как российско-китайские официальные документы о современном мировом порядке, так и практические действия России и Китая на международной арене. Как отмечает С.Г. Лузянин, «сохраняя несоюзнический статус, обе державы качественно расширяют повестку сотрудничества, охватывая все новые и новые уровни глобальных и региональных процессов» [Лузянин 2018:13].

Сложно согласиться с выводом Д. Фергюсона о том, что пересечение российской и китайских повесток, связанных с переустройством Евразии, неизбежно приведет к интенсификации стратегического соперничества двух стран [Ferguson 2018: 141]. Хотя справедливым является тезис о том, что для успеха китайской политики мультилатерализма важно избежать конфликта с США и добиться «новой сделки» с ЕС на институциональном и цивилизационном уровне, однако было бы неразумно исключать из этой «формулы» Россию, а также других евразийских игроков (и страны Центральной Азии, и, прежде всего, Индию), сводя всё лишь к реинкарнации «Большой Игры», против чего в других частях своей монографии автор вроде бы возражает.

Тем не менее, эта работа является важным вкладом в идущую сейчас научную дискуссию о политике Китая в Евразии. Мирную трансформацию огромного региона автор справедливо называет «мастер-классом в искусстве государственного управления», попутно замечая, что данную задачу мирным путем до сих пор не смогло решить ни одно государство, ни одна империя. [Ferguson 2018: 22]. В целом не отказывая заранее Китаю в успехе его евразийской политики, Д. Фергюсон в монографии обращает внимание на то, что для достижения намеченных целей от Пекина потребуются не столько концентрация материальных ресурсов, сколько новое качество принятия политических решений, стратегическое планирование с учетом всех возможных рисков и немалое дипломатическое искусство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борох О.Н., Ломанов А.В. Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 59-70.
2. Галенович Ю.М. «Великое возрождение» и «морская цивилизация» Китая // Свободная мысль. 2013. № 3 (1639). С. 101-112.
3. Денисов И.Е. а Об основах сициньпинизма. Идеологический портрет "пятого поколения" руководителей КНР//Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСПИ. № 5. М.: Фонд ИСПИ, 2015. С.112-118.
4. Денисов И.Е. в Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс Безопасности. 2015. №3 (114), Осень. С. 51-60.
5. Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 76-90.
6. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. 130 с.

7. Курьлев К.П., Станис Д.В., Ин В. Экономический пояс Шелкового пути как геоэкономический проект КНР//Диалог: политика, право, экономика. 2016. № 3. С. 83-92
8. Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. 328 с.
9. Лузянин С.Г., Афонасьева А.В. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 5-14.
10. Сафранчук И.А. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. 2015. № 8. С. 97-107.
11. Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки): М.: ИД "Форум", 2018.
12. Brown Kerry. China's World: What Does China Want? London, New York: I.B.Tauris, 2017. 243 p.
13. Ferguson R. James. China's Eurasian Dilemmas: Roads and Risks for a Sustainable Global Power. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. 352 p.
14. Friend JM, Thayer BA. How China Sees the World: Han-Centrism and the Balance of Power in International Politics. Potomac Books; 2018. 192 p.
15. Power shift: China and Asia's new dynamics. Berkeley, Los Angeles, London: Univ of California Press, 2005. 383 p.
16. Shambaugh, D. L. China goes global: The partial power. Oxford: Oxford University Press. 2013.
17. Zhang Jian. China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? // Global Change, Peace & Security. 2015. 27:1, 5-19 pp.
18. usileniyu // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 62. № 3. S. 59-70.
19. Brown Kerry. China's World: What Does China Want? London, New York: I.B.Tauris, 2017. 243 p.
20. Denisov I.E. a Ob osnovakh sitszin'pinizma. Ideologicheskii portret "pyatogo pokoleniya" rukovoditelei KNR//Tetradi po konservatizmu. Al'manakh Fonda ISPI. № 5. М.: Fond ISPI, 2015. S.112-118.
21. Denisov I.E. b Shelkovaya bezopasnost': novaya kitaiskaya kontseptsiya razvitiya i pravila igry v Evrazii // Indeks Bezopasnosti. 2015. №3 (114), Osen'. S. 51-60.
22. Denisov I.E., Adamova D.L. Formuly vneshnei politiki Si Tszin'pina: osnovnye osobennosti i problemy interpretatsii // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. Vyp. XXII. М.: IDV RAN, 2017. S. 76-90.
23. Ferguson R. James. China's Eurasian Dilemmas: Roads and Risks for a Sustainable Global Power. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. 352 p.
24. Friend JM, Thayer BA. How China Sees the World: Han-Centrism and the Balance of Power in International Politics. Potomac Books; 2018. 192 p.
25. Galenovich Yu.M. «Velikoe vozrozhdenie» i «morskaya tsivilizatsiya» Kitaya // Svobodnaya mysl'. 2013. № 3 (1639). S. 101-112.
26. Kitaiskii global'nyi proekt dlya Evrazii: postanovka zadachi (analiticheskii doklad). М.: Nauchnyi ekspert, 2016. 130 s.
27. Kurylev K.P., Stanis D.V., In V. Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti kak geoekonomicheskii proekt KNR//Dialog: politika, pravo, ekonomika. 2016. № 3. S. 83-92
28. Luzyanin S.G. Rossiya – Kitai: formirovanie obnovlennogo mira. М.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2018. 328 s.
29. Luzyanin S.G., Afonas'eva A.V. Odin poyas, odin put' – politicheskie i ekonomicheskie izmereniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2017. № 40. S. 5-14.

Сведения об авторе: Адамова Дарья Львовна – преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО (У) МИД России (daradamova@yahoo.com).

REFERENCES

1. Borokh O.N., Lomanov A.V. Novaya epokha Kitaya: ot obogashcheniya k

13. Power shift: China and Asia's new dynamics. Berkeley, Los Angeles, London: Univ of California Press, 2005. 383 p.
14. Safranchuk I.A. Evolyutsiya pozitsii SShA v otnoshenii roli Kitaya v Tsentral'noi Azii // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2015. № 8. S. 97-107.
15. Safronova E.I. Kitai i razvivayushchiisya mir: kontseptsii i aktual'naya praktika otnoshenii (na primere Afriki i Latinskoj Ameriki): M.: ID "Forum", 2018.
16. Shambaugh, D. L. China goes global: The partial power. Oxford: Oxford University Press. 2013.
17. Zhang Jian. China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? // Global Change, Peace & Security. 2015. 27:1, 5-19 pp.

About the author: Adamova Daria Lvovna – Lecturer of the Department of Chinese, Vietnamese, Laotian and Thai Languages, MGIMO University of Ministry of Foreign Affairs of Russia (daradamova@yahoo.com).

ВЫБОР ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК: РОССИЯ ИЛИ КИТАЙ

М.С. Рамич

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается ситуация в Центральной Азии, которая сложилась после того, как в 2013 году Си Цзиньпин пришел был избран председателем КНР и начал проводить активную политику в Центральной Азии, в частности в бывших советских республиках. Автор сосредоточил свое внимание на том, как изменились отношения центрально-азиатских республик с Россией и Китаем в 2013-2017 годы. На основе анализа экономической, военной, социальной и культурной сфер взаимодействия был выявлен ряд тенденций, которые появились в указанный период. Данные тенденции были рассмотрены на примере анализа отношений Казахстана, Узбекистана, Туркмени, Таджикистана и Киргизии с Россией и Китаем. Такой подход наглядно показывает, какие направления взаимодействия наиболее важны в отношениях рассматриваемых стран, и какие инструменты применяются Россией и Китаем для увеличения и сохранения своего влияния в регионе.

Ключевые слова: Россия, Китай, Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Туркмени, Таджикистан, Киргизия, инвестиции, энергетика, образование.

CHOICE OF CENTRAL ASIAN REPUBLICS: RUSSIA OR CHINA

M.S. Ramich

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to the analysis of the situation in Central Asia that was emerged after Xi Jinping became the President of the PRC in 2013 and began to pursue an active policy in Central Asia, particularly in the former Soviet republics. The author focused on how the relations between the Central Asian republics (Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan and Kyrgyzstan), Russia and China changed in 2013-2017. Through the analysis of the economic, military, social and cultural spheres of inter-

action, the author found several trends which were emerged in that period. Those trends were analyzed on the example of the relations between the Central Asian republics, Russia and China. This method allows us to find the most important areas of their cooperation, and identify, what instruments can be used by Russia and China to increase and maintain their influence in the region.

Keywords: Russia, China, Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, investment, energy, education.

После того как Си Цзиньпин стал председателем Китайской народной республики (КНР) в 2013 г., он провел ряд официальных визитов в страны Центральной Азии (ЦА). В ходе своего визита в Казахстан в сентябре 2013 г., председатель КНР выступил с речью в Назарбаев Университете, которая называлась «Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее». Именно там были высказаны тезисы о начале формирования «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), который будет проходить через страны Центральной Азии¹.

Если обратиться к истории не столь далекой, как времена древнего шелкового пути, то Центральная Азия длительное время была и остается сферой интереса Российской Федерации. В свете того, что распада СССР все эти страны были объединены пространством одной страны на этой территории, сформировалась единая экономическая система. Но после распада СССР, руководство РФ не предпринимало активных действий для развития отношений на восточном направлении. Это послужило причиной того, что правительства центрально-азиатских республик не могли однозначно выбрать в какую сторону должен быть направлен вектор их внешней политики, в сторону России, наследницы СССР, с которой уже сформированы крепкие экономические и политические связи

¹ Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). [Электронный ресурс] URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm>.

или на Китай, экономика которого стремительно развивается.

Активные действия Китая в регионе Центральной Азии начались после 2013 г., и некоторые эксперты расценивают подобные действия, как «экспансию» регион и считают, что это напрямую грозит потерей влияния РФ в регионе. Сейчас прошло 5 лет с начала этого процесса, и мы можем наблюдать первые результаты.

Казахстан.

Отношения **КНР и Казахстана** были установлены 3 января 1992 г. И, с самого начала, развивались по классической для Китая схеме. Так, например, вопрос границ КНР и Казахстана был урегулирован одним из первых, первое соглашение, касающееся данного вопроса, было подписано уже в 1994 г., в 1997 и 1998 гг. были подписаны два дополнительных соглашения, в 2002 г. была проведена демаркация границы¹.

Одним из главных направлений сотрудничества двух стран является торгово-экономическая сфера. Подтверждение тому, что торгово-экономическое сотрудничество между странами стремительно развивается есть и в статье посла КНР в Республике Казахстан Чжана Ханьхуэя, там говорится о том, что с 1992 г. товарооборот между двумя странами увеличился в 40 раз, объем инвестиций КНР в Казахстан составляет более 33,4 млрд долл. [Чжан ХАНЬХУЭЙ, 2017].

Особый интерес для Китая представляет энергетическая отрасль. Последнее время наблюдается тенденция, когда китайские компании скупают казахстанские предприятия, в пример можно привести покупку Geo-Jade Petroleum Corp (КНР) нефтегазовой компании «КоЖан» (Казахстан) с правом на разработку месторождений².

Кроме нефтегазовой сферы объектами интересов китайской стороны являются сельскохозяйственная, инфраструктурная и научная отрасли. Там, где по закону купить предприятие или землю невозможно, Китай усиливает свое влияние посредством инвестиционных проектов, к которым активно привлекаются китайские рабочие. Казахская общественность зачастую негативно относится к тому, что иностранцы, а в частности китайцы могут арендовать пахотные земли под свои нужды.³

В культурной сфере Китай воздействует на Казахстан посредством подготовки кадров. В Казахстане осуществляют свою деятельность 4 института Конфуция, эти образовательные учреждения являются одним из главных инструментов «мягкой силы» Китая, их особенностью является то, что довольно просто можно получить возможность обучения в КНР. Так на 2017 г. 13 тыс. казахстанских студентов обучаются в Китае, в свою очередь 1300 китайских студентов учатся в Казахстане [Чжан ХАНЬХУЭЙ, 2017]. Но главная проблема заключается в том, что, поехав учиться в Китай студенты очень часто остаются, чтобы работать там.

В отношениях **России и Казахстана** последнее время наблюдаются неоднозначные для России изменения, в частности можно увидеть, что внешняя политика Казахстана разворачивается на Восток. Для России эти отношения очень важны, в большей мере для обеспечения безопасности страны, и для развития торговых отношений с азиатскими странами, потому что именно по территории Казахстана проходят многие торговые пути и трубопроводы.

Если обратиться к цифрам, наблюдается постепенный спад в экономическом сотрудничестве РФ и Казахстана, так, например, на 2016 г. торговый оборот двух стран составил 9,6 млрд долл., а в 2014 г. он составлял 17,7 млрд долл., когда как торговый оборот с Китаем составляет 40

¹中国同哈萨克斯坦的关系。 [Электронный ресурс] URL:

<https://web.archive.org/web/20140906133919/http://kz.china-embassy.org/chn/zhgx/zhgxgk/>.

² Агелеуов Г. Китай-Казахстан: Перспективы взаимодействия // «Фергана». 2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fergananews.com/articles/9422>.

³ Толеуханова А. Казахстан и Китай: страх, ненависть и деньги // Онлайн-издание «EurasiaNet.org» [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160713/237171403.html>.

млрд долл.¹ Объем китайских инвестиций во много раз превышает российские, и здесь конкурировать с ними не выходит. Кроме того, под угрозой оказываются и инфраструктурные проекты РФ, так в 2015 г. Казахстаном, Китаем, Турцией, Азербайджаном и Грузией был учрежден консорциум по транспортировке грузов из Китая в Европу в обход России.

Разногласия между странами наблюдаются и на внешнеполитической арене, так во время всех происходящих в последнее время важных для России событий, таких как, конфликт с Грузией в 2008 г., кризис на Украине, воссоединение Крыма с Россией, военная операция России в Сирии, поддержки со стороны Казахстана не было. Уже это говорит о том, что отношения претерпевают серьезные изменения и не в лучшую сторону. [Малышева]

Кроме того, Казахстан сам претендует на лидирующую роль в процессах евразийской интеграции в том числе и СНГ. Однако по мнению российских экспертов именно Россия должна стать «локомотивом интеграционного процесса в СНГ» [Курылев, 2009].

Говоря о вопросах безопасности, тут тоже нельзя четко сказать, чью сторону принимает Казахстан и дело тут не в сотрудничестве с Китаем, а в развороте на Запад, и укреплению сотрудничества с НАТО, и это при учете того, что Казахстан и Россия являются партнерами по ОДКБ. Пока что Китай не вмешивается в столкновение интересов РФ и НАТО в Центральной Азии, но в будущем это возможно.

Несмотря на это все хорошие отношения важны для РФ и Казахстана и обе стороны работают над их развитием всех уровнях взаимодействия. Камнем преткновения в улучшении отношений стало то, что на данный момент Китай в чем-то может предложить больше чем Россия.

В итоге мы видим, что экономической сфере Казахстан отдает явный приоритет Китаю, на это указывает, и рост торговли

между странами, и обширное инвестиционное сотрудничество, и совместные инфраструктурные проекты. Россия же, не смотря на некоторые разногласия между странами, сохраняет свои позиции в вопросах безопасности. Кроме того, все же пока что велико влияние русской культуры и русского языка в Казахстане, что позволяет странам лучше сотрудничать.

Киргизия.

По своему характеру отношения КНР и Киргизии похожи на отношения Китая с другими странами Центральной Азии в том, что основной акцент делается на вопросах экономики, но здесь ключевым отличием является то, что для Киргизии, Россия считается главным экономическим партнером. Страна является членом ЕАЭС и Таможенного союза. Но несмотря на это, Китай постепенно завоевывает и киргизский рынок.

Главным инструментом воздействия Китая на Киргизию является кредитование, вице-председатель Торгово-промышленной палаты Киргизии Рима Апасова заявила, что «За годы сотрудничества с Китаем было выделено 2 млрд долл. грантов и 1,8 млрд. долл. – кредитов»². Данные кредиты поддерживают киргизскую экономику, но в этом есть и определенные риски. Государственный долг Киргизии на 2016 г., когда было сделано это заявление, составлял 4,1 млрд. долл., соответственно около 44% внешнего долга Киргизии составляют китайские займы³. Пока что Китай не выдвигает никаких требований, но статус кредитора так или иначе позволяет ему воздействовать на внешнеполитические решения, принимаемые руководством Киргизии.

Киргизия и КНР активно сотрудничают в сфере инфраструктурного строительства в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь». Китай является

² На Китай приходится порядка 30% всех инвестиций, поступающих в Кыргызстан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:28197>.

³ Госдолг Кыргызстана достиг \$4,1 млрд — за год вырос на \$300 млн. // «Sputnik». 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20170208/1031657778/azmer-gosdolga-kyrgyzstana-za-god-vyros-na-300-mln.html>.

¹ Малышева Д. Казахстан и Россия: проблемы взаимодействия // «РИТМ ЕВРАЗИИ». 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ritmurasia.org/news--2016-09-08--kazakhstan-i-rossija-problemy-vzaimodejstvija-25616>.

одним из главных инвесторов стратегически важных для Киргизии проектов, таких как подстанции «Датка» и ЛЭП «Датка - Кемин»¹.

Если говорить о сотрудничестве **России и Киргизии**, то пока что это направление сотрудничества является для Киргизии приоритетным. Этому способствует ориентация Киргизии на взаимодействие в рамках ЕАЭС и Таможенного союза, и стремление к интеграции ЕАЭС и программ «Шелкового пути». Россия так же заинтересована в развитии транзитного потенциала своих партнеров, и даже имеет ряд договоренностей по координации действий в данной сфере с КНР [Курылев, Нарышкин, Озинковская, Рахимов, 2016]. Обе страны стараются строить взаимовыгодные отношения.

Российская компания «Русгидро» имела ряд контрактов на постройку ГЭС на территории Киргизии, но в 2016 году Киргизия решила денонсировать соглашение с российской стороной, так как возникли сложности при строительстве данных объектов. В связи с этим заговорили о похолодании в отношениях, однако премьер-министр в своем интервью для «РИА Новости» призвал не политизировать данный вопрос, заявив, что это проблема сугубо хозяйственного характера². В частности, киргизская сторона не против участия российских компаний в конкурсе на строительство данных объектов.

Неизменно приоритетным направлением сотрудничества двух стран является военная сфера. Тут большую роль играет географическое положение Киргизии, она находится в непосредственной близости от Афганистана, что делает эту страну ключевой в вопросах обеспечения региональной безопасности и противодействия международному терроризму. Россия и Киргизия активно сотрудничают в рамках ОДКБ и в Канте расположена военная база организации, укомплектованная российскими

военнослужащими³. Сейчас идут переговоры об открытии второй военной базы, которая будет располагаться на границе с Таджикистаном.

Между Россией и Киргизией укрепляются и культурные связи, активно производится обмен студентами. В Киргизии был открыт Киргизско-российский славянский университет имени Бориса Ельцина, одно из основных направлений действий университета: «Сохранение и развитие русского языка, культуры и русскоязычного образования»⁴. Это создает базу для развития «мягкой силы» России и укрепления культурных связей между государствами.

Ситуация в Киргизии отличается от ситуации в рассмотренном ранее Казахстане, главным отличием является то, что здесь свои позиции прочно сохраняет Россия, во многом успех этого сотрудничества заключается в более тесных исторических и культурных связях двух стран, но главными направлениями взаимодействия остаются энергетика и военное сотрудничество. Но, говоря о Китае, мы видим тут ту же модель взаимодействия, суть которой в поэтапном экономическом воздействии на государство, путем вовлечения в совместные инвестиционные проекты, и выдачи низкопроцентных кредитов.

Таджикистан.

Отношения **Таджикистана и КНР** после распада СССР выстраивались по тому же образцу, что и другими центральноазиатскими республиками. Китай хотел, как можно скорее решить вопросы границ, в случае с Таджикистаном зачастую эти вопросы решались посредством передачи КНР части спорных территорий.

Как и в других центрально-азиатских республиках Китай предоставляет Таджикистану льготные кредиты на развитие экономики, но фактически мы видим ситу-

¹ Кыргызстан и Китай настроены на укрепление сотрудничества. 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://rus.azattyk.org/a/27751653.html>.

² Сапар Исаков: идут переговоры о второй российской военной базе в Киргизии. URL: <https://ria.ru/interview/20171002/1505981890.html>.

³ Кыргызстан и Россия: что объединяет наши страны? URL: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20161102/1030087406/cto-obedinyayet-kyrgyzstan-i-rossiyu.html>.

⁴ Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Кыргызско-Российский Славянский университет. Основные сведения. [Электронный ресурс] URL: <https://krsu.edu.kg/sveden/index.html>.

ацию, когда задолженность выплачена не может, а китайская сторона пытается использовать этот рычаг давления во время переговоров [Попов Д. С., 2012]. Полученные средства идут на реализацию инфраструктурных, энергетических и ресурсодобывающих проектов, но обслуживают данные проекты китайские компании.

Еще одним приоритетным направлением сотрудничества КНР и Таджикистана является борьба против «трех сил зла». В 2016 г. Китай объединился с Таджикистаном, Пакистаном и Афганистаном для борьбы с терроризмом¹. В том же 2016 г. прошли масштабные китайско-таджикские антитеррористические учения². Это отнюдь не означает, что Китай намерен решать проблемы безопасности военным путем, это означает, что он готов показать миру готовность сделать это. Но для Таджикистана такое сотрудничество является очень выгодным, потому что проблема безопасности в стране стоит довольно остро.

В Таджикистане свою деятельность осуществляют два института Конфуция, страны активно осуществляют обмены студентами, так в 2016 г. численность студентов из Таджикистана, обучающихся в КНР составила 2500 человек³.

Говоря об отношениях **России и Таджикистана**, стоит отметить, что они затрагивают все области взаимодействия. Так страны взаимодействуют на различных уровнях для развития внешнеэкономических связей, а также для обеспечения региональной и национальной безопасности.

Торговый оборот между двумя странами в 2016 г. составил 687,9 млн долл., тогда как в 2015 г. этот показатель составлял

814,7 млн. долл.,⁴ это связано с уменьшением объемов российского экспорта в республику. Но несмотря на снижение данных показателей роль России в экономике Таджикистана все еще велика. Таджикистан является кандидатом на вступление в Таможенный союз. Кроме того, Россия остается самым популярным направлением трудовой миграции из Таджикистана.

Для двух стран приоритетным является сотрудничество по обеспечению безопасности в регионе, они активно сотрудничают в рамках международных организаций, таких как ОДКБ, ШОС, ОБСЕ и ООН. По мнению Президента РФ В. В. Путина отношения между Таджикистаном и Россией складываются на основе союзнических обязательств, кроме того президент России отмечает, что страны согласовывают свои позиции во всех международных организациях⁵.

На территории Таджикистана находится действующая военная база РФ, которая будет там как минимум до 2042 г.⁶ На базе размещены новейшие образцы российской техники и вооружения.

Кроме указанного выше страны также сотрудничают культурно-образовательной сфере, так в 1996 г. на территории Таджикистана был открыт Российско-Таджикский (Славянский) университет. Основными задачами деятельности университета являются подготовка квалифицированных кадров для РФ и Таджикистана, а также сохранение и развитие культурных связей между государствами.

⁴ Сайт Федеральной таможенной службы. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь-декабрь 2016 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=24785:-----2016--&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976.

⁵ Путин: отношения с Душанбе основаны на союзнических обязательствах. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/politics/20150915/1252338935.html>.

⁶ Российская 201-я база в Таджикистане получила 100 единиц бронетехники // МИР 24. [Электронный ресурс] URL: <https://mir24.tv/news/14566709/rossiiskaya-201-ya-baza-v-tadzhikistane-poluchila-100-edinic-bronetehniki>.

¹ Китай создает антитеррористический альянс с тремя мусульманскими странами. [Электронный ресурс] URL: <https://rus.ozodi.org/a/27914356.html>.

² Китай и Таджикистан «вступили в схватку» с афганскими террористами. [Электронный ресурс] URL: <https://www.news.tj/ru/news/tajikistan/security/20161021/kitai-i-tadzhikistan-vstupili-v-shvatku-s-afganskimi-terroristami>.

³ Юе Бин: Китай ведет бескорыстную политику в отношении Таджикистана. [Электронный ресурс] URL: <http://avesta.tj/2016/12/20/60000/>.

Как мы видим на данный момент для Таджикистана приоритетным направлением внешней политики является сотрудничество с Россией, это связано с тем, что страны активно взаимодействуют как двухстороннем, так и многостороннем формате. Китай же пытается сотрудничать с Таджикистаном посредством совместных инвестиционных проектов, кредитования, и совместных действий по обеспечению региональной безопасности в Центральной Азии.

Узбекистан.

Отношения КНР и Узбекистана носят характер всестороннего стратегического партнерства, такой статус они приобрели после визита председателя КНР Си Цзиньпина в Узбекистан в 2016 г.¹ После этого, китайский вектор стал доминировать во внешней политике Узбекистана.

В 2015 году Китай стал главным торговым партнером Узбекистана, оставив позади Россию, общий товарооборот между странами составил 3 млрд. долларов². Общий объем китайских инвестиций в экономику Узбекистана и кредитов превышает 7,6 млрд долл. В Узбекистане действует около 700 предприятий с участием китайского капитала, часть из которых полностью являются китайскими³.

Две страны работают над совместными стратегическими проектами, такими как газопровод «Китай — Центральная Азия» и международный железнодорожный транзитный коридор «Китай-Центральная Азия-Европа». В рамках инфраструктурного строительства был построен уникальный тоннель, который связал Ферганскую долину и основную часть Узбекистана, Китай инвестировал в этот проект 455

миллионов долларов, а строительство осуществляла китайская компания China Railway Tunnel Group⁴. Данный проект рассматривается в рамках инициативы создания единой современной транспортной сети в Центральной Азии.

На территории Узбекистана свою деятельность осуществляют институты Конфуция, и ведется активная популяризация китайского языка среди молодежи. После прохождения обучения в китайских ВУЗах узбекские выпускники становятся востребованы на родине, так как присутствие компаний из КНР в Узбекистане увеличивается с каждым годом. В отличие от рассмотренных ранее Киргизии и Казахстана к китайскому присутствию тут относятся более лояльно, рассматривая это, как положительный фактор для развития страны.

Россия и Узбекистан активно сотрудничают в международных организациях, постоянно осуществляются встречи на различных уровнях, но как уже упоминалось ранее интерес Узбекистана к России падает. Это касается как политической, так и экономической сферы.

Торговый оборот между странами в 2016 г. составил 2,7 млрд. долл.⁵ В основном торгово-экономическое сотрудничество сосредоточено на энергетической сфере. Так же стоит отметить, что большую строку доходов Узбекистана составляют поступления трудовых мигрантов, работающих преимущественно на территории России.

Ситуация изменилась, когда в апреле 2017 г. Россию посетил президент Узбекистана Ш. Мирзиязев, в ходе данного визита был подписан ряд контрактов, общая сумма которых перевалила за 15 млрд долл.⁶ В общем итоге после смены власти в Узбекистане страны смогли увеличить товарооборот на рекордные 260%⁷.

¹ Узбекистан и Китай: 25 лет дипломатическим отношениям. [Электронный ресурс] ERL: <http://ru.sputniknews-uz.com/society/20170111/4571072/kitay-uzbekistan-25-let.html>.

² Узбекистан и Китай — друзья в трудную минуту // EURASIA.net. [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/economic/20160627/236989499.html>.

³ Сунь Лицзе Дружба и сотрудничество между Китаем и Узбекистаном на благо народов двух стран // Народное слово. 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.narodnoeslovo.uz/index.php/homepage/sijosat/item/8561-druzhba-i-sotrudnichestvo-mezhdukitaem-i-uzbekistanom-na-bлаго-narodov-dvukh-stran>.

⁴ Узбекистан и Китай — друзья в трудную минуту.

⁵ Сайт Федеральной таможенной службы. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь-декабрь 2016 г.

⁶ Узбекистан не спешит в Евразийский союз // Газета.ru. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/04/05/10612535.shtml>

⁷ Там же.

В военной сфере Россия является традиционным поставщиком вооружения в Узбекистан и по словам Министра обороны РФ С. Шойгу, что до 2020 г. в Узбекистане будет реализовываться программа перевооружения армии современным российским вооружением¹. Единственным конкурентом для России в данной сфере может стать США.

Узбекистан старается, как и прежде проводить многовекторную политику балансирования между своими партнерами, и даже если в определенный момент чаша весов склоняется в одну из сторон, в последствии наблюдается выравнивание ситуации. Это и можно наблюдать на примере «треугольника» Россия – Узбекистан – Китай. Сблизившись с КНР после начала реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь», Узбекистан после смены политической верхушки снова обратил свой взор на Россию.

Туркмения.

Когда были установлены отношения между КНР и Туркменией правительствам двух стран не нужно было решать традиционный для Китая вопрос границ. Несмотря на то, что страны не граничат, Туркмения крайне привлекательна для Китая в свете больших запасов природного газа [Ипполитов 2017]. Туркмения не является членом ШОС, поэтому взаимодействие в основном происходит в двухстороннем формате, который более привычен для Китая.

Логично отметить, что в отношениях двух стран приоритетным является энергетическое направление сотрудничества. Основная часть китайских инвестиций сосредоточена именно в этой области, это касается как разработки ресурсов, так и финансирования, и реализации транспортных проектов. В 2009 г. был запущен трубопровод «Центральная Азия – Китай», этот проект стал ключевым для двух государств². И стороны не готовы останавли-

ваться на достигнутом, Китай постоянно наращивает объемы импортируемого газа. Кроме того, китайская компания Sinorec занимается разработкой и обслуживанием ряда месторождений на территории Туркмении. Китайская сторона выделяет кредиты туркменским энергетическим компаниям для развития данной отрасли в стране³. В общем на развитие газодобывающей отрасли Китай выделил 12 млрд. долл., цель данных вложений наращивание экспортного потенциала Туркмении [Попов 2016].

Страны активно сотрудничают в рамках программы «Один пояс, один путь», в частности здесь осуществляется для создания в Туркмении сети современных железных дорог, для развития транспортной отрасли.

Отношения России и Туркмении носят характер стратегического партнерства, соответствующий документ был подписан на встрече президентов двух стран в 2017 г.⁴ В политическом плане Туркмения выделяет Россию в качестве основного партнера, Китай называется в качестве главного экономического партнера страны⁵. Это говорит о том, что Россия сохранила влияние в стране, но в экономической сфере уступила свое лидерство Китаю. В 2016 г. Газпром разорвал контракт на покупку туркменского газа из-за того, что не был согласована цена⁶. Потери для Туркмении от потери контракта с Россией составляют

"Золотой век". 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=6453>.

³ Президент Туркмении одобрил газовые контракты с иностранными компаниями на сумму до 9,741 млрд долл. // РБК. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/20091230134405.shtml>.

⁴ РФ и Туркменистан подписали соглашение о стратегическом партнерстве // Российская Газета. 02.10.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2017/10/02/rf-i-turkmenistan-podpisali-soglashenie-o-strategicheskom-partnerstve.html>.

⁵ Бердымухамедов назвал Россию первой из стратегических партнеров Туркмении // РИА Новости. 19.02.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/world/20170219/1488314702.html>.

⁶ Газо-политические отношения: зачем Путин прилетел в Туркменистан // МИР 24. 02.10.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://mir24.tv/news/16270371/gazo-politicheskie-otnosheniya-zachem-putin-priletel-v-turkmenistan>.

¹ Россия и Узбекистан расширят военнотехническое сотрудничество // Regnum. [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/2211308.html>.

² Реджепова О. Туркменистан - Китай: стратегическое партнерство в развитии // Электронная газета

примерно 1 млрд. долл. в год¹. Потери пытаются компенсировать за счет контрактов с Китаем.

Согласно Резолюции №50/80 Генеральной ассамблеи ООН Туркмения была признана нейтральным государством², особенность данного события заключается в том, что данное решение не может быть отменено без участия ООН. Туркмения «выпадает» из системы региональной безопасности и может быть подвержена угрозам извне, что будет явно не в интересах главных акторов в ЦА. Кроме того, Туркмения, ссылаясь на свой нейтральный статус, не является членом ни одного из крупных евразийских объединений, а если говорить об СНГ, то ей так и не был ратифицирован устав Содружества³.

По сути, в Туркмении мы наблюдаем ситуацию, когда Россия и Китай явно разделили области своего влияния. Россия уступила экономическую сферу, но сохранила при этом политическое влияние на страну. Но при детальном рассмотрении мы видим, что подобное сотрудничество является скорее вынужденной мерой, так как у Туркмении нет доступа к более приоритетному для нее Западному направлению.

Рассмотрев основные тенденции в отношениях центрально-азиатских республик с Россией и Китаем, можно сказать, что каждая из стран Центральной Азии обладает своим видением того, в каком направлении нужно выстраивать свою внешнюю политику, однако тут можно отметить определенные закономерности.

В становлении отношений со странами, имеющими общую границу с КНР, в большей степени это касается Казахстана и Таджикистана большую роль играл вопрос

урегулирования границ, который зачастую решался путем отторжения части спорных территорий в пользу Китая. Такого исхода событий китайская сторона добивалась путем умелой дипломатии, апеллируя к тому, что продуктивное сотрудничество невозможно, когда между странами есть подобные споры.

Общим для всех стран будет являться то, что китайская сторона предоставляла или предоставляет им кредиты на льготных условиях. В некоторых центрально-азиатских республиках около половины государственного долга принадлежит КНР, что открывает для Китая определенные рычаги давления на правительства этих стран. Для России же подобная политика является угрозой потери влияния в регионе, потому что со своей стороны альтернативы Россия в данный момент предложить не может.

Вторым направлением общим для всех центрально-азиатских республик является инвестиционное сотрудничество с КНР и Россией. После 2013 г. здесь стали доминировать китайские инвестиции, на территориях стран партнеров начали создаваться совместные предприятия, а для реализации крупных проектов стали привлекаться китайские компании, это важно так, как даже Казахстан и Киргизия, которые являются членами ЕАЭС предпочитают привлекать для своих проектов китайских инвесторов и подрядчиков.

Подобное увеличение количества китайских проектов вызывало волну негодования среди населения центрально-азиатских республик, в основном жителей беспокоит то, что китайцы, получая в аренду землю и основывая свои предприятия привлекают для работы на них граждан своей страны, тем самым отнимая рабочие места у местного населения.

Кроме того, по программам обмена в КНР уезжает очень много студентов, часть которых в последствии остаются работать в Китае, фактически подобный процесс можно назвать утечкой квалифицированных кадров, который точно не способствует развитию государств ЦА. Это говорит о том, что китайская «мягкая сила» здесь эффективнее чем российская, и для сохра-

¹ Россия и Туркмения держат баланс // Известия. [Электронный ресурс] 01.11.2016. URL: <https://iz.ru/news/642170>.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 50/80 // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс] URL:

http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/50/80&referer=/english/&Lang=R.

³ Россия не может позволить Туркмении оставаться «слабым звеном» // Взгляд. [Электронный ресурс] 01.11.2016. URL: <https://vz.ru/world/2016/11/1/841394.html>.

нения своих позиций России необходимо искать новые рычаги воздействия. Как эффективные примеры подобных проектов можно привести Славянские университеты, которые работают в некоторых странах ЦА.

Безусловное лидерство Россия сохраняет в сфере обеспечения региональной безопасности. Большинство вооружения страны ЦА закупают у России, кроме того, на территориях Таджикистана и Киргизии открыты российские военные базы. Страны ЦА и Россия взаимодействуют с Россией в рамках ОДКБ и совместно осуществляют борьбу с наркотрафиком и международным терроризмом. Китай несмотря на то, что до этого старался не становиться членом каких-либо военизированных международных объединений, сделал исключение вступив в 2016 г. в коалицию с Таджикистаном, Пакистаном и Афганистаном для борьбы с терроризмом.

В политическом плане многие страны отдают предпочтение сотрудничеству с Россией, но в последние годы, не многие из них не на словах, а на деле предоставляют России политическую поддержку. Так Казахстан, который является одним из основных союзников России, не поддержал РФ ни по одному из важных для нее вопросов.

В итоге мы видим ситуацию, когда Китай стал доминировать в регионе экономически, а Россия оставила за собой вопросы безопасности. Подобное распределение ролей прежде всего опасно для России потерей своего влияния в регионе, потому что, добивавшись полного экономического доминирования Китай может начать претендовать и на другие сферы взаимодействия, и как мы видим для этого уже предпринимаются первые шаги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Базылева С.П., Черненко Е.Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Том 16, №3. – С. 505-520.
2. Ван Г., Журавлева Е.В. Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – №1. – С. 60-69.
3. Ван Сяолин О проблемах сотрудничества в сфере высокоскоростных железных дорог между КНР и странами Центральной Азии // Постсоветские исследования, 2018. Т. 1., №5. С. 481-494.
4. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 496 с.
5. Ипполитов И.В. Китайско-туркменские отношения: от взаимной выгоды к неравному партнёрству? // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 3 (42). – С. 90-108.
6. Козьменко В.М., Сагиндинов Р.Е. Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси - основа их экономической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – 4. – С. 87-94.
7. Курылев К.П., Станис Д.В. Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы // Современная наука. 2015. № 2. С. 13-18.
8. Курылев К.П. Специфика интеграционных процессов в СНГ // СНГ: проблемы, поиск, решения: 2010 Ежегодник. – 2009. – С. 22-32.
9. Курылев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». – 2016. – № 1. – С. 75-86.
10. Курылев К.П., Савичева Е.М. Содружество Независимых Государств // Учебно-методическое пособие для бакалавров и магистров направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История» 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Изд-во РУДН. – 2010.
11. Лузянин С.Г. Россия и Китай в Центральной Азии и на Дальнем Востоке:

- конкуренция или сотрудничество? // Мир и Политика. – 2010. – №2. – С. 24-37.
12. Методические рекомендации к выполнению курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавров и магистерских диссертаций по направлениям "международные отношения" и "зарубежное регионоведение". // Учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН. – 2016.
13. Ни Ваншу Концептуальные основы проектов Экономический Пояс Шелкового Пути и Евразийский Экономический Союз // Постсоветские исследования, 2018. Т. 1., №3. С. 285-296.
14. Пархитько Н.П. Военно-политическое сотрудничество на пространстве СНГ. Политика ОДКБ в итогах юбилейного саммита ОДКБ в Минске 30.11.2017 // Постсоветские исследования, 2018. Т. 1., №1. С. 9-19.
15. Попов Д. С. Китайско-таджикские отношения: проблемы и перспективы. // Китай на постсоветском пространстве: сборник докладов: [материалы международной научно-практической конференции, 7 июня 2012 г.] / Рос. ин-т стратег. исслед.; [под ред. К. А. Кокарева и др.]. – Москва: РИСИ, 2012. – С. 103-109.
16. Рахимов К.К. Инфраструктурные проекты геоэкономики в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – №4. – С. 137-147.
17. Рахимов К.Х. Этапы развития интеграционных процессов на пространстве СНГ // Постсоветские исследования, 2018. Т. 1., №3. С. 274-284.
18. Семкина Е. В. Интересы России и Китая в Центральной Азии: энергетический аспект // Актуальные проблемы международных отношений. – 2015. – №6. – С. 166-171.
19. Сыроежкин К. Л. Центральная Азия в треугольнике "Россия-Китай-Запад": выбор приоритетов // Мировая экономика и Международные отношения. – 2007. – №10. – С. 12-23.
20. Сяофэнь Ц. Концептуальные подходы России и Китая в Центральной Азии: сходство и различия // Проблемы постсоветского пространства. – 2015. – № 4. – С. 74-83.
21. Чжан Ханьхуэй Китай и Казахстан: Грандиозные результаты, прекрасные перспективы // Газета «Казахстанская Правда». 2017. – № 15. – С. 4.

Сведения об авторе: Рамич Мирзет Сафетович – студент 4 курса бакалавриата кафедры теории и истории международных отношений РУДН. (e-mail: ramich_ms@mail.ru).

REFERENCES

1. Bazyleva S.P., CHernenko E.F. Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii kak stabiliziruyushchij faktor na evrazijskom prostranstve // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2016. – Tom 16, №3. – S. 505-520.
2. Van G., Zhuravleva E.V. Politika «myagkoj sily» Rossii i KNR v otnoshenii stran Central'noj Azii (na primere Kazahstana) // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnoshe-niya. – 2015. – №1. – S. 60-69.
3. Van Syaolin' O problemah sotrudnichestva v sfere vysokoskorostnyh zheleznyh dorog mezhdu KNR i stranami Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya, 2018. Т. 1., №5. S. 481-494.
4. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D.A. Degterev, K.P. Kurylev. – М.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. — 496 s.
5. Ippolitov I.V. Kitajsko-turkmenskie otnosheniya: ot vzaimnoj vygody k neravnomu partnyorstvu? // Problemy nacional'noj strategii. – 2017. – № 3 (42). – S. 90-108.
6. Koz'menko V.M., Sagindikov R.E. Tamozhennyj soyuz Rossii, Kazahstana i Belarusi - osnova ih ehkonomicheskoy bezopasnosti // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 4. – S. 87-94.
7. Kurylev K.P., Stanis D.V. Process razvitiya evrazijskoj integracii: istoriya, sov-

- remennye problemy i perspektivy // *Sovremennaya nauka*. 2015. № 2. S. 13-18.
8. Kurylev K.P. Specifika integracionnyh processov v SNG // *SNG: problemy, poisk, resheniya: 2010 Ezhegodnik. – 2009.* – S. 22-32.
 9. Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkovskaya E., Rahimov K.H. Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz vo vneshnepoliticheskoj strategii Rossii // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya».* – 2016. – № 1. – S. 75-86.
 10. Kurylev K.P., Savicheva E.M. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv // Uchebno-metodicheskoe posobie dlya bakalavrov i magistrów napravlenij podgotovki «Mezhdunarodnye otnosheniya», «Politologiya», «Istoriya» 2-e izdanie, pererabotannoe i do-polnennoe.* – M.: Izd-vo RUDN. – 2010.
 11. Luzyanin S.G. Rossiya i Kitaj v Central'noj Azii i na Dal'nem Vo-stoke: konkurenciya ili sotrudnichestvo? // *Mir i Politika.* – 2010. – №2. – S. 24-37.
 12. Metodicheskie rekomendacii k vypolneniyu kursovyh, vypusknih kvalifikacionnyh rabot bakalavrov i magistrówskih dissertacij po napravleniyam "mezhdunarodnye otnosheniya" i "zarubezhnoe regionovedenie". // *Uchebnoe posobie.* – M.: Izd-vo RUDN. – 2016.
 13. Ni Vanshu *Konceptual'nye osnovy proektov EHkonomicheskij Poyas Shelkovogo Puti i Evrazijskij Ekonomicheskij Soyuz // Postsovetskie issledovaniya,* 2018. T. 1., №3. S. 285-296.
 14. Parhit'ko N.P. *Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo na prostranstve SNG. Politika ODKB v itogah yubilejnogo sammita ODKB v Minske 30.11.2017 // Postsovetskie issledovaniya,* 2018. T. 1., №1. S. 9-19.
 15. Popov D. S. *Kitajsko-tadzhikskie otnosheniya: problemy i perspektivy. // Kitaj na postsovetskom prostranstve: sbornik dokladov: [materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 7 iyunya 2012 g.] / Ros. in-t strateg. issled.; [pod red. K. A. Koka-reva i dr.]. – Moskva: RISI, 2012. – S. 103-109.*
 16. Rahimov K.K. *Infrastrukturnye pro-ekcii geoekonomiki v Central'noj Azii // Vestnik Rossijskogo univer-siteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya.* – 2014. – №4. – S. 137-147.
 17. Rahimov K.H. *Ehtapy razvitiya integracionnyh processov na prostranstve SNG // Postsovetskie issledovaniya,* 2018. T. 1., №3. S. 274-284.
 18. Semkina E. V. *Interesy Rossii i Kitaya v Central'noj Azii: ehnergeticheskij aspekt // Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij.* – 2015. – №6. – S. 166-171.
 19. Syroezhkin K. L. *Central'naya Aziya v treugol'nike "Rossiya-Kitaj-Zapad": vybor prioritetov // Mirovaya ehkonomika i Mezhdunarodnye otnosheniya.* – 2007. – №10. – S. 12-23.
 20. Syaofehn' C. *Konceptual'nye podhody Rossii i Kitaya v Central'noj Azii: skhodstvo i razlichiya // Problemy postsovetskogo prostranstva.* – 2015. – № 4. – S. 74-83.
 21. Chzhan Han'huehj *Kitaj i Kazahstan: Grandioznye rezul'taty, prekrasnye perspektivy // Gazeta «Kazahstanskaya Pravda».* 2017. – № 15. – S. 4.

About the author: Ramich Mirzet Safe-tovich – student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). (e-mail: ramich_ms@mail.ru).